

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

3

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллинёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпилович Т. П. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: zaprudski@gmail.com
Намеснікі галоўнага рэдактара	ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: goncharova_s@tut.by АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: arsentsyeva@mail.ru ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: mik197@tut.by
Адказны сакратар	ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: alena.liankevich@gmail.com
Аліньель К.	Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У.	Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М.	Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Генчэль Г.	Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Гладкава Г.	Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А.	Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А.	Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Карпіловіч Т. П.	Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б.	Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А.	Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А.	Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В.	Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Савевіч М.	Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д.	Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А.	Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В.	Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Цзян Цюнь	Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

<i>Allignol C.</i>	Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Danylenko A.</i>	Pace University, New York, USA.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Ivashkevich I. N.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Karpilovich T. P.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Khalipov V. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Koval V. I.</i>	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lukashanets A. A.</i>	Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Rovdo I. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Shamyakina T. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 82.02(045)

МОТИВ КАК ФОРМУЛА ОБРАЗНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ШЕКСПИРОВЕДЕНИИ

Н. С. ЗЕЛЕЗИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Постулируется необходимость синтетического подхода к методологии исследования мотивики творчества У. Шекспира как автора, чье творчество, во-первых, значительно удалено от нас во временном, пространственном и ментальном отношениях, во-вторых, вобрало в себя идеи времени и выразило их в наиболее эстетически существенной для потомков форме, в сравнении с которой традиционно познаются другие произведения эпохи. Отсюда следует необходимость совмещения мотивного и сравнительного анализа, а также метода истории идей, что можно наблюдать в статьях и заметках А. Н. Веселовского, которые и послужили теоретической базой исследования. В работах ученого мотив рассматривается как простейшая повествовательная повторяющаяся единица, часть литературной традиции и художественное воплощение определенной культурной идеи. Особое внимание в статье уделяется истории идей (идеалов – в терминологии Веселовского). Современное литературоведение (в частности, шекспироведение) переживает всплеск интереса к истории идей и синтезу методов. Статья демонстрирует, что этот ракурс уже был задан работами А. Н. Веселовского и имеет глубокие корни. Возвращение внимания к труду «Историческая поэтика» в том виде, в каком она задумывалась ученым, обнаруживает ее методологическую

Образец цитирования:

Зелезинская НС. Мотив как формула образно-поэтического переживания действительности: методология А. Н. Веселовского в современном шекспироведении. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;3:5–19.

For citation:

Zelezinskaya NS. The motif as a formula of imaginative poetic experience of the reality: A. N. Veselovsky's methodology in contemporary Shakespeare studies. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;3:5–19. Russian.

Автор:

Наталья Станиславовна Зелезинская – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natalia S. Zelezinskaya, senior lecturer at the department of theory and practice of translation, faculty of social and cultural communication.
zelennew@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

и теоретическую актуальность для современного этапа развития гуманитарного знания. Описанная в статье методология может быть успешно применена в исследовании конкретных литературных мотивов, что было апробировано, в частности, на мотиве самоубийства в творчестве У. Шекспира.

Ключевые слова: мотив; мотивный анализ; сравнительный анализ; история идей; контекст; А. Н. Веселовский; У. Шекспир.

МАТЫЎ ЯК ФОРМУЛА ВОБРАЗНА-ПАЭТЫЧНАГА ПЕРАЖЫВАННЯ РЭЧАІСНАСЦІ: МЕТАДАЛОГІЯ А. М. ВЕСЯЛОЎСКАГА Ў СУЧАСНЫМ ШЭКСПІРАЗНАЎСТВЕ

Н. С. ЗЕЛЯЗІНСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Пастуліруецца неабходнасць сінтэтычнага падыходу да метадалогіі даследавання матывікі творчасці У. Шэкспіра як аўтара, чья творчасць, па-першае, значна аддалена ад нас у часавых, прасторавых і ментальных адносінах, па-другое, увабрала ў сябе ідэі часу і адлюстравала іх у найбольш эстэтычна значнай для нашчадкаў форме, у параўнанні з якой традыцыйна спазнаюцца іншыя творы эпохі. Адсюль вынікае неабходнасць сумяшчэння матываўнага і параўнальнага аналізу, а таксама метаду гісторыі ідэй, што можна назіраць у артыкулах і нататках А. М. Весялоўскага, якія і паслужылі тэарэтычнай базай даследавання. У працах вучонага матыву разглядаецца як самая простая апавядальная паўтаральная адзінка, частка літаратурнай традыцыі і мастацкае ўвасабленне пэўнай культурнай ідэі. Асабліва ўвага ў артыкуле надаецца гісторыі ідэй (ідэалаў – у тэрміналогіі Весялоўскага). Сучаснае літаратуразнаўства (у прыватнасці, шэкспіразнаўства) перажывае рост цікавасці да гісторыі ідэй і сінтэзу метадаў. Артыкул дэманструе, што гэты ракурс ужо быў зададзены працамі А. М. Весялоўскага і мае глыбокія карані. Вяртанне ўвагі да работы «Гістарычная паэтыка» ў тым выглядзе, у якім яна задумвалася навукоўцам, дэманструе яе метадалагічную і тэарэтычную актуальнасць для сучаснага этапу развіцця гуманітарных ведаў. Апісаная ў артыкуле метадалогія можа быць паспяхова прыменена ў даследаванні канкрэтных літаратурных матываў, што было апрабавана, у прыватнасці, на матыве самагубства ў творчасці У. Шэкспіра.

Ключавыя словы: матыву; матывуны анализ; параўнальны анализ; гісторыя ідэй; кантэкст; А. М. Весялоўскі; У. Шэкспір.

THE MOTIF AS A FORMULA OF IMAGINATIVE POETIC EXPERIENCE OF THE REALITY: A. N. VESELOVSKY'S METHODOLOGY IN CONTEMPORARY SHAKESPEARE STUDIES

N. S. ZELEZINSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article postulates the need for a synthetic approach to the methodology of studying the motives of W. Shakespeare's work as an author, whose work, on the one hand, is significantly removed from us in time, space and mentality, and on the other hand, the author absorbed the ideas of time and expressed them in the most aesthetically valuable form, in comparison with which other works of the era are traditionally evaluated. Hence we see the need to combine motif analysis, comparative analysis and the method of the history of ideas, which can be observed in the articles and notes of A. N. Veselovsky, which served as the theoretical basis of the study. In the works of the scientist, the motive is considered as the simplest narrative unit, a repeating unit and part of the literary tradition, and an artistic embodiment of a certain cultural idea. Particular attention is paid to the history of ideas (ideals – in Veselovsky's terminology). Contemporary literary criticism (in particular, Shakespearean studies) is experiencing a surge of interest in the history of ideas and the synthesis of methods. The article demonstrates that this perspective has already been set by A. N. Veselovsky's works and has deep roots. The return of attention to «Historical poetics» in the form in which it was conceived by scientists reveals its methodological and theoretical relevance for the modern stage of development of humanitarian knowledge. The methodology described in the article can be successfully applied in the study of specific literary motives, which was tested, in particular, on the motive of suicide in the works of W. Shakespeare.

Keywords: motif; motif analysis; comparative analysis; the history of ideas; context; A. N. Veselovsky; W. Shakespeare.

Введение

Александра Николаевна Веселовского считают основоположником исторической поэтики как теории мотива и сюжета в литературоведении (см., например, [1–8]). Исследователи пишут о его вкладе в теорию мифа и фольклористику [9–12], постоянно отмечают значение историко-сравнительного метода и вклад ученого в генезис и развитие компаративистики как науки [13; 14]. Однако только с конца XX в. стали обращаться к его опыту использования истории идей в литературоведении [15; 16]. Между тем А. Н. Веселовский подчеркивал ее значимость для понимания мотива и развивал эту мысль в ряде статей.

Более того, если ставить перед собой практическую цель (изучение конкретного мотива в творчестве елизаветинского драматурга), то мотивный анализ, сравнительный метод и историю идеалов А. Н. Веселовского нельзя рассматривать по отдельности: все они являются разными сторонами исследования мотива, и наилучший результат может быть получен непосредственно при совмещении трех углов зрения. «Проблема метода стояла перед Веселовским не как проблема выбора или самоопределения, а как проблема подбора и синтеза. То здание научной теории, которое строил Веселовский, в принципе имело синтетический характер» [17, с. 317]. Данный факт не стал очевидным сразу и всем, ввиду того что работа «Историческая поэтика» при жизни автора так и осталась неоформленной как единое целое, несмотря на попытку издания в 1908–1938 гг. собрания сочинений (не было завершено) и последующие усилия В. М. Жирмунского в этом вопросе. Связано это и с тем, что А. Н. Веселовский редко прибегал к обобщениям и его теоретические выкладки могут требовать научного комментария. Скрупулезный анализ статей, заметок, записей о научных планах, архивная работа, предпринятые в 2000-х гг. И. О. Шайтановым, позволили восстановить план «Исторической поэтики» и воспринять разрозненные статьи как методологическое целое. Многие идеи, высказанные литературоведами в XX в., по сути, были повторением или развитием (озвученным или нет) методологических рассуждений А. Н. Веселовского, и сегодня важно видеть, как формировались эти идеи, и понимать, что методология Веселовского до сих пор не теряет своей актуальности, поскольку позволяет учесть особенности поэтики самого произведения, его место в литературе, генезис и эволюцию каждого мотива. Подобная многовекторность подхода обеспечивает системный анализ мотива в художественном произведении, что особенно важно для изучения вечных образов, устойчивых мотивов национальной литературы, произведений, написанных настолько давно, что игнорирование семантики, структуры и прагматики определенного мотива, свойственных ему непосредственно в данную эпоху, препятствует верной интерпретации всего произведения и творчества автора в целом, как это нередко происходит с пьесами У. Шекспира, воспринимаемыми сквозь призму литературоведческих, психологических, политических, исторических и иных теорий XX в. Ошибочность и надуманность многих интерпретаций драм У. Шекспира сегодня очевидна, и потому особую актуальность обретает подход, предлагающий эксплицировать семантические смыслы, во-первых, из интенций автора, заданных культурными установками эпохи, во-вторых, из поэтических характеристик текста. Актуальность данного исследования обусловлена соответствием этому подходу. Ключ к системности в анализе мотива предложен в научных трудах А. Н. Веселовского в их совокупности. Цель настоящей статьи состоит в обосновании системного анализа мотива в художественном произведении или ряде произведений, творчестве автора в том виде, в котором он предложен совокупностью методологических решений А. Н. Веселовского. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить природу мотива в понимании А. Н. Веселовского и ее дальнейших интерпретаций ведущими разработчиками теории мотива;
- 2) обосновать необходимость анализа мотива «в большом времени», т. е. в эволюции в целях обнаружения константного и свободного элемента в структуре мотива;
- 3) показать способность истории идей объяснять выбор варианта мотива автором и выявлять типологические черты мотива в определенную эпоху.

«Одночленный схематизм» мотива

В 1797 г. в статье «Об эпической и драматической поэзии» И. В. Гете ввел музыкальный термин «мотив» в литературоведческий оборот. На рубеже XIX–XX вв. теория мотива стала предметом пристального внимания А. Н. Веселовского. Так, в статье «Поэтика сюжетов» как части задуманного концептуального труда «Историческая поэтика» А. Н. Веселовский размышляет о природе сюжета, а также о мотиве как о неразложимой и повторяющейся единице сюжета и дает широко известное определение: «Под мотивом я разумею формулу, образно отвечающую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закрепляющую особенно яркие, казавшиеся важными или повторяющиеся впечатления действительности. Признак мотива – его образный одночленный схематизм» [18, с. 538]. Эти два свойства и в дальнейших исследованиях по теории мотива были показаны как имманентные, хотя постоянно подвергались попыткам уточнения в рамках иных концептуальных контекстов.

Первым, кто на пути к структурной поэтике поставил под сомнение неразложимость мотива, был В. Я. Пропп, предложивший в книге «Морфология волшебной сказки» использовать понятие «функция действующего лица»: «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [17, с. 25]. Он доказал однотипность строения сказок, выделив 31 функцию действующих лиц из 100 сказок. Эти функции представляют собой те составные части, которыми В. Я. Пропп предлагает заменить «мотивы Веселовского» [17, с. 29]. Но В. Я. Пропп неверно понимает А. Н. Веселовского, противопоставляя одночленность схематизма и неразлагаемость мотива в сказке своему наблюдению, согласно которому «те мотивы, которые он (А. Н. Веселовский. – Н. 3.) приводит в качестве примеров, раскладываются. <...> Возьмем мотив “змей похищает дочь царя” (пример не Веселовского). Этот мотив разлагается на четыре элемента, из которых каждый в отдельности можно варьировать. Змей может быть заменен Кощеем, вихрем, чертом, соколом, колдуном. Похищение может быть заменено вампиризмом и различными поступками, которыми в сказке достигается исчезновение. Дочь может быть заменена сестрой» [17, с. 22]. Однако А. Н. Веселовский говорил о функциональной неразложимости мотива в сказке (легенде, песне), а не о формальной, потому что сколько не меняй вихрь на сокола, убрать его нельзя, в разложенном состоянии мотив перестает существовать, так как он не может функционировать без своих членов. А. Н. Веселовский осознавал это и потому использовал слово «формула», т. е. подчеркивал, что мотив *формально* подразделяется на части. В чем В. Я. Пропп был прав, так это в выявлении ведущей роли предикативного элемента, действия или функции, поэтому в дальнейшем введенное ученым понятие функции не смогло вытеснить термин «мотив», а даже наоборот – стало рассматриваться как его ядерный компонент (предикат), обеспечивающий существование инварианта мотива [19].

Вариативность мотива показали в своих работах А. Бем и А. И. Белецкий, использовавшие иную терминологию. В небольшой, но значимой работе «К уяснению историко-литературных понятий» (1919) А. Бем «расчленяет мотив... любви чужеземки к пленнику... в “Кавказских пленниках” Пушкина и Лермонтова и поэме Шатобриана “Атала”» [20, с. 225] и выявляет основу сравнения данных сюжетов (в том числе потенциально с любыми последующими произведениями о «пленниках» других авторов). Отталкиваясь от произведения как от «единственного литературного факта», А. Бем устанавливает, что «мотив потенциально содержит в себе возможности развития, дальнейшего нарастания, осложнения побочными мотивами» [20, с. 226], указывает на сходство сюжетов «в самой общей их формулировке» [20, с. 227], т. е. на существование некоего инварианта в противоположность «алломотиву» (варианту). Сюжет исследователь видит как усложненный мотив, отличает его виды по разной степени абстракции, отмечает, что инвариант – это фикция, схема. Таким образом, А. Бем иначе, чем А. Н. Веселовский, понимает выявленную последним дихотомичность мотива и сюжета. А. И. Белецкий в монографии «В мастерской художника слова» (1923) также разграничивает вариант и инвариант, используя термины «мотив реальный» и «мотив схематический» [21].

Таким образом, уже первыми теоретиками мотива были обнаружены его основные свойства: повторяемость, неразложимость, предикативность, инвариантность функции, вариативность художественного выражения, которые позже трактовались настолько различно, что сложилось несколько направлений исследования мотива (см. [7; 22]).

Выделение свойств мотива неразрывно связано с вопросом его границ, которое актуализируется практически в любой работе о мотиве. В 1983 г. в статье «Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов» Е. М. Мелетинский разработал структурно-семантическую модель мотива по образцу семантических ролей, которые изучал лингвист Ч. Филмор. Е. М. Мелетинский уподобляет структуру мотива структуре предложения и предлагает рассматривать «мотив как одноактный микросюжет, основой которого является действие» [23, с. 117], выступающее предикатом, от которого зависят число и характер актантов. Цель данной модели – корреляция между морфологией и семантикой мотива (для этого осуществляются также попытки построить структуру мотива на лингвистической теории валентности). В качестве примера Е. М. Мелетинский выделяет «минимальный набор аргументов-актантов» (субъект, объект, материал, источник), выявляет «ряд определенных способов, которые представляют отдельные предикаты» [21, с. 117–118]. Дальнейший анализ мотива приводит ученого к пониманию того, что «зыбкость переходов не мешает» реализации данной модели [23, с. 119]. И действительно, она успешно применяется на практике для понимания варианта (инварианта) конкретного мотива.

Однако Е. М. Мелетинский настаивал на возможности существования исключительно мотивов, представленных «полной актантной структурой», и таким образом исключал многие элементы текста, расцениваемые другими исследователями в качестве мотивов. Сам ученый дискутировал по этому вопросу с С. Томпсоном. Теорию Е. М. Мелетинского оспаривал М. Л. Гаспаров. Последний расширяет рассматриваемое понятие за счет разведения мотива и сюжета и максимального редуцирования его структуры,

опираясь на повторяемость как единственное непреложное свойство. Под мотивом понимается «любой феномен, любое смысловое “пятно” – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами (“персонажами” или “событиями”), здесь не существует заданного “алфавита” – он формируется непосредственно в разворачивании структуры и через структуру» [24, с. 30–31]. Данный интертекстуальный подход открывает новые значимые возможности применения термина. Хотя многие литературоведы не поддерживают подобное расширение объема понятия за счет метафизических смыслов, однако оно снимает вопрос границы мотива, который всегда ощущался как проблема. Сегодня общепринятым стало суждение о том, что мотивам свойственно расширяться (до мотивного комплекса) и сжиматься (до аллюзии, прецедентного слова или словосочетания, в которых можно увидеть примирение разных точек зрения).

Мотив в «большом времени»

Произведения нельзя рассматривать вне их длительного и сложного процесса созревания, они «разбиваются грани своего времени, живут в веках, т. е. в «большом времени» [25, с. 331]. Попытки понять литературное творчество только в контексте его эпохи обречены на неудачу.

Для А. Н. Веселовского наиболее значимым предметом исследования была не столько природа мотива, сколько сама «жизнь» сюжета. И если первоначально ученый задавался вопросом о генезисе сюжетов, обосновывал теорию бытового психологического самозарождения и необходимость сравнения для установления факта заимствования, то позже его внимание перешло с того, каким образом и что заимствуется в культуру, на то, как принимающая культура (и лично автор) преобразует имеющуюся традицию (именно этот вектор подхватили А. Бем и А. И. Белецкий). Для решения данной задачи истории литературы ученый избрал сравнительный метод, обосновав методологию в ряде своих работ [26–29].

Мысль А. Н. Веселовского о генезисе и бытовании сюжета А. Бем развивал уже в поле индивидуального творчества, выйдя на «вопрос о формирующем значении сюжета и тем самым свободе и необходимости в творчестве» [20, с. 227]. Как и А. Н. Веселовский, А. Бем осознавал и существование устойчивых образных схем, закрепленных традицией за тем или иным типом содержания и служащим данному содержанию планом выражения, и значимые различия между воплощениями схемы в поэтике произведений.

Сюжет А. Н. Веселовский определяет как тему, в которой снуются *разные положения мотива*. Стоит обратить внимание на разницу данных положений как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. Анализ «жизни» предания позволяет, с одной стороны, проследить изменения в осмыслении сюжета и мотива в нем в различных культурных условиях, с другой – выявить интенции конкретного автора.

Raison d'être мотива

Остается открытым вопрос о том, почему эволюция мотива произошла именно таким и никаким другим образом, почему автор обратился к конкретному сюжету в данный момент времени, выбрал этот, а не какой-либо другой вариант мотива.

История идей – предметное поле гуманитарного знания, связанное с изучением генезиса, становления, распространения и трансформации различных идей в качестве продуктов мыслительного труда человека. История идей как школа стала формироваться в США с начала XX в. Это была попытка преодолеть детерминизм и позитивизм культурно-исторического подхода и многим обязана Ф. Ницше и В. Дильтею, а в литературоведческом приложении – Р. Унгеру, который в 1908 г. в книге «Философские проблемы в новейшем литературоведении», конкретизируя философские принципы подхода к искусству, подчеркнул важность не столько общефилософских, сколько специфических проблем, таких как судьба, свобода и необходимость, дух и природа, любовь и смерть. Основу метода составляет исследование единичных идей (*unit ideas*), которые сплетаются друг с другом и меняют формы выражения, оставаясь относительно неизменными.

Исследователь А. Лавджой описывал свой метод следующим образом: «Обратившись к какой-либо элементарной идее, вычленив ее, историк стремится проследить ее развитие не в одной только области, где она так или иначе представлена, а во многих, если не во всех – как бы эти области не назывались: философия, наука, литература, изобразительное искусство, религия или же политика. Постулатом подобного рода исследования выступает тот, что работа любой данной концепции, эксплицитной или подразумеваемой предпосылки, типа ментальных привычек, специфических тезисов или аргументов, нуждается – дабы в полной мере понять их природу и историческую роль – в системном изучении всех аспектов рефлексивной жизни человека, где такая работа осуществляется, или, по крайней мере,

настолько полным, насколько это позволяют возможности историка. Данный постулат покоится на убеждении в том, что между этими сферами существует гораздо больше взаимосвязей, чем это обычно принято полагать, что одна и та же идея нередко проявляется, пусть и трудно узнаваемой, в самых разных областях интеллектуального мира» [30, с. 15]. А. Лавджой ставит целью изучить разные виды восприимчивости общества соответствующего времени к определенным видам пафоса в данный период, с чем умеют играть философы, превращая ту или иную философскую систему в популярную. Плодотворны, с его точки зрения, попытки проследить способы конструирования систем, внедрения их в человеческое сознание. Еще одной целью историка идей, если он хочет вычленив подлинно значимые факторы больших периодов мысли, должно быть исследование того, что «можно назвать философской семантикой», т. е. «сакраментальных понятий и выражений того или иного периода или течения, прояснение их двусмысленностей (неоднозначности – *ambiguities*), перечисление различных оттенков значения и изучение того, как неясные ассоциации идей, возникающие из этих двусмысленностей, влияли на развитие доктрин и подталкивали незаметную трансформацию одной модной мысли в другую, порой полностью ей противоположную» [30, с. 19]. В неоднозначности идей А. Лавджой видит движущую силу их развития. Не вся семантика идеи целиком, а лишь какие-то оттенки значения оказываются настолько созвучны доминирующим ценностным системам, коллективным установкам, вкусам, что со временем данное значение начинают употреблять как основное, постепенно трансформируя идею в сознании людей.

С 1940 г. под редакцией Ф. Винера выходит специальный журнал (*Journal of the History of Ideas*), с 1968 г. – пятитомный словарь истории идей (*Dictionary of the history of ideas. Studies in the pivotal ideas*), в 1976 г. – словарь Р. Уильямса (*Keywords. A vocabulary of culture and society*). Как указывает В. И. Шамшурин, в 1977 г. на конференции в Вингспреде (США) приверженцами «истории идей были сформулированы ее основные пункты. В первом из них отмечается, что «исследуется развитие и изменение ментальных достижений человечества, “история идей”, выявляются духовные образцы, “интеллектуальные парадигмы” или “абсолютные предпосылки”, рассматривается их конкретная связь с историческим или социально-политическим действием»; во втором подчеркивается междисциплинарный характер исследований [31]. Уже А. Лавджоем история идей воспринималась как междисциплинарное образование, невозможное без вычленения отдельных идей (*unit ideas*) из многих отраслей знания: истории философии, литературы, науки, искусства, фольклора, этнографии, языка, религий, образования, экономической теории, политологии и социологии.

На историю идей большое влияние оказала история ментальностей, усилившая значимость ментальных установок для бытования идеи. Под влиянием школы «Анналов» было расширено предметное поле истории идей. Исследователи вышли за пределы великих и разделяемых образованной частью общества идей, охватили массовое сознание, т. е. коллективные или социальные ментальности различных эпох («История идей сама выбирает, на каком уровне проводить исследование» [31]). Л. Февр считал, что история ментальностей должна изучать психическую жизнь во всем ее объеме от наиболее эмоциональных проявлений в области чувств до наиболее интеллектуальных форм в области религиозного и научного мышления [32]. Историю ментальностей развивали создатели школы «Анналов» (1929) Л. Февр и М. Блок, а также историки Ф. Бродель, Р. Мандру, Ж. Делюмо (основатель истории чувств: страха, безопасности, отношения к телесности и т. д.), Ф. Арьес (идея смерти) и М. Фуко (идея безумия, археология знания) и др. Все они по-разному определяли предметное поле и, соответственно, методологию истории ментальностей, что не мешало им получать более «живые» результаты, чем в исследованиях, проводимых в рамках классического культурно-исторического подхода. Так, с точки зрения М. Блока, изучение мира представлений должно включать как психические, так и социальные установки, всевозможные, в том числе материальные, ограничения, навязываемые обществом человеку. Следуя мысли Э. Дюркгейма о том, что основным системообразующим фактором каждого общества является единая система ценностей, включающая религию, верования, представления, обычаи, нравы, М. Блок делал акцент на изучении прежде всего наименее осмысленных и выраженных форм ментальной деятельности. В его работах заметен интерес к анализу повседневных поступков и привычек, формирующих социальные отношения.

Изучение истории ментальностей в России прочно связано с именем А. Я. Гуревича, на которого определяющим образом повлиял Ф. Арьес. А. Я. Гуревич одним из первых обратил внимание на первостепенную особенность менталитета – его имплицитность, скрытый, неявный, неосознанный характер проявления: «Ментальность во многом, – может быть, в главном – остается непрорефлектированной и логически не выявленной. Ментальность – тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания, – люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, не вдумываясь в их существо и предпосылки, в их логическую обоснованность» [33, с. 56–57]. Другими словами, *ментальность* – аморфно собранные элементы внутреннего мира человека, сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, чувств, убеждений, воли,

верований, установок, моделей и стереотипов поведения, настроений, которые объединяли носителей в некую общность. Нечеткость границ и стремление к преодолению аморфности привели к изучению ментальности как текстуально закреплённого объема свидетельств (М. Фуко), что в конце XX в. вызвало концентрацию интереса на сопоставлении текстов как исторических фактов (см., например, [34]), своеобразному апогею лингвистического поворота гуманитарных наук.

В свою очередь, «метафора “текста” обострила внимание к предметно-бытовому составу культуры, к письменности вещей и жестов», к тому, как текст «“работает” (*works*), или, иначе говоря, какова функциональная соотносительность социальных структур, институтов, обычаев», как отмечает И. О. Шайтанов [35]. Повседневность была впервые поставлена в центр предметного поля Ф. Броделем в книге «Структуры повседневности» [36]. Сторонники истории повседневности изучают прежде всего быт как установку ментальности, частную жизнь людей (общества, социума, семьи, индивида), влияние на нее исторических и культурных событий. Немаловажную роль играет задача выяснения того, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяют поведение людей в специфических исторических обстоятельствах. История повседневности показывает суть человека одновременно как объекта и субъекта истории. Идея бытовой (повседневной) истории получила яркое воплощение, в том числе в фундаментальной работе Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» [37], ряде трудов Ю. М. Лотмана (например, «Смерть как проблема сюжета» [38]).

Разделить историю идей, историю ментальностей и историю повседневности на практике фактически невозможно ввиду смешения их предмета, объекта и методологии. Происходит и примирение на уровне методологии. Популярно суждение К. Скиннера, ведущего представителя кембриджской школы (интеллектуальной истории), о том, что при интерпретации авторских интенций в основе необходим текст, фиксирующий контекст, под которым понимается общество. При недостаточности и (или) неоднозначности толкования в основу исследования должны быть положены более глубокие ментальные образования [39].

Методология истории идей и истории ментальностей давно закрепились в зарубежном шекспироведении. Одной из первых по-настоящему проницательных (*insight*) литературоведческих работ является расширенный сборник лекций Ф. П. Уилсона «Елизаветинцы и якобинцы» (1948). Автор сначала излагает свое видение различий между двумя эпохами, затем показывает, как они отразились на поэзии, прозе и драматургии XVI–XVII вв. Благодаря потрясающей эрудиции исследователь рисует широкую и многовекторную картину влияния английского менталитета на литературу. В книге также рассматриваются популярные (в том числе в научной среде) мифы о двух периодах, в частности, склонность упрощать различия, видеть особенность якобинской эпохи в пессимизме и т. д. Также работа Ф. П. Уилсона оказывает влияние на современное шекспироведение и постоянно переиздается [40]. Контекстуальный анализ помог переключить внимание с шекспировского читателя на зрителя, задать шекспировский вопрос и ответить на него, очертить проблемное поле культурного влияния на У. Шекспира, акцентировать проблемы соавторства и апокрифов и т. д. Просто перечислить все шекспироведческие работы, привлекающие методологию или результаты истории идей и ментальностей, не представляется возможным.

Обратимся к истории идей и ее методу в российском литературоведении. А. Н. Веселовского история идей заинтересовала еще до появления работ А. Лавджоя (истоки истории идей можно отнести к концу XIX в., философская мысль оформилась в 1920-х гг., а книга «Великая цепь бытия» вышла в 1936 г.) и П. Миллера (термин «интеллектуальная история идей» был введен им в книге «Сознание Новой Англии» в 1935 г.). Вероятнее всего, в Германии А. Н. Веселовский увлекся идеями В. Дильтея и его формирующейся в то время историей духа (*Geistgeschichte*). В. Дильтей представлял человека как целостность воли, чувства, представлений и разума. Неслучайно в трудах А. Н. Веселовского закрепился любимый термин В. Дильтея «переживание» (*das Erleben*) в значении проживания действительности и даже воплощения идей в творчестве. Русский ученый рассматриваемое направление научной мысли называл историей идеалов, поскольку главной целью для него как для литературоведа было понять, почему некая идея становилась популярной (идеальной) в определенную эпоху, в каком виде она обладала особой притягательностью в тот период, какие ее формы рисовались воображению общества и, следовательно, оживали под пером поэта или писателя.

Уже в ранних размышлениях А. Н. Веселовский утверждал: «Общество рождает поэта, не поэт общество. Исторические условия дают содержание художественной деятельности» [41, с. 36]. «Вступительную лекцию о методе и задачах истории литературы» исследователь завершает словами о необходимости «проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает в старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливалась всякое предыдущее развитие» [42, с. 20]. На вопрос о том, каково же, собственно, «содержание жизни», можно ответить только проанализировав его с точки зрения рассматриваемого исследователем

мотива. Связь с действительностью ученый считал имманентной мотиву, поскольку уже в определении понятия отмечал, что мотив закрепляет «особенно яркие, казавшиеся особенно важными или повторявшиеся впечатления действительности» [18, с. 535].

Не раз А. Н. Веселовский затрагивает вопросы об «исторической объективности» [28, с. 220], изменении нравственного содержания «по идеям времени, господствующим в обществе, и личном миро-созерцании» [29, с. 231], полезности «истории философских учений и образовательных искусств... для освещения литературных явлений» [28, с. 225]. Ученый рассуждал о том, что если сходства объясняются заимствованиями или общими принципами развития архаического сознания, то «несходства вложены историей и особенностями народного развития» [26, с. 116]. «В истории литературы, понятой как эволюция человеческой мысли в формах человеческого слова, великие поэты и писатели, художники слова, впервые найдут себе подобающее место. Их эстетическая ценность, наслаждение, доставляемое ими, от этого не увеличатся, но они станут более *сознательными*, и получатся материалы для той исторической эстетики, которая одарит нас теорией изящного, построенной не на отвлеченных началах, а на истории вкуса, чередования широких поэтических течений, нередко на чисто внешних, например, сценических, факторах» (курсив наш. – Н. З.) [28, с. 215–216].

В 1886 г. в работе, опубликованной в немецком журнале, А. Н. Веселовский писал: «К этому я присоединил бы еще одну задачу, входящую в район сравнительной истории литературы, задачу не легкую, но полезную в методологическом отношении. В известные периоды литературного развития замечается предрасположенность писателей, и, очевидно, публики, не только к известным поэтическим родам... но и к известным сюжетам. Эти сюжеты либо творятся наново, иногда из обломков старых, или они уже были, и были забыты, и снова выдвигаются в литературу, отвечая на общественный спрос (приводится как пример легенда о Фаусте, чей тип идеализируется в драме К. Марло. – Н. З.). Итак, популярность известных сюжетов в известную пору имеет свой общественный *raison d'être*. Для сближения, подобного этому, необходимы условия: хронологическая определенность памятника, популярность которого засвидетельствована, и хорошее знакомство с идеями современного общественного развития» [26, с. 232].

Истории идеалов А. Н. Веселовский придавал особую значимость. Это подтверждается тем, что раздел с соответствующим названием был включен им в план работы «Историческая поэтика» наравне с разделом «Поэтика сюжета» [43, с. 176–180]. И. О. Шайтанов пришел к выводу, что к разделу «История идеалов» А. Н. Веселовский относил материалы статей «Из истории развития личности», «Из истории *Naturgefühl*» и «Из поэтики розы» [44, с. 13]. В них метод истории идей главенствует, но и во многих других работах присутствует либо метод, либо элементы анализа внешней действительности, повлиявшей на тексты.

В статье «Из истории развития личности», впервые опубликованной в 1972 г., А. Н. Веселовский обращается к культурным кодам Античности, Средних веков и Возрождения, чтобы поставить под сомнение правомочность господствовавшей в конце XIX в. концепции средневекового развития личности. Автор учитывает «общественные представления», «странное разнообразие культурных элементов», «отдельно бегущие струи в безразличной массе культурных фактов» [45, с. 238], т. е. культурные установки, менталитет средневекового человека, женщины в частности, средневековое понимание *virtu* [45, с. 239], чтобы определить, что «чувство новой формы еще не прояснилось и не явилось сознание того нового принципа, который мог бы творчески объединить разрозненные элементы... и негде было развиваться личной инициативе... личное подчинялось массовому» [45, с. 239]. Далее ученый верифицирует свою гипотезу анализом большого количества средневековых итальянских и английских текстов. Беспрецедентное по своей методологии исследование позволяет назвать А. Н. Веселовского создателем метода истории идей в литературоведении.

Проявленное А. Н. Веселовским внимание к истории идеалов всегда удерживалось советскими и российскими исследователями (см., например, [25; 46]). Современные литературоведы подчеркивают зависимость понимания целостности произведения от контекста, вычленения аксиологического компонента от умения увидеть текст в контексте социума и эпохи, применяют историю идей при рассмотрении формирования стиля и т. д. Будучи необыкновенно популярным и продуктивным у историков, культурологов и социологов, которые традиционно прослеживают идеи, зафиксированные в литературных памятниках, в литературоведческих работах метод истории идей редко выходит на первое место. Такой работой стала монография И. О. Шайтанова «Мыслящая муза: открытие природы в поэзии XVIII века» (1989) [47], уникальный опыт, позволивший на расстоянии нескольких десятилетий увидеть автора «разработчиком русского варианта “биографии идей”» [48, с. 9].

И. О. Шайтанов использует методологию истории идей, чтобы сократить временную и языковую дистанцию между современным исследователем, читателем и поэзией XVIII в.: «Мы приближаем эпоху к себе, смотрим на нее в свете будущего, торопим ее появление. И в этом тем более расходимся с суще-

ствовавшей самооценкой: приговор новому зависел во многом от того, насколько оно, новое, вписывается в традицию, признавалось отвечающим установленным высшим образцам» [47, с. 3]. В предисловии сразу обозначены три точки на оси времени: настоящее, в котором пишет исследователь; прошлое, в котором и для которого писал автор; прошлое (плюсquamперфект), в споре с которым писал автор. Только установление отношений между всеми тремя временными отрезками способно раскрыть суть явления. Данное отношение выстраивается по степени ценностности идеи, чаще воплощенной в тексте, но иногда и бытовавшей в виде ментальной установки: И. О. Шайтанов привлекает к рассмотрению философские воззрения эпохи, историю идеи природы, цельности бытия, становления самосознания личности и др. В числе прочих ставятся задачи «рисовать картину эпохи» [47, с. 5], показать, какие представления о природе были «центральными для мировоззрения» [47, с. 8]. В фокусе оказывается «обширный и разнообразный ряд работ, благодаря которым *меняющееся чувство* природы становилось фактом общекультурного значения» [47, с. 8–9]. Сейчас метод истории идей ведущий в диссертационных исследованиях шекспироведов Л. В. Егоровой (2009), В. С. Макарова (2000), И. И. Лисович (2014).

В белорусском литературоведении продуктивность историко-контекстуального подхода к изучению национальных литератур постоянно подчеркивает А. А. Гугнин, положивший его в основу своего монографического исследования «Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте» (2000) и ряда статей [49–52]. Как руководитель научной школы историко-контекстуального метода в изучении мировой литературы, ученый оценивает потребность в «исторической объективности» и возможность ее достижения в литературоведении с позиций современной философской мысли. Для нашей работы очень актуальна мысль А. А. Гугнина о том, что «историко-контекстуальный подход позволяет четко систематизировать религиозные, политические, социокультурные, социолингвистические и прочие многочисленные различия локальных контекстов литературного развития» и посредством анализа их влияния действительно «объяснить разительные [типологические] расхождения» [51, с. 6], а в приложении к нашему объекту исследования – объяснить неоднородность, даже противоречивость идей автора, которую можно наблюдать в творчестве в целом и нередко даже в рамках одного произведения.

Использование методологии А. Н. Веселовского в исследовании мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира

В конкретном литературоведческом мотивном исследовании непременно придется ответить на вопрос о том, почему определенный мотив стал популярен, заинтересовал автора, т. е. с точки зрения истории идей необходимо объяснить, почему некая идея витала в воздухе, т. е. была актуальна, интересна, воспринималась как проблема лучшими умами эпохи. Без ответа на вопрос о причинах возникновения и частотности в творчестве автора того или иного мотива мотивный анализ произведения оторван от основного пласта литературы и культуры и оттого не может быть интерпретирован досконально и объективно. Как видим сегодня, ревизии подлежат интерпретативные попытки объяснить творчество У. Шекспира сквозь ментальные наслоения XVIII–XXI вв. Вслед за А. Н. Веселовским мы настаиваем на проникновении в замысел автора, анализ восприятия пьесы елизаветинскими и якобинскими зрителями, прагматику тех или иных вариантов мотива в комедиях и трагедиях, учете театральных условностей эпохи, т. е. на использовании методологии истории идей в сочетании с методами компаративной поэтики. Перспективно, в частности, обращение к синтезу мотивного анализа, компаративного и контекстуального анализа при рассмотрении мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира. И если с первыми двумя все достаточно ясно, то в процессе исследования идеи добровольной смерти в английском менталитете рубежа XVI–XVII вв. возникает ряд дополнительных вопросов.

В первую очередь мы упираемся в вопрос: «Из чего конкретно исходить при определении факторов, повлиявших на один из элементов поэтики выдающегося английского драматурга конца XVI – начала XVII в.?» Проанализировав теорию и практику применения методологии истории идей, мы считаем нужным включить текстуально закрепленные суждения о добровольном уходе из жизни, о чем будет сказано ниже, и поведенческие практики, в совокупности формирующие наше представление о коллективных установках касательно такого явления, как самоубийство. Мы исследуем константы культуры в преломлении менталитета эпохи, чтобы попытаться реконструировать процесс формирования данных установок, воссоздать релевантную предмету и объекту исследования картину мира.

Конечно, в случае с другими авторами мы могли бы воспользоваться материалами анализа биографических сведений, эссеистики, писем современников и т. д., но в случае с У. Шекспиром никакие известные нам факты биографии (очень скудные) не объясняют интереса к проблеме самоубийства в его творчестве, как, например, в случае с Т. Мором. На поверхности лежит возможность проанализировать прочитанные У. Шекспиром тексты на предмет выражения идеи самоубийства. Рассуждая таким образом, мы включили в круг рассмотрения следующие группы произведений:

1) тексты, чье влияние на У. Шекспира доказано рядом ученых ввиду того, что они читались учениками английской грамматической школы второй половины XVI в., следовательно, и драматургом (допущение, принятое в шекспироведении повсеместно) [53; 54] и подтверждено текстологически (например, работой Р. Бертона «Анатомия меланхолии»);

2) произведения, которые, скорее всего, не были непосредственно прочитаны драматургом, но содержали «идеи, витающие в воздухе того времени» и воспринятые разными социальными кругами осознанно или бессознательно, опосредованно или непосредственно.

Учтем, что данные группы текстов сформированы не окончательно и объекты анализа могут добавляться или перемещаться из одной группы в другую ввиду недоскональности и постоянного обогащения нашего знания о Шекспире и круге его чтения.

В данном случае существует опасность безграничного расширения корпуса прецедентных текстов из последней группы, поэтому на основании сопоставительного анализа необходимо создать «предварительный образ» мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира, прогнозировать результаты использования того или иного текста для сопоставительного анализа, обнаружить значительную степень близости к шекспировским произведениям, учитывать релевантность для исследования мотива самоубийства и ограничить их число до такой степени, когда рассмотрение каждого нового текста перестает приносить новые смыслы.

Сегодня в науке очевидна тенденция к дальнейшему расширению не столько количества, сколько качества исходных данных. Во введении к книге о бытовании научного знания в раннее Новое время И. И. Лисович пишет: «Возникает требование нелинейной истории, которая бы давала более полное представление, в том числе и о периоде научной революции, в котором как медиевисты, так и специалисты по раннему Новому времени стали находить все больше следов от прошлых эпох и альтернативных практик, что послужило причиной последовательного отказа от модернизации во имя идеи прогресса. В связи с этим в поле внимания исследователей все чаще попадает общий интеллектуальный и культурный контекст научного знания. <...> Погружение в более широкий культурный контекст дает совершенно иное представление об историческом периоде и позволяет открыть иные векторы развития (научных практик)» [55, с. 7]. Данное расширение идет рука об руку с отказом от тотальной структуризации и иерархизации исходных данных в пользу *эклектичности*, заявленной еще Дж. Бейтом в книге «Шекспир и Овидий» (1994) [56]. Сегодня и российские ученые исходят из «*неоднородности* культурного пространства» (здесь и далее курсив наш. – Н. З.) [57, с. 307], и зарубежные авторы предпочитают видеть его как «*сеть* динамичных взаимообъясняющих отношений между людьми, телами, пространствами, структурами, вещами в противоположность сложившемуся научному подходу, разделяющему объекты исследования философии и медицины и тем сужающими их кругозор» (перевод наш. – Н. З.) [58].

Однако бесконечным расширение быть не только не может (полнота качественная не есть полнота количественная), но и не должно, поскольку не мог автор, хотя бы и У. Шекспир, воспринять все идеи своего времени (от такого видения выразителя времени предостерегал еще А. Н. Веселовский), поэтому литературоведческий вектор направлен и от социального к личному. Приняв к сведению коллективные установки, писатель воспроизводит их в контексте *своей* уникальной жизни. Методолог и один из основателей интеллектуальной истории Л. П. Репина объясняет: «Чтобы понять авторское высказывание, необходимо “увидеть” весь процесс его порождения, в котором “вызов” встающих перед мыслителем проблем соединяется с реальными социально-политическими и жизненными обстоятельствами, с его интересами, намерениями и целями, с располагаемыми культурно-интеллектуальными ресурсами, с событийным рядом его действий по производству текста, и пр.» [59, с. 6].

Нечто воспринятое существует в качестве и сознательного, и бессознательного, и из обоих уровней по принципу отбора (отсеивания, игнорирования) формируются творческие интенции писателя. Затем, уже ввиду различных установок интерпретатора и его культурного и интерпретативного опыта, один и тот же текст может быть понят совершенно по-разному и даже противоречиво, что исчерпывающе продемонстрировало чтение источников новым историзмом.

Заключение

В определенный отрезок времени, обычно сопоставимый с эпохами и историческими периодами, общество руководствуется некоторым набором этических ценностей, которые становятся критериями оценки действий и высказываний отдельных индивидов. При смене эпохи и, следовательно, менталитета, а также при перемещении по горизонтали, т. е. в национальном преломлении, содержание данного набора варьируется. Таким образом, можно говорить об особой ценности тех или иных ментальных

установок относительно достаточно ограниченного ряда постоянно существующих идей. Их особая ценность заключается в соответствии с потребностями времени и, значит, большей возможностью реализации именно в этот период, какими бы они ни были (прогрессивными либо регрессивными с какой бы то ни было, даже субъективной, точки зрения). Система актуальных ценностей находит отражение в мотивике литературы данной эпохи, что диктует необходимость проводить мотивный анализ в контексте соответствующего периода для выявления особенностей конкретного произведения и автора и на фоне «большого времени» для установления константных характеристик рассматриваемого мотива.

Стоит подчеркнуть тот факт, что у А. Н. Веселовского история идей (идеалов) входит в общую систему исторической поэтики, где она соседствует и взаимодействует с ключевыми понятиями: сюжет – мотив – жанр. Методология «Исторической поэтики» предполагает анализ мотивов внутри более сложных смысловых комплексов, в первую очередь сюжетного и жанрового, что открывает возможность для расширения смыслового контекста, далеко не ограниченного системой поэтики, но предполагающего его прочтение в широком социокультурном контексте эпохи.

Анализ мотива подразумевает несколько углов зрения, общность которых обеспечивает объективность и целостность в наибольшей степени.

Во-первых, для выявления особенностей художественной репрезентации идеи самоубийства в творчестве У. Шекспира необходимо воспользоваться теорией мотива и проанализировать мотив самоубийства как простейшую повествовательную единицу, одночленный схематизм которой обеспечивает ее узнаваемость, стабильность и повторяемость. Во всех своих вариантах мотив обладает рядом постоянных свойств, что позволяет говорить об определенной семантике, структуре и прагматике мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира в частности и в ренессансной литературе в целом.

Во-вторых, мотив формируется в зависимости от контекста эпохи и должен изучаться в прямой связи с историко-культурными, религиозными процессами, ментальными установками, психологией социума, потому что именно контекст задает семантические и прагматические смыслы мотива. Без контекстуального анализа невозможно говорить ни о рецепции, ни об аксиологии мотива.

В-третьих, мотивы необходимо рассматривать в «большом времени», в их длительном и сложном созревании, расширяя контекст одной эпохи. Генезис и развитие мотива проявляются лишь на фоне повествовательной традиции, задействующей интересующий нас мотив. Компаративный анализ позволяет обнаружить типологические черты определенного литературного периода и установить место индивидуального творчества в литературном процессе. Преимущества сочетания этих трех подходов к мотиву демонстрируют научные работы А. Н. Веселовского.

В XXI в. неустрашимость временной и языковой дистанции прекрасно осознается исследователями, и, по замечанию А. А. Гугнина, именно знание своей неизбежной субъективности дает литературоведу XXI в. «хотя бы одно бесспорное преимущество» [59, с. 4]. Мы смотрим сквозь призму современного знания, лишь пытаясь преодолеть культурные, религиозные, психологические напластования последующих эпох и разглядеть то, чем в действительности являлся елизаветинский мир и его представители. Однако в рамках нашего менталитета ограничена возможность снять более поздние интерпретации и проявить идеи, владевшие умами в елизаветинскую и якобинскую эпохи, и данные цели, скорее, остаются идеальными.

Наложение этих соображений на прочные позиции релятивизма и диалогизма сознания не нивелирует потребности в отчетливом научном результате. Дуализм ситуации ведет специалистов разных областей гуманитарного знания к поиску новой методологии: компаративной поэтике, интеллектуальной истории, гуманитарной эпистемологии, тезаурусной теории, постлингвистическому повороту и др.

Сейчас, когда схлынула постмодернистская волна отрицаний, нам кажется возможным совмещение глобального и единичного, социального и частного, тенденционного и периферийного, коллективного и личного. Современные исследователи стремятся включить в круг рассмотрения «действительный общественно-исторический мир жизни – опыт личности и опыт социальности, опыт политический и опыт “повседневности”, опыт традиции и опыт “революции” (обращения традиций), опыт биографический, эстетический, религиозный, сексуальный, поколенческий, семейный, космический, профессиональный и т. п.» [60, с. 8] в той степени, в какой он приложим к предмету и объекту исследования. Мы стремимся разглядеть сквозь толщу веков актуальные факторы формирования творчества выдающегося англичанина XVI–XVII вв., не меряя их в соответствии с ментальными приобретениями последующих веков, однако осознаем неизбежность этого влияния. Мы видим У. Шекспира, с одной стороны, как человека его времени, разделяющего ментальные установки елизаветинского и якобинского обществ, с другой – как индивидуальность, способную наиболее совершенно выразить эту ментальность на языке своей культуры и привести в нее свое понимание.

Библиографические ссылки

1. Аничков ЕВ. «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского. *Вопросы теории и психологии творчества*. 1911;2:84–139.
2. Гацак ВМ. Академик А. Н. Веселовский – родоначальник исторической поэтики. (К 150-летию со дня рождения). *Вестник Академии наук СССР*. 1988;9:121–130.
3. Гусев ВЕ. А. Н. Веселовский и проблемы фольклористики. *Известия Академии наук СССР*. 1957;16(2):114–128.
4. Еремина ВИ. Проблемы исторической поэтики в наследии А. Н. Веселовского. *Русский фольклор*. 1979;19:126–146.
5. Лихачев ДС. *Историческая поэтика русской литературы*. Санкт-Петербург: Алетейя; 1997. 508 с.
6. Путилов БН. Веселовский и проблемы фольклорного мотива. В: Заборов ПР, редактор. *Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург: Наука; 1992. с. 74–86.
7. Силантьев ИВ. *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии*. Новосибирск: Издательство ИДМИ; 1999. 104 с.
8. Шишмарев ВФ. Александр Веселовский и его критики. *Октябрь*. 1947;12:174–182.
9. Мелетинский ЕМ. «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы. В: Храпченко МБ, Бердников ГП, Гей НК, Бочаров СГ, Подгаецкая ИЮ, редакторы. *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. Москва: Наука; 1986. с. 25–52.
10. Топорков АЛ. *Теория мифа в русской филологической науке XIX века*. Москва: Индрик; 1997. 456 с.
11. Азадовский МК. А. Н. Веселовский как исследователь фольклора. *Известия Академии наук СССР*. 1938;4:85–119.
12. Говенько ТВ. *Фольклористические работы академика А. Н. Веселовского на немецком языке: Аспекты развития концептуально-аналитических подходов и вклад в российскую и международную науку [диссертация]*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН; 2000. 122 с.
13. Горский ИК. *Александр Веселовский и современность*. Москва: Наука; 1975. 239 с.
14. Жирмунский ВМ. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний. *Известия Академии наук СССР*. 1936;3:383–403.
15. Плеханова МБ. Веселовский как исследователь форм исторического сознания. В: Заборов ПР, редактор. *Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург: Наука; 1992. с. 40–55.
16. Шайтанов ИО. *Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики*. Москва: Издательство РГГУ; 2010. 656 с.
17. Пропп ВЯ. *Морфология сказки*. Ленинград: Academia; 1929. 152 с.
18. Веселовский АН. Поэтика сюжетов. В: Веселовский АН. *Избранное. Историческая поэтика*. Москва: РОССПЭН; 2006. с. 535–573.
19. Тамарченко НД. Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему). В: Ромодановская ЕК, редактор. *Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Сюжет и мотив в контексте традиции. Выпуск 2*. Новосибирск: Сибирское отделение РАН; 1998. с. 38–48.
20. Бем А. К уяснению историко-литературных понятий. *Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук*. 1919;23(1):225–245.
21. Белецкий АИ. *В мастерской художника слова*. Москва: Высшая школа; 1989. 160 с.
22. Силантьев ИВ. *Поэтика мотива*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 296 с.
23. Мелетинский ЕМ. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов. *Ученые записки Тартуского государственного университета*. 1983;635:115–125.
24. Гаспаров МЛ. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В: Гаспаров МЛ. *Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века*. Москва: Наука; 1993. с. 28–83.
25. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство; 1979. 424 с.
26. Веселовский АН. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (по поводу итальянских сказок). В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 79–166.
27. Веселовский АН. Сравнительная мифология и ее метод. В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 167–211.
28. Веселовский АН. О романо-германском кружке в Петербурге и его возможных задачах. В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 212–223.
29. Веселовский АН. Заметка. (Новый журнал сравнительной истории литературы). В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 224–234.
30. Лавджой АО. *Великая цепь бытия. История идеи*. Сафронов-Антони В, переводчик. Москва: Дом интеллектуальной книги; 2001. 376 с.
31. Шамшурин ВИ. Школа интеллектуальной истории. В: Левит СЯ, редактор. *Культурология. Энциклопедия. Том 2*. Москва: РОССПЭН; 2007. с. 981.
32. Февр Л. *Бои за историю*. Москва: Наука; 1991. 635 с.
33. Гуревич АЯ. *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство; 1984. 350 с.
34. Greenblatt S. *Renaissance self-fashioning. From more to Shakespeare*. Chicago: Chicago UP; 1980. 321 p.
35. Шайтанов ИО. «Бытовая» история. *Вопросы литературы*. 2002;2:3–24.
36. Бродель Ф. *Структуры повседневности: возможное и невозможное. Том 1. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Куббель ЛЕ, переводчик; Афанасьев ЮН, редактор. Москва: Весь мир; 2006. 592 с.
37. Арьес Ф. *Человек перед лицом смерти*. Ронин ВК, переводчик; Оболенская СВ, редактор. Москва: Прогресс; 1992. 528 с.
38. Лотман ЮМ. Смерть как проблема сюжета. В: Кошелев АД, составитель. *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис; 1994. с. 417–430.
39. Skinner Q. *Regarding method*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 226 p.
40. Wilson FP. *Elizabethan and Jacobean*. Oxford: Clarendon Press; 1999. 144 p.
41. Веселовский АН. Из тетради «Adnotationes». (Из дневника человека, ищущего пути). В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 36–38.

42. Веселовский АН. О методе и задачах истории литературы как науки. Вступительная лекция в курс истории всеобщей литературы, читанная в Императорском С.-Петербургском университете 5-го октября 1870 года. В: Веселовский АН. *Избранные. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 9–26.
43. Жирмунский ВМ. Неизданная глава из «Исторической поэтики» А. Веселовского. *Русская литература*. 1959;2:176–180.
44. Шайтанов ИО. Была ли завершена историческая поэтика. В: Шайтанов ИО. *Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики*. Москва: Издательство РГГУ; 2010. р. 35–86.
45. Веселовский АН. *Из истории развития личности. Женщина и старинные теории любви*. Санкт-Петербург: Типография Суворина; 1912. 96 с.
46. Тюпа ВИ. О научном статусе исторической поэтики. В: *Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики*. Кемерово: Кемеровский государственный университет; 1986. с. 3–8.
47. Шайтанов ИО. *Мыслящая муза. Открытие природы в поэзии XVIII в.* Москва: Прометей; 1989. 257 с.
48. Половинкина ОИ. Об этой книге. В: Половинкина ОИ, редактор. *Noscere est comparare. Компаративистика в контексте исторической поэтики*. Москва: РГГУ; 2017. с. 9–10.
49. Гугнин АА. Два литературоведческих этюда с методологическим уклоном. 1. Идеи космического универсализма у Гете и йенских романтиков в свете концепции ноосферы В. И. Вернадского (несколько тезисов). 2. Глобализация, постмодернизм и современный литературный процесс: (несколько общих тезисов). В: Кудрявцева ТВ, редактор. *Немецкоязычная литература: Единство в многообразии. Сборник статей к 75-летию профессора Владимира Денисовича Седельника*. Москва: ИМЛИ РАН; 2010. с. 413–431.
50. Гугнин АА. Историко-контекстуальный подход к изучению национальной литературы (на примере истории серболужицкой литературы). В: Гугнин АА, редактор. *Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение. Тезисы преподавателей ПГУ – участников Пятой международной научной конференции; 25–27 мая 2000 г.; Витебск, Беларусь*. Новополоцк: [б. и.]; 2000. с. 3–5.
51. Гугнин АА. *Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте*. Хорев ВА, редактор. Москва: Индрик; 2001. 180 с.
52. Гугнин АА. Стихотворение Л. Уланда «Мицкевич» в контексте немецкой политической поэзии 1830-х годов: несколько эмпирических и методологических тезисов к проблеме массового и немассового сознания. В: Мусиенко СФ, редактор. *Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура*. Гродно: Ламарк; 2010. с. 124–131.
53. Baldwin TW. *William Shakespeare's small Latine & lesse Greeke*. Urbana: University of Illinois Press; 1944. 774 p.
54. Monsarrat G. *Les Theme stoiciens dans la literature de la Renaissance anglaise*. Lille: Universite de Lille III; 1975. 744 p.
55. Лисович ИИ. *Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015. 440 с.
56. Bate J. *Shakespeare and Ovid*. Oxford: Clarendon Press; 1993. 292 p.
57. Лисович ИИ. Шекспировсфера и неоднородность культурного пространства. *Знание. Понимание. Умение*. 2015;3:307–313. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.26.
58. Daniel D. *The melancholy assemblage. Affect and epistemology in the English Renaissance*. New York: Fordham University Press; 2013. 309 p.
59. Репина ЛП. Контексты интеллектуальной истории. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2008;25(1):5–11.
60. Махлин ВЛ. *Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии*. Москва: Знак; 2009. 632 с.

References

1. Anichkov EV. [Historical poetics of A. N. Veselovsky]. *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva*. 1911;2:84–139. Russian.
2. Gacak VM. A. N. [The academician A. N. Veselovsky as the founder of the historical poetics (to the 150th anniversary of the birth)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1988;9:121–130. Russian.
3. Gusev VE. [A. N. Veselovsky and the problems of folklore studies]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. 1957;16(2):114–128. Russian.
4. Eremina VI. [Problems of historical poetics in the legacy of A. N. Veselovsky]. *Russkii fal'klor*. 1979;19:126–146. Russian.
5. Lihachev DS. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury* [The historical poetics of Russian literature]. Saint Petersburg: Aleteiya; 1997. 508 p. Russian.
6. Putilov BN. [Veselovsky and the problem of the folk motif]. In: Zaborov PR, editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo. Issledovaniya i materialy* [Legacy of Alexander Veselovsky. Research and materials]. Saint Petersburg: Nauka; 1992. p. 74–86. Russian.
7. Silantyev IV. *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii* [The theory of motif in the Russian literature and folklore studies: a historiographic essay]. Novosibirsk: Publishing House of the IDMI; 1992. p. 74–86. Russian.
8. Shishmarev VF. [Alexander Veselovsky and his critics]. *Oktabr*. 1947;12:174–182. Russian.
9. Meletinsky EM. [«Historical poetics» by A. N. Veselovsky and the problem of the origin of narrative literature]. In: Khrapchenko MB, Berdnikov GP, Gei NK, Bocharov SG, Podgaetskaya IYu, editors. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics. Results and perspectives of the study]. Moscow: Nauka; 1986. p. 25–52. Russian.
10. Toporkov AL. *Teoriya mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka* [The theory of myth in Russian philological science of the 19th century]. Moscow: Indrik; 1997. 456 p. Russian.
11. Azadovsky MK. [A. N. Veselovsky as a researcher of folklore]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. 1938;4:85–119. Russian.
12. Govenko TV. *Fol'kloristicheskie raboty akademika A. N. Veselovskogo na nemetskom yazyke: Aspekty razvitiya kontseptual'no-analiticheskikh podkhodov i vklad v rossiiskuyu i mezhdunarodnuyu nauku* [Folkloristic works by the academician A. N. Veselovsky in the German language: aspects of the conceptual analytical approaches and the contribution in the Russian and international science; dissertation]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; 2000. 122 p. Russian.
13. Gorsky IK. *Aleksandr Veselovskii i sovremennost'* [Alexander Veselovsky and the present]. Moscow: Nauka; 1975. 239 p. Russian.

14. Zhyrmunsky VM. [Comparative literary studies and the problem of literary influences]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. 1936;3:383–403. Russian.
15. Pluhanov MB. [Veselovsky as a researcher of the forms of the historical conscience]. In: Zaborov PR, editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo. Issledovaniya i materialy* [Legacy of Alexander Veselovsky. Research and materials]. Saint Petersburg: Nauka; 1992. p. 40–55. Russian.
16. Shaitanov IO. *Komparativistika i/ili poetika. Angliiskie syuzhety glazami istoricheskoi poetiki* [Comparative studies and/or poetics. English plots from the view of historical poetics]. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 2010. 656 p. Russian.
17. Propp VY. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Leningrad: Akademiya; 1929. 152 p. Russian.
18. Veselovski AN. [Poetics of plots]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Istoricheskaya poetika* [Selected works. Historical poetics]. Moscow: ROSSPEN; 2006. p. 535–573.
19. Tamarchenko ND. [The motif of crime and punishment in Russian literature introduction in the problem]. In: Romodanovskaya EK, editor. *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoi literatury. Syuzhet i motiv v kontekste traditsii. Vypusk 2* [Materials for the dictionary of plots and motifs of Russian literature. Plot and motif in the context of the tradition. Issue 2]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 1998. p. 38–48. Russian.
20. Bem A. [To the clarification of historical and literary concepts]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i literatury Akademii nauk*. 1919;23(1):225–245. Russian.
21. Beletsky AI. *V masterskoi khudozhnika slova* [In the artist's workshop of words]. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. 160 p. Russian.
22. Silantyev IV. *Poetika motiva* [The poetics of the motif]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 296 p. Russian.
23. Meletinsky EM. [The semantic organization of mythological narrative and the problem of creating a semiotic index of motives and plots]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1983;635:115–125. Russian.
24. Gasparov ML. [From observations of the motive structure of the novel by M. A. Bulgakov «The Master and Margarita»]. In: Gasparov ML. *Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoi literature XX veka* [Literary motifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow: Nauka; 1993. p. 28–83. Russian.
25. Bakhtin MM. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of the speech creativity]. Moscow: Iskusstvo; 1979. 424 p. Russian.
26. Veselovski AN. [Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic (concerning Italian fairy tales)]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 79–166. Russian.
27. Veselovski AN. [Comparative mythology and its method]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 167–211. Russian.
28. Veselovski AN. [About the Romano-Germanic circle in Saint Petersburg and its possible tasks]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 212–223. Russian.
29. Veselovski AN. [Note. (New Journal of Comparative Literary History)]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 224–234. Russian.
30. Lovejoy AO. *The great chain of being a study of the history of an idea*. Cambridge: Harvard University press; 1936. 382 p. Russian edition: Lovejoy AO. *Velikaya tsep' bytiya. Istoriya idei*. Safronov-Antomoni V, translator. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 2001. 376 p.
31. Shamshurin VI. [School of intellectual history]. In: Levit SYa, editor. *Kul'turologiya. Entsiklopediya. Tom 2* [Culturology. Encyclopedia. Volume 2]. Moscow: ROSSPEN; 2007. p. 981. Russian.
32. Fevre L. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Fights for the story]. Moscow: Nauka; 1991. 635 p. Russian.
33. Gurevich AY. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo; 1984. 350 p. Russian.
34. Greenblatt S. *Renaissance self-fashioning. From more to Shakespeare*. Chicago: Chicago UP; 1980. 321 p.
35. Shaitanov IO. [«Household» story]. *Voprosy literatury*. 2002;2:3–24. Russian.
36. Braudel F. *Les structures du quotidien. Volume 1. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècles*. Paris: Armand Colin; 1979. 544 p. Russian edition: Braudel F. *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Tom 1. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv*. Kubbel LE, translator; Afanasiev YuN, editor. Moscow: Ves' mir; 2006. 592 p.
37. Aries E. *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the face of death]. Ronin VK, translator; Obolenskaya SV, editor. Moscow: Progress; 1992. 528 p. Russian.
38. Lotman UM. [Death as a plot issue]. In: Koshelev AD, compiler. *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow: Gnosis; 1994. p. 417–430. Russian.
39. Skinner Q. *Regarding method*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 226 p.
40. Wilson FP. *Elizabethan and Jacobean*. Oxford: Clarendon Press; 1999. 143 p.
41. Veselovski AN. [From the notebook «Adnotationes». (From the diary of a man seeking a path)]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 36–38. Russian.
42. Veselovski AN. [On the method and tasks of the history of literature as a science. Introductory lecture to the course on the history of general literature delivered at the Imperial Saint Petersburg University on 1870 October 5]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 9–26. Russian.
43. Zhirmunsky VM. [Unpublished chapter from A. Veselovsky's historical poetics]. *Russkaya literatura*. 1959;2:176–180. Russian.
44. Shaitanov IO. [Has historical poetics been completed]. In: Shaitanov IO. *Komparativistika i/ili poetika. Angliiskie syuzhety glazami istoricheskoi poetiki* [Comparative studies and/or poetics. English plots from the view of historical poetics]. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 2010. p. 35–86. Russian.
45. Veselovski AN. *Iz istorii razvitiya lichnosti. Zhenshchina i starinnye teorii lyubvi* [From the history of personality development. Woman and old theories of love]. Saint Petersburg: Typography by Suvorin; 1912. 96 p.
46. Tupa VI. [About the scientific status of the historical poetics]. In: *Tselostnost' literaturnogo proizvedeniya kak problema istoricheskoi poetiki* [The integrity of a literary work as a problem of historical poetics]. Kemerovo: Kemerovo State University; 1986. p. 3–8. Russian.

47. Shaitanov IO. *Myslyashchaya muza. Otkrytie prirody v poezii XVIII v.* [The thinking muse: the discovery of nature in 18th century poetry]. Moscow: Prometei; 1989. 257 p. Russian.
48. Polovinkina OI. [About this book]. In: Polovinkina OI, editor. *Noscere est comparare. Komprativistika v kontekste istoricheskoi poetiki* [Noscere est comparare. Comparative studies in the context of historical poetics]. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 2017. p. 9–10. Russian.
49. Gugin AA. [Two literary studies with a methodological bias: 1. The ideas of cosmic universalism among Goethe and the Jena romantics in the light of the concept of the noosphere by V. I. Vernadsky (several theses). 2. Globalization, postmodernism and the modern literary process: (a few general points)]. In: Kudryavtseva TV, editor. *Nemetskoyazychnaya literatura: Edinstvo v mnogoobrazii. Sbornik statei k 75-letiyu professora Vladimira Denisovicha Sedel'nika* [German-language literature: unity in diversity. Collection of articles on the 75th anniversary of Professor Vladimir Denisovich Sedelnik]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; 2010. p. 413–431. Russian.
50. Gugin AA. [Historical and contextual approach to the study of national literature (on the example of the history of Serboluga literature)]. In: Gugin AA, editor. *Belorussko-russko-pol'skoe sopostavitel'noe yazykoznanie i literaturovedenie. Tezisy prepodavatelei PGU – uchastnikov Pyatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 25–27 maya 2000 g.; Vitebsk, Belarus* [Belorussian-Russian-Polish comparative linguistics and literary criticism. Abstracts of teachers of Polack State University – participants of the Fifth International Scientific Conference; 2000 May 25–27; Viciebsk, Belarus]. Navapolack: [s. n.]; 2000. p. 3–5. Russian.
51. Gugin AA. *Serboluzhitskaya literatura XX veka v slavyansko-germanskoy kontekste* [Serboluzhitsky literature of the 20th century in the Slavic-German context]. Moscow: Indrik; 2001. 180 p. Russian.
52. Gugin AA. [The poem by L. Uland «Miscavige» in the context of German political poetry of the 1830s: several empirical and methodological theses on the problem of mass and non-mass consciousness]. In: Musienko SF, editor. *Tvorchestvo Adama Mitskevicha i sovremennaya mirovaya kul'tura* [The work of Adam Mickiewicz and modern world culture]. Hrodna: Lamark; 2010. p. 124–131. Russian.
53. Baldwin TW. *William Shakespeare's small Latine & lesse Greeke*. Urbana: University of Illinois Press; 1944. 774 p.
54. Monsarrat G. *Les Theme stoiciens dans la literature de la Renaissance anglaise*. Lille: Universite de Lille III; 1975. 744 p.
55. Lisovich II. *Skal'pel' razuma i kryl'ya voobrazheniya. Nauchnye diskursy v angliiskoi kul'ture rannego Novogo vremeni* [The scalpel of the mind and the wings of the imagination. Scientific discourses in early modern English culture]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2015. 440 p. Russian.
56. Bate J. *Shakespeare and Ovid*. Oxford: Clarendon Press; 1993. 292 p.
57. Lisovich II. The Shakespearean sphere and heterogeneity of the cultural space. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2015;3:307–313. Russian. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.26.
58. Daniel D. *The melancholy assemblage. Affect and epistemology in the English Renaissance*. New York: Fordham University Press; 2013. 309 p.
59. Repina LP. Contexts of intellectual history. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. 2008;25(1):5–11. Russian.
60. Makhlin VL. *Vtoroe soznanie: podstupy k gumanitarnoi epistemologii* [Second consciousness: approaches to humanitarian epistemology]. Moscow: Znak; 2009. 632 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.05.2020.
Received by editorial board 30.05.2020.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ОППОЗИЦИИ ПОДЛИННОЕ – ПОДДЕЛЬНОЕ В РОМАНАХ ДЖ. БАРНСА И П. АКРОЙДА

Д. И. ДАНИЛЕВИЧ^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматривается изображение Дж. Барнсом и П. Акرويدом оппозиции *подлинное – поддельное*, занимающей видное место в эстетике постмодернизма. Показано, что при воплощении данной оппозиции писатели нередко прибегают к прецедентным текстам. В романе Дж. Барнса «Англия, Англия» посредством прецедентных текстов актуализируется культурный слой, с которым имеют дело персонажи: имена исторических личностей, топонимы, артефакты. Так многовековая английская история воссоздается на острове развлечений. В произведении Дж. Барнса «История мира в 10½ главах» мотив неразрывности бинарных оппозиций является основополагающим, когда художник мучается невозможностью трансформировать реальность в предмет искусства без погрешностей, а спасшийся с «Титаника» стремится вернуться в прошлое с помощью декораций для фильма. В основе сюжета романа П. Акроида «Чаттертон» лежит выявление подлинности некоторых артефактов. Прецедентные тексты обогащают нарратив, превращая исторических личностей в персонажей романа. Роман «Лондонские сочинители» П. Акроида является художественным исследованием действий фальсификатора Шекспира, который пытался стереть грань между подлинным и поддельным, представляя миру «утраченные» работы.

Ключевые слова: Джулиан Барнс; Питер Акرويد; прецедентный текст; интертекстуальность; симулякр; антитеза.

ПРЭЦЭДЭНТНЫЯ ТЭКСТЫ ЯК ІНДЫКАТАРЫ АПАЦЫІ САПРАЎДНАЕ – ПАДРОБЛЕНАЕ У ТВОРАХ ДЖ. БАРНСА І П. АКРАЙДА

Д. І. ДАНИЛЕВІЧ^{1*, 2*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца спосабы адлюстравання Дж. Барнсам і П. Акрайдам апацыі *сапраўднае – падобленае*, якая займае заўважнае месца ў эстэтыцы постмадэрнізму. Паказана, што пры ўвасабленні дадзенай апацыі пісьменнікі нярэдка выкарыстоўваюць прэцэдэнтныя тэксты. У рамане Дж. Барнса «Англія, Англія» з дапамогай прэцэдэнтных тэкстаў актуалізуецца культурны пласт, з якім маюць справу персанажы: імёны гістарычных дзеячаў, тапонімы, артэфакты. Так шматвекавая англійская гісторыя узнаўляецца на востраве забаў. У творы Дж. Барнса «Гісторыі свету ў 10½ главах» матыў непарыўнасці бинарных апацыій з'яўляецца асноватворным, калі мастак пакутуе немагчымасцю трансфармаваць рэальнасць у прадмет мастацтва без хібаў, а той, хто выратаваўся з «Тытаніка»

Образец цитирования:

Данилевич ДИ. Прецедентные тексты как индикаторы оппозиции *подлинное – поддельное* в романах Дж. Барнса и П. Акроида. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020;3:20–28.

For citation:

Danilevich DI. Precedent texts as the indicators of the opposition *genuine – fake* in J. Barnes's and P. Ackroyd's novels. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;3:20–28. Russian.

Автор:

Дар'я Ігорэўна Данилевич – старший преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей факультета международных отношений¹⁾ и аспирантка кафедры зарубежной литературы²⁾. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор М. С. Рогачевская.

Author:

Darya I. Danilevich, senior lecturer at the department of English for economics, faculty of international relations^a, and postgraduate student at the department of foreign literature^b. candynskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9427-0471>

імкнення вярнуцца ў мінулае з дапамогай дэкарацый для фільма. У аснове сюжэта рамана П. Акрайда «Чатэртон» ляжыць выяўленне сапраўднасці некаторых артэфактаў. Прэцэдэнтныя тэксты ўзбагачаюць наратыў, ператвараючы гістарычных асоб у персанажаў рамана. Раман «Лонданскія выдуманшчыкі» П. Акрайда з'яўляецца даследаваннем дзеянняў фальсіфікатара Шэкспіра, які спрабаваў сцерці грань паміж сапраўдным і фальшывым, прадстаўляючы свету «згубленыя» працы.

Ключавыя словы: Джуліан Барнс; Пітэр Акрайд; прэцэдэнтны тэкст; інтэртэкстуальнасць; сімулякр; антытэза.

PRECEDENT TEXTS AS THE INDICATORS OF THE OPPOSITION GENUINE — FAKE IN J. BARNES'S AND P. ACKROYD'S NOVELS

D. I. DANILEVICH^{a, b}

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article deals with the representation by J. Barnes and P. Ackroyd of the antithesis *genuine – fake*, which holds a prominent place in the aesthetics of postmodernism. It is shown that when illustrating this antithesis, the writers often refer to precedent texts. In Barnes's novel «England, England» with the help of precedent texts, the cultural layer with which the characters deal is referred: the names of historical figures, place names, artifacts. And venerable English history is recreated on the island as the entertainment. In J. Barnes's «A history of the world in 10½ chapters», the motive of the inseparability of binary oppositions is crucial when the artist is tormented by the inability to transform reality into an object of art without infelicities, and the survivor of Titanic seeks how to return to the past with the help of the setting for a film. The plot of P. Ackroyd's «Chatterton» is based on revealing the authenticity of some artifacts. Precedent texts enrich the narrative, turning historical figures into characters of the novel. The novel «Lambs of London» by P. Ackroyd is a study of the actions of the falsifier of Shakespeare, who tried to erase the line between the genuine and the fake, revealing to the world the «lost» works of the J. Bard.

Keywords: Julian Barnes; Peter Ackroyd; precedent text; intertextuality; simulacrum; antithesis.

Введение

Одним из наиболее значимых изменений в мировосприятии, которые отличают эпоху постмодернизма, является тот факт, что на смену традиционному приходит новый тип мышления. Оппозиции, выделившиеся в культуре классического и неклассического типов, подверглись критике. Как следствие, бинарные оппозиции *субъект – объект, реальное – воображаемое, оригинальное – вторичное, старое – новое, естественное – искусственное* теряют свою категоричность. Противопоставляемые ранее понятия теперь свободно перетекают из одного в другое, и разделить их не представляется возможным [1, с. 103].

Данная проблема художественно реализуется, например, Дж. Фаулзом в романе «Женщина французского лейтенанта» и Дж. Кутзее в романе «Мистер Фо», и находит яркое воплощение в произведениях Дж. Барнса и П. Акройда.

Интерес к творчеству названных писателей высок как среди иностранных ученых, так и среди русскоязычных исследователей, тематика критических работ которых разнообразна. В творчестве Дж. Барнса изучаются постмодернистские приемы в целом¹, подвергается анализу концепция «английскости» [2]. Сборник эссе «Джулиан Барнс (современные критические перспективы)», включает в себя обзор некоторых произведений, рассмотренных сквозь призму магистральных идей. Среди них – противопоставление Англии и Франции, а также относительность правды, напрямую связанная с оппозицией *подлинное – поддельное*. На примере романа «Попугай Флобера» исследователь Р. Робертс отмечает, что Дж. Барнс специально вплетает реальные события в роман, чтобы добавить значимости (*value*) и правдоподобия (*credibility*) повествованию [3, р. 28].

Что касается П. Акройда, то исследования его творчества также сконцентрированы на нескольких аспектах. Во-первых, это интертекстуальность [4–6], во-вторых, художественное изображение Лондона [7; 8], в-третьих, жанр биографии [9]. Последние два аспекта являются визитной карточкой писателя.

¹Месянжинова А. В. Игровые модели культуры в художественном пространстве постмодернизма (Итало Кальвино, Милорад Павич, Джулиан Барнс) : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2010. 24 с.

В статьях и диссертации Е. Г. Петросовой отражена проблема «английскости»². Следует отметить, что вопрос истины неизбежно возникает при обращении к романизированным биографиям. К. Скотт пишет, что для П. Акройда концепция объективной реальности – это миф, а его произведения в большой степени интертекстуальны, так как опираются на определенные культурные модели; его романы не совсем точны в плане фактов, но тем не менее передают впечатления и наполнены аллюзиями [10, р. 162].

Именно оппозиция *подлинное – поддельное* представляется заслуживающей более детального анализа, так как она занимает видное место в постмодернистской проблематике истинности. Кроме того, для постмодернизма характерно широкое использование прецедентных текстов, с помощью которых писатели акцентируют данную оппозицию. Таким образом, цель настоящего исследования – рассмотреть способы иллюстрации оппозиции *подлинное – поддельное* в произведениях вышеуказанных писателей и выявить роль прецедентных текстов в этом процессе. Материалом для исследования послужили романы Дж. Барнса «Англия, Англия» («England, England», 1998), «История мира в 10½ главах» («A history of the world in 10½ chapters», 1989) и П. Акройда «Чаттертон» («Chatterton», 1987) и «Лондонские сочинители» («The lambs of London», 2004).

Теоретические основы

Произведения Дж. Барнса и П. Акройда характеризуются гибридизацией жанров, содержат ироническую переоценку ценностей, игру с читателем и другие постмодернистские приемы. Особое место в данном списке занимает интертекстуальность – связь с предшествующими, т. е. прецедентными, текстами.

Прецедентность в литературоведении воспринимается как наличие в произведении элементов более ранних текстов. М. Я. Дымарский пишет, что под прецедентностью следует понимать «отсылку к прецеденту, каковым может быть другое произведение, его персонаж, мотив, ситуация как элемент сюжета, сюжет в целом, фраза персонажа или автора и т. п.» [11, с. 54–55]. В эпоху постмодернизма прецедентные тексты получают особое распространение. Они не только реализуются в приеме цитатности, но и вносят вклад в постмодернистскую иронию.

Прежде чем перейти к анализу романов, следует рассмотреть еще одно понятие, прочно вошедшее в постмодернистский категориальный аппарат, – симулякр (от лат. *simulacrum* – образ, подобие). Этот термин был введен в широкий обиход Ж. Бодрийяром, подход которого заключается в том, что симулякры определяются как результат процесса симуляции, при котором происходит «замена реального знаками реального» [12, с. 256]. Чтобы стать законченным (по выражению Ж. Бодрийяра, «чистым») симулякром, образ проходит ряд последовательных стадий:

«...он отражает фундаментальную реальность;

• он маскирует и искажает фундаментальную реальность;

• он маскирует отсутствие фундаментальной реальности;

• он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде.

В первом случае образ – *доброкачественное* отображение: репрезентация имеет сакраментальный характер. Во втором – *злокачественное*: вредоносный характер. В третьем случае он лишь *создает вид* отображения: характер чародейства. В четвертом речь идет уже не об отображении чего-либо, а о симуляции» [13, с. 12].

В результате возникает особый мир моделей и симулякров, никак не соотносимых с реальностью, но воспринимаемых «гораздо реальнее, чем сама реальность» [12, с. 256–258].

В работе «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяр приводит в качестве примера гроты Ласко. Чтобы сохранить данный памятник истории и культуры, рядом была выстроена точная копия гротов. Посетители имеют возможность взглянуть на оригинал через специальный «глазок», а физически посетить можно только реконструкцию. Ж. Бодрийяр предполагает, что «сама память об оригинальных гротах постепенно исчезнет из сознания будущих поколений, и тогда различий не будет: дублирования достаточно, чтобы оба объекта стали одинаково искусственными» [13, с. 17].

В современном мире Ж. Бодрийяр видит множество примеров тотальной симуляции. Он отмечает симуляционный характер всех современных социальных и культурных феноменов: «...власть лишь симулирует власть, при этом столь же симулятивно и сопротивление ей; что же касается информации, то она не производит никакого смысла, а лишь “разыгрывает” его, поскольку подменяет коммуникацию симуляцией общения, что и порождает специфику мироощущения современного массмедийного состояния общества и общественного сознания» [13, с. 18].

²Петросова Е. Г. Концепция «английскости» в современном постмодернистском романе (Г. Свифт, П. Акройд) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 25 с.

Исходя из вышеизложенного, симулякр не вписывается в бинарную оппозицию *подлинное – поддельное*, не являясь ни тем, ни другим, тогда как прецедентный текст – это олицетворение подлинного, т. е. фундаментальной реальности. Прецедентный текст (в широком смысле) может служить своеобразным порталом из мира фантазийного в реальный и показать «пустоту» симулякра.

Результаты и их обсуждение

В романе Дж. Барнса «Англия, Англия» антитеза *подлинное – поддельное* показана главным образом при помощи симулякров. Персонажи возводят парк развлечений, воссоздающий Англию на острове Уайт. Это созвучно теории о симулякрах, ведь Ж. Бодрийяр в упомянутой выше работе описывает симулякрную природу парка развлечений «Диснейленд», называет его «прекрасной моделью всех переплетающихся между собой категорий симулякров», отмечая, что «это социальный микрокосм, религиозное наслаждение миниатюризированной реальной Америкой со всеми ее бедами и радостями» [13, с. 20]. Парк развлечений, построенный в романе Дж. Барнса, – это своеобразный английский Диснейленд. На острове Уайт возводится все, что ассоциируется со страной, для того, чтобы у туристов отпала необходимость ездить по настоящей Англии.

На острове появляются копии известных достопримечательностей. В итоге он заменяет собой реальную страну (подобно тому как копии гротов Ласко призваны заменить туристам настоящие гроты). Это случается потому, что в обществе потребления становится безразлично, что именно потреблять: если предлагаемый искусственный объект выглядит так же, как и настоящий, то незачем терять время на поиски настоящего.

О копиях достопримечательностей Дж. Барнс пишет с иронией, обнажая абсурдность подобного «переселения» исторического и культурного наследия. Так, на острове возводят уменьшенную в два раза копию часовой башни Биг-Бен, создают «белые скалы Дувра», а черные такси курсируют через лондонский туман к деревням Котсуолда (*...black taxis shuttling through the London fog to Cotswold villages* [14, p. 142]). Футбольной команде «Манчестер юнайтед» строят островной Уэмбли, а для Старой Англии нанимают команду-дублера, которая должна переигрывать островные матчи с тем же счетом. Комический эффект создается за счет того, что в реальности лондонский туман или дуврские скалы невозможно отделить от их географического расположения, а одинаковый счет футбольных поединков не свидетельствует о том, что это будут одинаковые или даже похожие матчи. Таким образом, все объекты на острове, проходя все стадии, описанные Ж. Бодрийяром, превращаются в собственные симулякры и утрачивают связь с реальностью. Со временем Старая Англия приходит в упадок, поэтому уже становится невозможным определить, где естественное, а где искусственное, где оригинальное, а где вторичное.

Кроме зданий и географических объектов, на острове появляются актеры, изображающие исторических личностей и легендарных персонажей – Нелл Гвинн, Самюэля Джонсона, Робин Гуда и др., – которые стали доставлять проблемы дирекции острова.

Так, король (события происходят в неопределенном будущем) сомневается, насколько этично представлять ему Оливера Кромвеля, свергнувшего в XVII в. Карла I. Ироничным является то, что в другой сцене король пытается заигрывать с Нелл Гвинн, любовницей Карла II, но получает отпор. Особо отмечается, что о том, селить ли Гвинн на острове, долго велись споры. И так как она не самый популярный персонаж английской истории, ее посадили торговать соками в ларьке. Таким образом, апельсины, которые, согласно истории, продавала настоящая Гвинн, превратились в соки. Претерпел трансформацию и ее внешний вид: из нее сделали английскую Кармен – с черными волосами, накрашенными губами, оборками на блузке (*Raven hair; sparkling eyes, a white flounced blouse cut in a certain way, lipstick, gold jewellery and vivacity: an English Carmen* [14, p. 186]).

Актеры из шайки Робин Гуда выбраны из лучших театральных трупп, однако они не справляются с пребыванием в образе круглосуточно, поэтому перевоплощаются в настоящих разбойников охотятся на животных по всему острову: в историческом заповеднике, парках и на фермах. Они переживают подмену реальности, утрачивают свое *я*, становятся симулякрами персонажей английских легенд.

Со сходной проблемой сталкивается Доктор Джонсон. Актер чересчур вживается в роль и начинает игнорировать условия контракта. Примечательно, что он даже меняет свое имя на Сэмюэля Джонсона. Если по контракту он должен развлекать гостей интересной беседой за ужином, то на деле актер часто сквернословит либо сидит молча, погруженный в свои мысли. Посетители жалуются, что он отпускает националистические и даже расистские замечания о разных странах: актер попытался стать настоящим доктором Джонсоном, стал вести себя, как, по сохранившимся сведениям, вел себя прототип. Однако здесь назревает конфликт: парку развлечений на острове нужен не «настоящий» Сэмюэль Джонсон, а только актер, проговаривающий заранее заготовленный текст. Так остров становится иллюстрацией описанной Ж. Бодрийяром гиперреальности.

Дж. Барнс исследует проблему *подлинного* – *поддельного* еще и с иной стороны. Он изображает ярмарку с конкурсом карнавальных костюмов в Старой Англии. Образы Нельсона, Белоснежки, Робин Гуда, Боадии (Боудикки) не вызывают никаких споров, но вот кузнеца, нарядившегося некой Эдной Галлей, хотят дисквалифицировать. Начинается спор о реальности Эдны Галлей: одни говорят, что реальны те, кого видели люди, вторые утверждают, что про настоящих написано в книгах, третьи – те, в кого верят люди. Оппоненты не могут прийти к единому мнению, а главной героине Марте, наблюдающей за ними, быстро становится скучно, что может свидетельствовать о мнении автора: сколько бы люди ни спорили, реальное и вымышленное нередко неотделимы.

Данная мысль развивается более подробно в другом эпизоде романа, когда автор задается вопросом о том, насколько реальны воспоминания. Марта считает, что первое воспоминание – это «воспоминание о воспоминании о воспоминании», которое на самом деле может быть ненастоящим, рассказанным кем-то другим или просто фантазией. Поэтому она лжет окружающим, выбрав эпизод из детства и назвав его первым воспоминанием. Оно не может быть полностью подлинным по той причине, что похожих эпизодов в ее жизни было несколько, и за давностью лет, слившись, они потеряли свои отличительные признаки.

В романе Дж. Барнса «История мира в 10½ главах» также есть сцены, свидетельствующие о неотделимости реального от воображаемого, естественного от искусственного. Писатель говорит о том, что в современном мире люди стремятся превратить катастрофу в искусство: взрыв на станции становится пьесой, война – романом, убийство президента – книгой или фильмом. Одной из причин подобной трансформации является попытка переосмыслить произошедшее.

Но случается и так, что память о событии остается в культуре благодаря предмету искусства, и тогда становится трудно отделить художественный вымысел от реальности. На примере художника Теодора Жерико Дж. Барнс показывает муки творца, которому предстоит запечатлеть трагедию. Чтобы уместить на холсте несколько месяцев плавания уцелевших после крушения фрегата «Медуза», невозможно ничем не пожертвовать. Автор приводит восемь пунктов того, чем пришлось пренебречь. Это и столкновение с рифом, и каннибализм, и даже прилетевшая бабочка. Другими словами, даже *подлинная* картина становится *подделкой* реальности. Поэтому, согласно классификации Ж. Бодрийера, картина является симулякром четвертого порядка, заместив реальность в сознании смотрящего.

Глава «Уцелевшая» («The survivor») целиком может быть интерпретирована через антитезу *подлинное* – *поддельное*. Главный герой теряет рассудок, а значит является ненадежным рассказчиком. Фрагменты, в которых повествование ведется от первого лица, – это «подделка», попытка ее сознания адаптироваться, уйти от реальности. Врач называет такое явление *фабуляцией*: больной дополняет реальность несуществующими фактами [15, р. 109]. Так, сильный стресс, усугубляющийся тяжелой политической ситуацией в мире, приводит героиню к расщеплению сознания. Ей кажется, что коты толстеют, а на самом деле они были едва живы, у нее начинают сильно выпадать волосы, но, по словам доктора, она сама наносит себе вред.

Прецедентные тексты в данной главе объясняют причины психического расстройства главной героини. На нее особенно повлияли новости о катастрофе в Чернобыле: сталкиваясь с большим количеством информации про замеры радиации, она в итоге перестает есть мясо. Угроза атомной войны и страх радиоактивного заражения заставляют ее сесть в лодку, чтобы попытаться выжить.

В первой части главы «Три простые истории» («Three simple stories») Дж. Барнс приводит выражение Г. В. Ф. Гегеля, переосмысленное К. Марксом: «...история повторяется, один раз как трагедия, второй раз как фарс»³ [15, р. 175]. Из этого следует, что фарс в некотором смысле является «подделкой трагедии», и в данном повторе заключен комический эффект, раскрывающийся на уровне сюжета. Молодой рассказчик встречает Лоренса Бизли уже старым, что вызывает у него презрение. Парень сообщает Бизли выдуманные результаты крикетных матчей. Нередко они фантастические, и рассказчик упивается своей жестокостью и осознанием того, что он не такой уж хороший.

Одной из причин презрения к старику служит история спасения Бизли с лайнера «Титаник». Как реликвию, он хранит плед спасшего его судна «Карпатия». Но даже члены семьи говорят о том, что вышивка на пледе появилась гораздо позже 1912 г. Кроме этого, они предполагают, что Бизли мог спастись только в женском платье, иначе его имя не оказалось бы в первоначальном списке погибших. Таким образом, согласно логике рассказчика, «обманщик-трансвестит», подделавший покрывало, заслуживает того, чтобы получить сведения о фальшивых крикетных матчах.

Фарсом для Бизли оборачиваются съемки фильма о крушении «Титаника», куда его приглашают консультантом. Он не может устоять от соблазна, поэтому подделывает пропуск, проникает на бутафорскую палубу, переодевшись в костюм соответствующей эпохи. Когда режиссер замечает это, он вынужден выпроводить Бизли, так как у того нет удостоверения Союза актеров. Так Бизли второй раз покидает

³Перевод наш. – Д. Д.

«Титаник» прямо перед его потоплением (*And so, the second time in his life, Lawrence Beesley found himself leaving the Titanic just before it was due to go down* [15, p. 175]).

Относительность *подлинного* и *поддельного* заинтересовала и П. Акройда. Его роман «Чаттертон» содержит некоторые черты детектива. В композиции произведения можно выделить три этапа, таких как загадка (это не преступление, а вопрос подлинности картины), ход расследования (поездка в Бристоль и обнаружение дневниковых записей Чаттертона, консультация с другом, который увлекался палеографией, обращение в художественную галерею для установления времени написания картины) и разоблачение (ответ на поставленный вначале вопрос). Таким образом, выявление подлинности выступает основной интригой произведения, сюжетообразующим элементом.

Роман начинается с краткой официальной биографии Томаса Чаттертона. В ней говорится, что он принял мышьяк из-за материального неблагополучия. Упоминается также, что, кроме единственного прижизненного портрета, его образ в 1856 г. увековечил художник Генри Уоллис, а позировал для картины молодой поэт Джордж Мередит. Данное вступление напоминает читателям факты из жизни Чаттертона и одновременно формирует точку зрения. Эта историческая справка предлагает единственную реальность, которую читатель принимает безоговорочно, как факт, тогда как в дальнейшем роман вступает с упомянутой данностью в конфликт, предлагая альтернативную версию самоубийства писателя. Интересно, что роман не противоречит реальности. Жизнь Чаттертона-персонажа обрывается так же трагично, как и в биографической справке, которую можно найти не только в прологе романа, но и в любом энциклопедическом издании. Однако П. Акройд изменяет мотивацию героя, предлагая читателю свою, условно «поддельную», версию произошедшего. В романе Чаттертон принимает мышьяк как лекарство от венерической болезни, но ошибается в дозировке, что приводит к летальному исходу.

Главные герои романа выясняют, что попавший к ним дневник Чаттертона – это подделка, появившаяся в результате войны книготорговцев. Они наперебой издавали сенсационные материалы о Чаттертоне. Одному из них – Джойсону – пришла идея, что лучшее оружие против фальсификатора – еще одна фальсификация (*And what better weapon to use against a forger than another forgery? He decided to out-trick the trickster, do you see?* [16, p. 221]). Он добивался, чтобы Чаттертона запомнили не как умершего в юности поэта, а как мошенника, который инсценировал самоубийство и ушел в тень, продолжая издаваться под чужими именами. Так же был написан портрет постаревшего поэта, чтобы подкрепить дополнительными деталями версию Джойсона. Таким образом, дневник и портрет в качестве симулякров помогают замаскировать и исказить реальность.

Для раскрытия отношений *подлинное* – *поддельное* важная роль в тексте романа отведена прецедентным текстам. Чаттертон – мистификатор, поэтому не удивительно упоминание другого известного мистификатора – Джеймса Макферсона, книгу которого главный герой «современного» пласта повествования Чарльз Вичвуд несет в антикварную лавку, где и находит необычный портрет Чаттертона. Макферсон прославился переводами произведений кельтского барда III в. Оссиана, однако впоследствии обнаружилось, что все тексты написаны им самим. Чаттертон выдавал свои работы за случайно найденные поэмы Томаса Роули, монаха, якобы жившего в XV в. [17].

Тема подлинности раскрывается не только через историю Чаттертона. Владельцы художественной галереи сталкиваются с проблемой: последние работы известного художника Сеймура создал вовсе не он, а его помощник Мерк, который не просто заявляет, что это подделка, а говорит, что это подлинники в той же мере, что и последние работы Сеймура, намекая, что сам художник уже давно ничего не пишет. Агент художника, пытаясь разобраться, поднимает философский вопрос о том, как отличить поддельное от настоящего (*They are as genuine as all his other recent paintings. <...> But who is to say what is fake and what is real? You're sure you know the difference, yes?* [16, p. 113]). Однако для мира искусства имеет большое значение, создавал ли Сеймур картины сам или только в последние годы за него их кто-то писал.

Еще один пример соотношения подлинного и поддельного в романе связан с плагиатом. Так, выясняется, что известная писательница Хэрриэт Скроуп вдохновлялась работами некоего Хэррисона Бентли. П. Акройд предлагает читателям сравнить синопсисы романов Бентли и Скроуп. Роман Бентли «Завещание» («*The last testament*») повествует о биографе, который устанавливает, что писатель, творчество которого он изучает, был слишком болен, и все стихи, принесшие ему особую славу, написала его жена. В романе «Сценический огонь» («*Stage fire*») актер воображает, что он одержим духами актеров прошлого и делает триумфальную карьеру. В одном романе Скроуп-поэт воображает, будто он одержим духами других писателей, в другом автором многих изданных после смерти публикаций писателя оказывается его секретарша.

Сделавший открытие персонаж П. Акройда не знает, как относиться к находке: он уверен, что число сюжетов конечно, а романы Скроуп ему вполне нравились. Его собственный опыт написания

романа говорит о всепоглощающей интертекстуальности ([*His novel*] *had become a patchwork of other voices and other styles, and it was the overwhelming difficulty of recognising his own voice among them* [16, p. 70]). Герой задается вопросом о том, вправе ли он осуждать Скруп. Но на этот вопрос правильного ответа нет.

Раскрывая образ художника Г. Уоллиса, автор рассуждает о миссии искусства. Тема *подлинного* – *поддельного* возникает во время работы над портретом Чаттертона. Естественный вопрос остается неразрешенным: «Действительно ли художник создает портрет Чаттертона?» Да, они приходят в комнату, которую он когда-то снимал, подбирают одежду соответствующей эпохи. Но кого получается на картине больше: Чаттертона или позирующего Дж. Мередита? Таким образом, картина выступает симулякром четвертого порядка, ведь она является собственным симулякром в чистом виде и не отражает никакой реальности.

Кроме того, муки художника показаны не только через оппозицию *подлинность* – *поддельность* искусства, но и через соотношение *идеальное* – *неидеальное*. Перед тем как приступить к работе, Г. Уоллис создает в голове образ, представляет конечный результат, однако понимает, что на холсте картина никогда не будет столь же совершенной, какой есть в его воображении (*it could never be as perfect upon the canvas as it now was in his understanding* [16, p. 164]). Но он все равно рисует, пытаясь приблизиться к идеалу.

В романе П. Акройда «Лондонские сочинители» тема подлинности снова выходит на первый план. Юный сын книготорговца Уильям Айрленд находит утерянные бумаги У. Шекспира, среди которых есть и неизвестная пьеса «Вортигерн», рассказывающая про кельтского правителя V в., пригласившего англосаксов для войны с пиктами.

Фальсификации Айрленда являются историческим фактом. Однако вместо предисловия П. Акرويد указывает на то, что его труды основаны на вымышленных фактах (*This is not a biography but a work of fiction. I have invented characters, and changed the life of the Lamb family for the sake of the larger narrative* [20]). Естественно, все диалоги – фантазия автора. Он убирает некоторых людей из повествования (например, в книге ничего не говорится о сестрах Уильяма, хотя существуют теории, что именно они были авторами художественных фальсификаций). И, наконец, П. Акرويد придумывает дружбу между Уильямом и Мэри Лэм, сестрой писателя Чарльза Лэма, делая любовное потрясение одной из причин развития психического расстройства у девушки.

Читатель, не знакомый с данной историей фальсификаций, в определенный момент повествования может «выбрать сторону» и попытаться предположить самостоятельно, является Уильям автором всех найденных шекспировских бумаг или нет. П. Акرويد, с одной стороны, дает подсказки. Например, упоминание Томаса Чаттертона не только отсылает к более раннему роману, что подтверждает глубокий интерес автора к этой личности, но и несет определенную смысловую нагрузку, ведь Чаттертон написал все свои произведения примерно в том же возрасте, в котором находится Уильям на момент действия романа. Другой «уликой» предстает обвинение в том, что Уильям разжигает камин в своей комнате посреди жаркого лета. Доказательством его причастности могут служить и переживания во время премьеры пьесы: он принимает происходящее очень близко к сердцу (*It was too close to him* [18, p. 171]). Однако Томас де Куинси, появляющийся на страницах романа, первоначально признает Шекспира в найденных материалах. Мэри Лэм тоже становится на сторону Уильяма. Она вынуждает брата написать письмо, выражающее Уильяму поддержку.

Еще до начала разоблачения тема *подлинного* – *поддельного* волнует Уильяма. У одного ученого мужа он спрашивает об этом, цитируя Шекспира (*The bard tells us that the truest poetry is the most feigning* [18, p. 107]). Данные слова он интерпретирует так, как будто подделка восхищает людей больше всего. Но его собеседник считает, что это лишь игра слов Шекспира, и подделка никогда не будет правдивее оригинала, иначе наступит хаос (*It is a mere conceit of Shakespeare's. The feigned can never be more true than the real. Chaos would come again* [18, p. 108]).

Саму пьесу можно назвать симулякром, потому что она замещает якобы написанный Шекспиром текст. При этом, по классификации Ж. Бодрийера, произведение может попадать под несколько категорий. Пьеса маскирует и искажает фундаментальную реальность, ведь мировое сообщество на какое-то время поверило в ее подлинность. Вместе с тем пьеса маскирует отсутствие фундаментальной реальности, ведь доподлинно не известно, существовала ли пьеса с таким названием.

На улице возле театра во время премьеры пьесы «Вортигерн» какой-то мужчина распространяет листовки с текстом *Rank Forgery* «отвратительная подделка». Уильям заговаривает с ним, спрашивая о мотивах человека и о том, откуда он узнал о пьесе. Оказывается, что представления мужчины не видел, но друг из театра показывал ему текст. Уильям начинает оправдываться и говорит, что видел пьесу и считает ее настоящей. На это его собеседник говорит о том, что она может быть и настоящей, и нет (*Ah, sir, it may be and yet unreal* [18, p. 179]). Таким образом, подлинность становится относительной.

Пьеса подлинна лишь потому, что она существует и ее можно поставить в театре. Но она поддельная, так как написана не Шекспиром.

Хотя Уильям Айрленд является довольно бескорыстным фальсификатором, ведь его целью не было обогащение, окружающие отмечают его испорченность (*Ireland forges his feelings as he forges words* [18, p. 183]).

В конце романа Уильям признается в обмане публично, на что газета «Morning Chronicle» откликается заметкой, в которой его называют лжецом (*W. H. Ireland has come forward and announced himself author of the papers attributed by him to Shakespeare; which, if true, proves him to be a liar* [18, p. 213]). В действительности его прототипу не удастся восстановить свое доброе имя. В течение его долгой жизни ему еще припоминали данную мистификацию.

Выводы

Таким образом, для иллюстрации оппозиции *подлинное – поддельное* Дж. Барнс и П. Акرويد нередко прибегают к прецедентным текстам. У Дж. Барнса прецедентные тексты используются для актуализации важного культурного слоя: применено множество имен собственных, топонимов, артефактов английской культуры. С их помощью в романе «Англия, Англия» автор показывает ситуацию, в которой мир симулякров становится «реальнее» самой реальности. Поэтому несоответствие островных копий оригиналам является одним из центральных конфликтов романа. Автор заостряет внимание на ценности культуры в ее историческом аспекте.

Также мотив неразрывности бинарных оппозиций показан на сюжетном уровне: на фоне серьезных потрясений реальное и воображаемое меняются местами в сознании одной из героинь романа «История мира в 10½ главах». Теодор Жерико мучается невозможностью трансформировать реальность в предмет искусства без погрешностей, а спасшийся с «Титаника» стремится напомнить себе чувство трагедии при помощи декораций для фильма.

У П. Акроида оппозиция представлена главным образом на уровне сюжета: герои выявляют подлинность тех или иных артефактов: портрета старого Чаттертона, дневниковых записей, картин Сеймура, рукописей Айрленда. Прецедентные тексты обогащают нарратив, придавая пространству романа многомерность. Так, Чаттертон сравнивается с фальсификатором Макферсоном, а Айрленд – с Чаттертоном. Кроме того, П. Акرويد чаще делает исторических личностей полноценными персонажами романов, что приводит к размытию границы между исторической правдой и художественным вымыслом.

Во всех перечисленных выше произведениях грань между двумя полюсами оппозиции *подлинное – поддельное* стирается и персонажи тщетно пытаются их разграничить. По устоявшейся традиции постмодернистской эстетики авторы не дают готового ответа на поставленную проблему, а предлагают читателям сделать свой выбор самостоятельно.

Библиографические ссылки

1. Грищанов А. А., редактор, составитель. *Новейший философский словарь*. 3-е издание. Минск: Книжный дом; 2003. 1280 с.
2. Bradford R. Julian Barnes's England, England and Englishness. In: Groes S, Childs P, editors. *Julian Barnes (contemporary critical perspectives)*. London: Continuum; 2011. p. 92–102. DOI: 10.5040/9781472542557.ch-007.
3. Roberts R. Inventing a way to the truth: life and fiction in Julian Barnes's Flaubert's parrot. In: Groes S, Childs P, editors. *Julian Barnes (contemporary critical perspectives)*. London: Continuum; 2011. p. 26–36. DOI: 10.5040/9781472542557.ch-002.
4. Hänninen U. *Rewriting literary history: Peter Ackroyd and intertextuality*. Helsinki: Helsingfors Universitet; 1997. 79 p.
5. Негляд ТА. Интертекстуальность в творчестве Питера Акроида. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018;3(часть 1):42–45.
6. Полховская ЕВ. Интертекстуальная игра в романе Питера Акроида «The casebook of Victor Frankenstein». *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*. 2012;6(2):128–134.
7. Hermansson C. The city as intertext: London in Peter Ackroyd's novel «Chatterton». In: Wright W, Kaplan S, editors. *The image of the city in literature, media, and society*. Pueblo: The Society; 2003. p. 204–207.
8. Berkem S. *Representations of London in Peter Ackroyd's fiction «Mystical city universal»*. Lewiston: Edwin Mellen Press; 2012.
9. Шубина АВ. Биография города как новый тип исторического повествования (Питер Акرويد «Лондон: биография»). *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009;96:228–231.
10. Scott C. *The sound of truth: constructed and reconstructed lives in English novels since Julian Barnes's Flaubert's parrot*. [S. l.]: Tectum Verlag; 2010. 226 p.
11. Гришаева ЛИ, Попова МК, Титов ВТ. *Феномен прецедентности и преемственности культур*. Воронеж: ВГУ; 2004. 312 с.
12. Ильин ИП. *Постмодернизм. Словарь терминов*. Москва: INTRADA; 2001. 384 с.
13. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции*. Качалов А, переводчик. Москва: Постум; 2016. 240 с.

14. Barnes J. *England, England*. London: Vintage Books; 2012. 376 p.
15. Barnes J. *A history of the world in 10½ chapters*. New York: Picador; 2005. 266 p.
16. Ackroyd P. *Chatterton*. London: Penguin books; 1993. 234 p.
17. Данилевич ДИ. Сферы-источники прецедентности в романе П. Акройда «Чаттертон». В: Баранова НП, редактор. *Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета; 18–19 апреля 2019 г.; Минск, Беларусь. Часть 3*. Минск: МГЛУ; 2019. с. 44–46.
18. Ackroyd P. *The lambs of London*. London: Vintage; 2005. 216 p.

References

1. Gritsanov AA, editor, compiler. *Noveishii filosofskii slovar'* [Newest philosophical dictionary]. 3rd edition. Minsk: Knizhnyi dom; 2003. 1280 p. Russian.
2. Bradford R. Julian Barnes's England, England and Englishness. In: Groes S, Childs P, editors. *Julian Barnes (contemporary critical perspectives)*. London: Continuum; 2011. p. 92–102. DOI: 10.5040/9781472542557.ch-007.
3. Roberts R. Inventing a way to the truth: life and fiction in Julian Barnes's Flaubert's parrot. In: Groes S, Childs P, editors. *Julian Barnes (contemporary critical perspectives)*. London: Continuum; 2011. p. 26–36. DOI: 10.5040/9781472542557.ch-002.
4. Hänninen U. *Rewriting literary history: Peter Ackroyd and intertextuality*. Helsinki: Helsingfors universitet; 1997. 79 p.
5. Neglyad TA. Intertextuality in the works of Peter Ackroyd. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018;3(part 1): 42–45. Russian.
6. Polkhovskaya EV. [Intertextual play in Peter Ackroyd's novel «The casebook of Victor Frankenstein»]. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsii*, 2012;6(2):128–134. Russian.
7. Hermansson C. The City as Intertext: London in Peter Ackroyd's novel «Chatterton». In: Wright W, Kaplan S, editors. *The image of the city in literature, media, and society*. Pueblo: The Society; 2003. p. 204–207.
8. Berkem S. *Representations of London in Peter Ackroyd's fiction*. Lewiston: Edwin Mellen Press; 2012. 189 p. .
9. Shubina AV. Biography of a city as a new type of historiographic narrative (Peter Ackroyd's «London: The Biography»). *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2009;96:228–231. Russian.
10. Scott C. *The sound of truth: constructed and reconstructed lives in English novels since Julian Barnes's Flaubert's parrot*. [S. l.]: Tectum Verlag; 2010. 226 p.
11. Grishaeva LI, Popova MK, Titov VT. *Fenomen pretsedentnosti i preemstvennosti kul'tur* [Phenomenon of precedence and continuity of cultures]. Voronezh: Voronezh State University; 2004. 312 p. Russian.
12. Ilyin IP. *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. Dictionary of terms]. Moscow: INTRADA; 2001. 384 p. Russian.
13. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée; 1981. 240 p.
Russian edition: Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya*. Kachalov A, translator. Moscow: Postum; 2016. 240 p.
14. Barnes J. *England, England*. London: Vintage Books; 2012. 376 p.
15. Barnes J. *A history of the world in 10½ chapters*. New York: Picador; 2005. 266 p.
16. Ackroyd P. *Chatterton*. London: Penguin books; 1993. 234 p.
17. Danilevich DI. [Sphere-sources of precedent phenomena in P. Ackroyd's novel «Chatterton»]. In: Baranova NP, editor. *Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii studentov i magistrantov universiteta; 18–19 aprelya 2019 g.; Minsk, Belarus' . Chast' 3*. [Materials of the annual scientific conference of students and undergraduates of the university; 2019 April 18–19; Minsk, Belarus. Part 3]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2019. p. 44–46.
18. Ackroyd P. *The lambs of London*. London: Vintage; 2005. 216 p.

Статья поступила в редколлегию 19.06.2020.
Received by editorial board 19.06.2020.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.1'282.4(476)+81'366

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛАРУСИ: ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ

О. С. ГОРИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются морфологические характеристики белорусской разновидности русского языка: специфика реализации грамматических категорий числа, рода, падежа, наклонения, времени и др. Демонстрируется, что морфологические особенности русского языка в Беларуси формируются в результате взаимодействия контактных и внутрисистемных факторов: как правило, языковые контакты усиливают внутриязыковые тенденции. Анализ корпусных данных показывает, что далеко не все случаи потенциальной морфологической интерференции становятся реальностью, и это демонстрирует селективность языковых изменений и лексикализированный характер грамматических особенностей идиома. Установлено, что под влиянием языковых контактов некоторые элементы, периферийные для одной национальной разновидности русского языка, находятся ближе к ядру в другой. В работе также подчеркивается, что активизация контактно обусловленных процессов в морфологии связана с семантико-прагматическими характеристиками языковых единиц.

Ключевые слова: грамматика; морфология; вариативность; языковые контакты; языковые изменения; русский язык в Беларуси.

Образец цитирования:

Горицкая ОС. Морфологические особенности русского языка в Беларуси: факторы языковой динамики. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;3:29–39.

For citation:

Goritskaya OS. Morphological features of Belarusian Russian: factors of language change. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;3:29–39. Russian.

Автор:

Ольга Сергеевна Горицкая – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры общего языкознания.

Author:

Olga S. Goritskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of general linguistics.
goritskaya@gmail.com

МАРФАЛАГІЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ РУСКАЙ МОВЫ Ў БЕЛАРУСІ: ФАКТАРЫ МОЎНАЙ ДЫНАМІКІ

В. С. ГАРЫЦКАЯ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца марфалагічныя характарыстыкі беларускай разнавіднасці рускай мовы: спецыфіка рэалізацыі граматычных катэгорый ліку, роду, склону, ладу, часу і інш. Дэманструецца, што марфалагічныя асаблівасці рускай мовы ў Беларусі фарміруюцца ў выніку ўзаемадзеяння кантактных і ўнутрысістэмных фактараў: як правіла, моўныя кантакты ўзмацняюць унутраныя працэсы. Аналіз корпусных даных паказаў, што далёка не ўсе выпадкі патэнцыйнай марфалагічнай інтэрферэнцыі становяцца рэальнасцю, і гэта дэманструе селектыўнасць моўных змен і лексікалізаваны характар граматычных асаблівасцей ідыёму. Устаноўлена, што пад уплывам моўных кантактаў некаторыя элементы, перыферыійныя для адной нацыянальнай разнавіднасці рускай мовы, знаходзяцца бліжэй да ядра ў іншай. Актывізацыя кантактна абумоўленых працэсаў у марфалогіі таксама звязана з семантыка-прагматычнымі характарыстыкамі моўных адзінак.

Ключавыя словы: граматыка; марфалогія; варыятыўнасць; моўныя кантакты; моўныя змены; руская мова ў Беларусі.

MORPHOLOGICAL FEATURES OF BELARUSIAN RUSSIAN: FACTORS OF LANGUAGE CHANGE

O. S. GORITSKAYA^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article focuses on the morphological characteristics of the Belarusian variety of the Russian language: the realization of the grammatical categories of number, gender, case, mood, time, etc. The research demonstrates that the morphological features of Belarusian Russian are a result of the interaction of contact-induced and internal factors: as a rule, linguistic contacts reinforce internal trends. A corpus-based analysis shows that many cases of potential morphological interference do not become reality, which demonstrates selectivity in language change and the lexicalized nature of the grammatical features of the variety. It has been established that, under the influence of language contacts, some elements, which are peripheral in one national variety of the Russian language, are closer to the core in another. In addition, the article highlights that semantic and pragmatic features of linguistic units shape contact-induced processes in morphology.

Keywords: grammar; morphology; variation; language contacts; language change; Russian in Belarus.

Введение

Белорусско-русский языковой континуум представляет несомненный интерес для социолингвистики и теории языковых контактов, что обуславливает актуальность данной статьи. Специфика русского языка в Беларуси проявляется на различных уровнях языковой структуры, в том числе и в морфологии, что отмечалось многими исследователями (см., например, [1–6]). Но содержащиеся в научных публикациях положения, касающиеся морфологической вариативности в белорусской разновидности русского языка¹, иногда противоречат друг другу и нуждаются в эмпирической верификации на современном материале, что и будет предпринято в исследовании. Кроме того, представляется необходимым теоретически обобщить накопленные знания о грамматических особенностях русского языка в Беларуси. Цель исследования – выявить морфологические особенности данного варианта русского языка и определить конфигурацию факторов, обуславливающих морфологическую специфику изучаемого идиома.

Морфологические различия между белорусским и русским языками касаются главным образом отдельных грамматических значений и способов их выражения у некоторых классов слов или отдельных

¹Мы полагаем, что русский язык относится к полицентрическим языкам [7], и выделяем белорусскую разновидность русского языка, которая принадлежит к недоминантным и находится в процессе становления и развития [8–11].

лексических единиц [1; 2; 12, с. 170; 13, с. 331]. Кроме того, необходимо учитывать, что контактно обусловленным изменениям в первую очередь подвергается не ядро, а периферия грамматики – зоны, которые находятся на стыке грамматики и лексики, а также грамматики и прагматики [14, р. 313; 15, р. 97–98]. Характером грамматических различий между русским и белорусским языками определяется в значительной степени и лексикализованный характер морфологических особенностей, присущих белорусской разновидности русского языка².

Необходимо принимать во внимание, что «штучные» характеристики, составляющие специфику белорусской разновидности русского языка, обусловлены глубокими процессами – течениями, определяющими развитие языков и их разновидностей (вспомним, в частности, понятие языкового дрейфа [16]). В этой статье не ставится задача выявить и описать все особенности, характерные для идиома, а выделяются общие принципы, значимые для понимания того, чем обусловлена грамматическая специфика белорусской разновидности русского языка.

Материалы и методы исследования

Данное исследование выполнено в русле корпусной социолингвистики (см., например, [17; 18]), что отличает его от других работ, посвященных грамматической вариативности в русской речи белорусов [1; 3; 4]. Источником количественных данных о функционировании языковых единиц послужил «Генеральный интернет-корпус русского языка» (ГИРЯ), где есть разметка местоположения пользователей. Использовался подкорпус «Живой Журнал» (ЖЖ) объемом 8,72 млрд слов. Блоги, представленные в данном подкорпусе, отражают разговорную речь в письменной форме и благодаря своей непосредственности и массовости являются ценным источником для изучения активных языковых процессов и вариативности.

Чтобы определить, существенны ли различия в частотности языковых единиц между белорусским и российским сегментами ГИРЯ, использовалась логарифмическая функция правдоподобия (мера правдоподобия, англ. *log-likelihood*) [17, р. 62–63; 9]. При помощи данного статистического инструмента можно определить, в каких случаях единицы употребляются чаще и реже в одном из подкорпусов по сравнению с другим. Для этого соотносились данные по белорусскому (около 160 млн словоупотреблений) и российскому (около 4 млрд словоупотреблений) сегментам ГИРЯ. Чтобы обеспечить точность результатов, было выбрано максимальное критическое значение G^2 , равное 15,13 ($p < 0,0001$).

Дополнительно использовались данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и собранная нами картотека примеров (в том числе метаязыковых высказываний) из различных типов текстов.

Л. Г. Мощенская, изучавшая категорию рода в русской речи белорусов, отметила, что «интерференция занимает периферийное положение и выявляется только на уровне отдельных лексем» [3, с. 131]. По мнению исследователя, сильнее на функционирование вариантов родовой принадлежности существительных воздействуют такие процессы, как перенос (если нормы в двух языках совпадают, то они оказываются более устойчивыми в речи билингва), гиперперенос (стабилизирует уходящую норму или продвигает новый вариант) и гипердифференциация (иногда, если нормы русского и белорусского языков совпадают, носители «ошибаются», выбирая противоположный вариант). В данной работе сосредоточено внимание на интерференции, поскольку такие явления легче поддаются эмпирическому анализу: аргументированно связать явления переноса, гиперпереноса и гипердифференциации с языковыми контактами не всегда возможно.

Результаты и их обсуждение

Результаты нашего корпусного анализа демонстрируют, что во многих случаях интерференция на морфологическом уровне имеет потенциальный характер: не наблюдается статистически значимое увеличение частотности нестандартных вариантов под влиянием белорусского языка, в котором аналогичные формы относятся к стандарту. Например, можно было бы ожидать рост частотности словосочетаний типа *открыть двери* в Беларуси, поскольку в белорусском языке существительное *дзверы* является *pluralia tantum*, однако, как показывает материал ГИРЯ, статистически значимого увеличения удельного веса словосочетаний с формой множественного числа не происходит (G^2 для формы множественного числа – 12,16, что не превышает критического значения), хотя удельный вес словосочетаний *открыть/закрыть двери* (vs. *дверь*) в Беларуси немного выше (17,80 %, 186 вхождений), чем в России (14,28 %, 3782 вхождения).

²Феномены, тяготеющие к лексическому полюсу лексико-грамматического континуума (конкуренция видовых вариантов типа *словить*, *поймать*, *споймать*, словообразовательная вариативность, особенности образования и функционирования диминутивов, феминитивов и других продуктивных классов единиц, специфическое грамматическое оформление лексико-семантических вариантов многозначных слов и т. п.), в данной статье не рассматриваются.

Вообще, многие случаи, отмечаемые, например, в работах Т. В. Кузьменковой, Г. Ф. Вешторт [1; 4] как примеры белорусско-русской интерференции, не встречаются в нашей выборке. Это обусловлено различными факторами: неодинаковым материалом анализа (более ранние работы основаны главным образом на интроспекции и анкетировании), хронологической дистанцией между исследованиями и т. д. В данной статье внимание сосредоточено на единицах, частотность которых в белорусской разновидности русского языка выше ожидаемой.

Анализ эмпирического материала показывает, что белорусские окончания, отличающиеся от русских, в нашем материале встречаются достаточно редко. В научной литературе (например, [4, с. 66; 5, с. 280]) отмечается, что для русского языка в Беларуси характерно использование форм творительного падежа типа (с) *Васем* или (с) *дядьком*. Наш материал это не подтверждает: по-видимому, такие формы существуют в белорусско-русском языковом континууме, но не относятся к числу «жизнеспособных» в исследуемом идиоме³. Вместе с тем наблюдается рост частотности некоторых имен собственных, например, *Виталем* ($G^2 = 30,12$). Однако появление подобных форм обусловлено тем, что в белорусской разновидности русского языка чаще используется имя *Виталь* ($G^2 = 67,45$), т. е. речь идет об образовании формы *Виталем* от имени *Виталь* (не *Виталья*), что вполне соответствует нормативным конвенциям. Подобные лексико-грамматические феномены в данной статье подробно не рассматриваются.

Одно из наиболее хорошо осознаваемых различий в грамматике русского и белорусского языков – это расхождения в родовой принадлежности ряда существительных. В русском языке существительные с основой на мягкий согласный могут относиться как к женскому (*лень*), так и к мужскому роду (*день*). Соответственно, действие закона аналогии может приводить к неверному с точки зрения литературного языка определению рода конкретного слова. В определенном окружении на выбор рода влияют и другие языки. По данным ГИКРЯ, в современной русской речи жителей Беларуси не наблюдается статистически значимого увеличения частотности слов *медаль*, *шинель* и подобных как существительных мужского рода – в соответствии с их родовой принадлежностью в белорусском языке. Напротив, *мозоль* как существительное мужского рода употребляется в различных странах, где используется русский язык, и различия в частотности данного варианта в белорусском и российском сегментах ГИКРЯ не являются статистически значимыми ($G^2 = 11,90$). При этом удельный вес слова *мозоль* мужского рода в Беларуси выше, чем в России, что можно объяснить тем, что данная форма слова характерна для белорусского языка. Аналогичная ситуация наблюдается и в Украине (рис. 1).

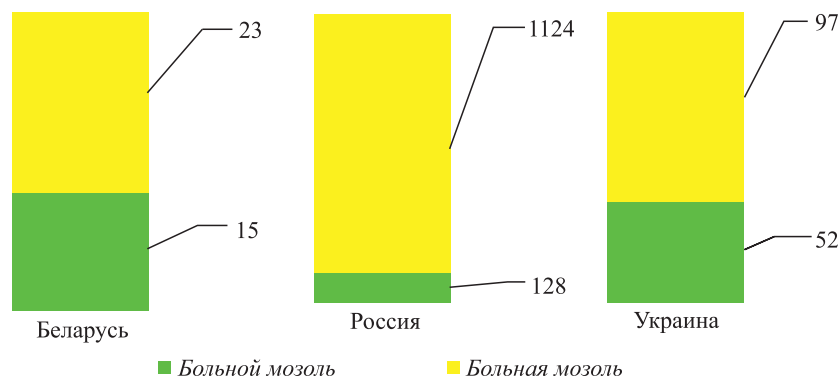

Рис. 1. Соотношение вариантов типа *больной мозоль* (мужской род) и *больная мозоль* (женский род) (ГИКРЯ)

Fig. 1. Ratio of variants like *bol'noi mozol'* (masculine) and *bol'naya mozol'* (feminine) (General Internet-Corpus of Russian)

В целом анализ материала демонстрирует, что контактные факторы усиливают действие внутриязыковых тенденций: нарушение кодифицированных норм в белорусском варианте русского языка происходит в тех зонах грамматики, где «ошибаются» носители русского языка из разных стран. Еще в советское время учеными приводилось наблюдение: «Литературная морфологическая норма оказывается менее всего устойчивой в условиях иноязычного окружения. Наибольший процент реализации морфологических тенденций имеет место, как правило, у русских жителей Белоруссии, Прибалтики, Украины» [19, с. 245]. Р. О. Якобсон отмечал, что «язык воспринимает элементы чужой структуры лишь в том случае, если они соответствуют тенденциям его развития» [20, с. 99]. В работе ученого речь шла об изменениях фонологических систем, но, видимо, в данном случае имеет место универсальная

³Исследователи отмечали, что это может быть связано с неприятием подобных грамматических феноменов и определения речи, где они присутствуют, как смешанной [6, р. 113].

закономерность развития языка. Впрочем, С. Томасон и Т. Кауфман указывают на то, что при языковом сдвиге встречаются и феномены, не соответствующие внутренним тенденциям языкового развития, поскольку изменения возникают в результате «несовершенного» овладения языком [21, р. 43]. Однако наш материал показывает, что «выживают» те нестандартные языковые факты, которые «мимикрируют».

Среди внутренних факторов грамматических изменений следует отметить тенденцию к экономии языковых средств. Данный фактор приводит к выбору более коротких форм, устранению исключений и аналогическому выравниванию парадигм и т. д. Так, для русской речи жителей Беларуси характерно использование генитивных форм с нулевой флексией типа *Баранович* и *Жданович* вместо нормативных *Барановичей* и *Ждановичей* (рис. 2). Такие грамматические варианты отличаются краткостью, а также встречаются в белорусском языке.

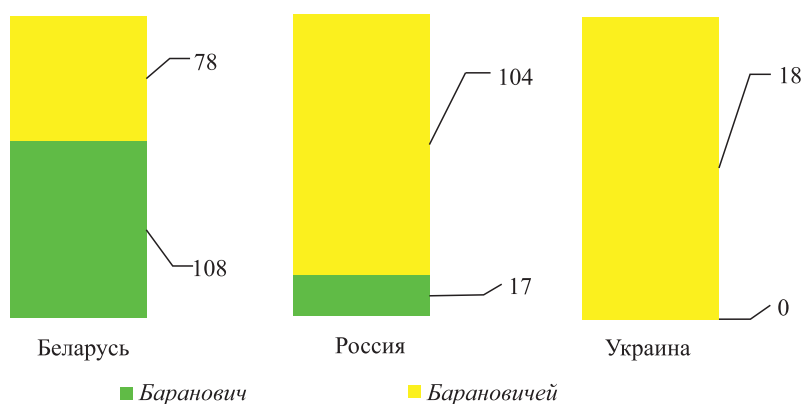

Рис. 2. Соотношение вариантов *Баранович* и *Барановичей* (учитывались только контексты с географическими названиями) (ГИКРЯ)

Fig. 2. Ratio of variants *Baranovich* and *Baranovichei* (only contexts with place names were taken into account) (General Internet-Corpus of Russian)

Одна из тенденций в функционировании морфологических вариантов в белорусской разновидности русского языка – это увеличение частотности форм, которые возникают в результате выравнивания по аналогии с более продуктивными, семантически прозрачными, немаркированными грамматическими феноменами, что сопровождается контактным влиянием. Подобные процессы типичны для контактных ситуаций [21, р. 23; 15, р. 89], что можно проиллюстрировать на примере конкуренции императивных форм глагола *ехать*. Так, более высокая частотность словоформы *едь(те)* в белорусской разновидности русского языка объясняется ее системным характером, *поезжай(те)* же воспринимается как не вполне логичное «исключение». Надо принимать во внимание и тот факт, что форма *едзь(це)* считается нормативной и в белорусском языке. На рис. 3 показано, что вариант *поезжайте*, соответствующий строгой литературной норме русского языка, не популярен ни в одном из сегментов корпуса.

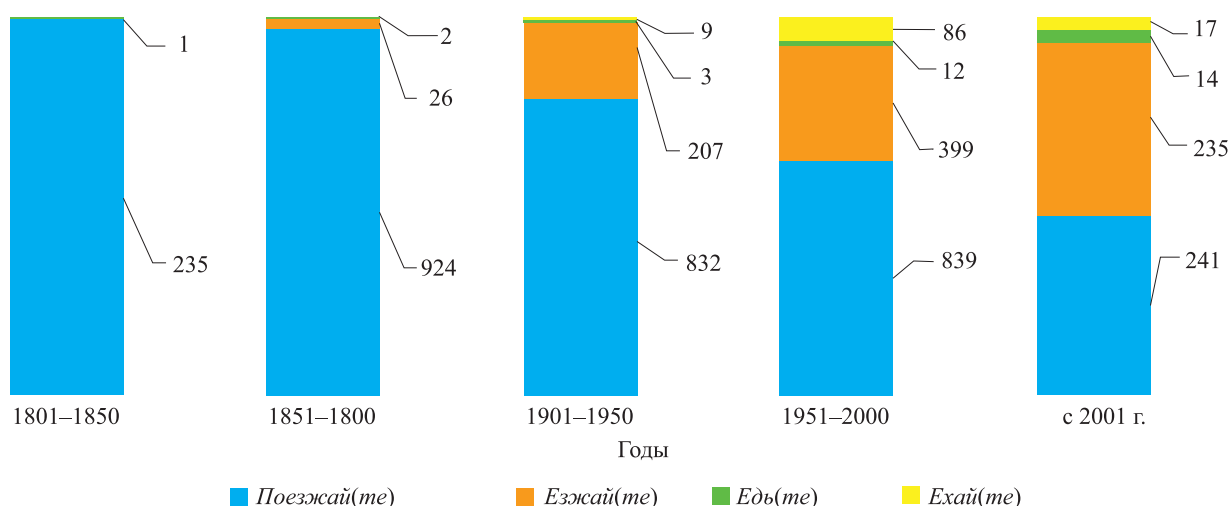

Рис. 3. Соотношение вариантов *поезжай(те)*, *езжай(те)*, *едь(те)* и *ехай(те)* (ГИКРЯ)
Fig. 3. Ratio of variants *poezzhai(te)*, *ezzhai(te)*, *ed'(te)* and *ekhai(te)* (General Internet-Corpus of Russian)

Интересно, что для русскоязычных текстов, созданных в России, на первое место выходит вариант *езжайте*, что является следствием развития данного участка грамматической системы русского языка на протяжении последних нескольких столетий. Подобные различия в функционировании вариантов в национальных разновидностях русского языка демонстрируют механизмы языкового дрейфа: «Возможно, что именно эта *вариативность значимости*, которая свойственна существенным компонентам общей тенденции дрейфа языка, является ответственной за возникновение диалектальных различий. Каждый диалект продолжает общую тенденцию дрейфа языка-родоначальника, но не в равной мере воспринимает действенную силу каждого компонента этой тенденции. Тем самым оказываются неизбежными сперва небольшие, а потом все более возрастающие отклонения от первоначальной линии дрейфа» [16, с. 149].

Основной подкорпус НКРЯ показывает, что с течением времени удельный вес словоформы *поезжайте* падает, при этом вариант *езжайте*, который в первой половине XIX в. еще не использовался, становится все более популярным. На рис. 4 видно, что варианты *едь(те)* и *ехай(те)* занимают маргинальное положение в русских текстах, отраженных в НКРЯ. Большой удельный вес варианта *езжайте*, маркированного в современных словарях как разговорное, в ГИКРЯ по сравнению с НКРЯ за XXI в. обусловлен тем, что первый корпус передает разговорную речь в письменной форме.

Рассмотрим еще одну грамматическую характеристику белорусского варианта русского языка, которая обусловлена внутрисистемными и контактными факторами. Одно из различий в белорусской

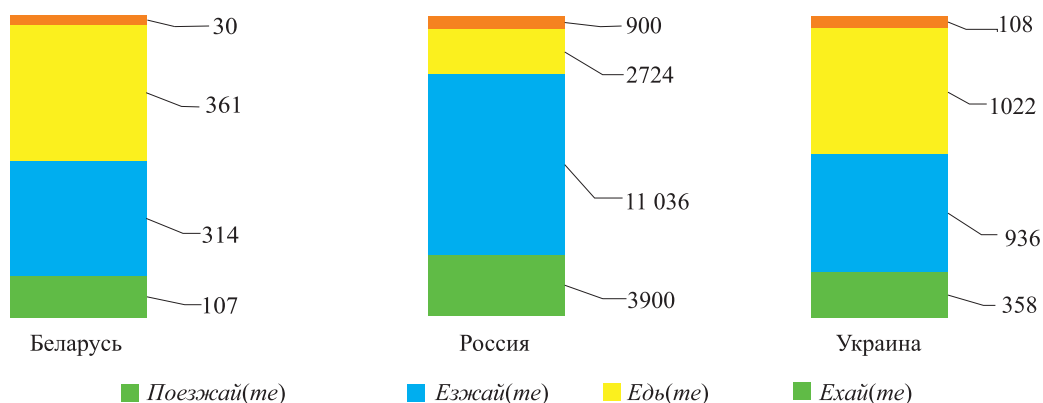

Рис. 4. Соотношение вариантов *поезжай(те)*, *езжай(те)*, *едь(те)* и *ехай(те)* в динамике с 1801 г. по настоящее время (НКРЯ)

Fig. 4. Ratio of variants *poezzhai(te)*, *ezzhai(te)*, *ed'(te)* and *ekhai(te)* over time from 1801 to the present (Russian National Corpus)

и русской морфологии заключается в неодинаковом распределении глаголов между I непродуктивным и продуктивным классами: если в русском языке словоформы типа *махаешь* являются разговорными, то в белорусском языке их корреляты соответствуют строгой литературной норме [21, с. 105]. Данное корпусное исследование показывает, что удельный вес продуктивных вариантов в Беларуси выше, чем в России (см. таблицу).

Абсолютная и относительная частотность вариантов, образованных по модели I продуктивного класса (*махаеш'*⁴ и т. п.)

Absolute and relative frequency of variants formed according to the model of the 1st productive class (*makhaesh'*, etc.)

Глагол	Абсолютная частотность		Относительная частотность, %	
	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия
<i>Махат'</i>	151	1314	12,14	4,29
<i>Полоскат'</i>	11	654	13,41	26,61
<i>Хныкат'</i>	18	259	23,38	11,78

⁴Ввиду наличия омонимов *Маішу* – *маіш'* и большого количества контекстов в выборке мы не принимали во внимание формы 1-го лица единственного числа от глагола *махат'*.

При этом если абсолютная частотность словоформ типа *махае́шь* в белорусском сегменте ГИКРЯ выше ожидаемой ($G^2 = 67,48$), то различия между Беларусью и Россией в абсолютной частотности форм типа *хныкае́шь* и *полоскае́шь* не являются статистически значимыми (10, 72 и 4,49 соответственно), что в очередной раз демонстрирует избирательность языковых изменений и лексикализированный характер грамматических особенностей исследуемого идиома. Так, Т. Н. Волынец заметила: «Грамматическое уподобление словоизменения глаголов I продуктивного класса и в русском, и в белорусском языке в целом прогрессивно... Однако эволюция данного процесса не прямолинейна, поэтому нельзя категорично утверждать, что со временем все глаголы I непродуктивного класса в русском и белорусском языках в обязательном порядке перейдут в I продуктивный класс. Процедура эта сложная, длительная и в достаточной степени прихотливая. Она не вмещается в какое-то определенное русло и не охватывает все языковые факты сразу» [21, с. 101].

В целом распространение более продуктивных языковых явлений (генерализация правил) характерно для идиомов с субстратной основой, возникающих в процессе языкового сдвига, и связано с особенностями стихийного усвоения второго языка [14, р. 283–284].

Другой пример, иллюстрирующий специфику грамматических изменений в гибридных языковых образованиях типа белорусского варианта русского языка, – это функционирование плюсквамперфектных форм [6, р. 114–115; 13, с. 287; 23, с. 297; 24, с. 50]. Русский литературный язык считается единственным славянским языком, где подобных форм нет: наследником плюсквамперфекта выступают образования с частицей *было* [24, с. 33]. Корпусный анализ демонстрирует, что в белорусском сегменте ГИКРЯ плюсквамперфектные формы являются достаточно маргинальными: всего встретилось 118 контекстов с контактным расположением компонентов (пре- и постпозитивным глаголом *быть*). Нормативная грамматика белорусского языка также относит составные формы прошедшего времени к периферии грамматической системы, которые характеризуются как «рэшткі былой сістэмы часу, якія захаваліся ў асобных дыялектах і таму назіраюцца ў гутарковай мове асобных людзей і мове мастацкай літаратуры» [25, с. 210]. Действительно, по нашей выборке видно, что в одних идиолектах данная форма в большей степени, чем для других. Так, в текстах одного из пользователей (*ivan-rak*) зафиксировано 7 контекстов с интересующей нас формой, в остальных блогах главным образом представлены единичные употребления (в редких случаях – 2–3).

Единицы типа *ходил был* и *ходил было* имеют как сходства, так и различия в функционировании. По всей видимости, в белорусской разновидности русского языка единицы типа *хотел было* и *хотел был* воспринимаются как варианты: «*Быть*» в неожиданных местах – это и про меня. Только замаскировалось под вводное слово. Не я была сходила, а я, было, сходила)). Так же ж можно же, ведь правда же, разве нет?»⁵

Семантические характеристики и дискурсивные функции плюсквамперфектных форм в белорусском варианте русского языка несколько более разнообразны, чем у образований с частицей *было* (согласуемое *быть* далеко не всегда с легкостью заменяется на *было*), и приближаются к значениям данных форм в белорусском языке [23, с. 306–308; 26, с. 218–230]. Далее приведем основные значения данных форм в белорусской разновидности русского языка (названия функций даются со ссылкой на исследование Д. В. Сичинавы, посвященное плюсквамперфекту в различных языках мира [24]).

Как и образования с частицей *было*, рассматриваемые формы используются для обозначения аннулированного результата, прекращенной ситуации или нарушения нормального хода ситуации: *Да я тут был закодировался. Так вот уже декодировался :)* (ГИКРЯ, ЖЖ: *kulakovsky*, комментарии автора⁶); *Хочу вас познакомить с хорошими людьми. Признаться, мы мало были знали друг о друге до недавнего времени* (ГИКРЯ, ЖЖ: *toma_lisitskaya*); *Мы собирались были уехать в Словакию кататься на сноубордах, нежиться в США, кушать пструх и запивать отличным пивом. Нашли хороший отель, оплатили еще в октябре... А в декабре все планы рухнули: весь январь и февраль я должна провести дома, в легкой досягаемости до моего врача* (ГИКРЯ, ЖЖ: *dustikeeva*).

Кроме того, плюсквамперфектные формы в исследуемом идиоме используются в таксисном значении, что нетипично для образований с частицей *было* в российской разновидности русского языка. В таких контекстах описываются ситуации, предшествующие точке отсчета в прошлом, в том числе результат действия (перфект в прошедшем): *Конечно я забил, учитывая тот факт, что у меня закончился вчера ночью интернет и благополучно пошел спать. И хорошо что меня спасла одноклассница, которой я до этого был помог с информатикой* (ГИКРЯ, ЖЖ: *ashaurock*).

⁵См. комментарии к записи в Facebook: <https://www.facebook.com/alexandr.ocheretny/posts/1314416445309645>. (Здесь и далее в контекстах сохраняются орфография и пунктуация оригинала.)

⁶Здесь и далее после примеров указываются источник, имя автора записи в блоге, а при необходимости также и комментатора.

В целом плюсквамперфектные формы выполняют разнообразные дискурсивные функции. Они могут накладываться на другие значения обсуждаемых грамматических единиц, в том числе в белорусском варианте русского языка. Кроме того, в различных языках мира фиксируются модальные и эвиденциальные употребления плюсквамперфектных форм (эти значения не характерны для частицы *было* в русском языке).

В некоторых случаях плюсквамперфект используется вместо ожидаемых форм условного наклонения: *Был бы литературный талант написал был книжку на тему, прославился б, а так приходится обсасывать тему в жжж* (=) (ГИКРЯ, ЖЖ; *fox_unexisted*, комментарий *maz_d*). Контекст, приведенный выше, интересен, потому что, по гипотезе Д. В. Сичинавы, плюсквамперфектные формы дали начало условному наклонению в славянских языках [24, с. 31]. Такие контексты можно интерпретировать как опечатки [23, с. 310–311].

Таким образом, контактное влияние приводит к сохранению в исследуемом идиоме фрагмента грамматической системы прошлого. На синхронном срезе плюсквамперфектные формы используются как варианты образований с частицей *было*, однако отличаются более широким спектром семантических характеристик и дискурсивных функций. Аналогичные явления наблюдаются и на лексическом уровне: некоторые устаревшие слова (как, впрочем, и другие группы маркированной лексики), имеющие параллели в ядре белорусского лексикона, активизируются в белорусской разновидности русского языка. Следовательно, языковые контакты приводят не только к появлению новых элементов в данном идиоме, но и к изменению статуса языковых единиц и отношений между ними: элементы, относящиеся к периферии в одной национальной разновидности русского языка, могут быть ближе к ядру в другой.

Продемонстрировать семантико-прагматический аспект морфологической вариативности можно на примере употребления категории рода. Использование слова *собака* в мужском роде считается одним из маркеров белорусской разновидности русского языка, что объясняется интерференцией (см., например, [4, с. 67–68; 2, с. 122]). Действительно, в белорусском сегменте ГИКРЯ можно найти примеры использования лексемы *собака* в мужском роде: *Я щенка имела глупость приучить спать с (в. – О. Г.) ногах, теперь приходится взрослого собаку в спальню не впускать*) (ГИКРЯ, ЖЖ; *bonmotistka*, комментарий *miuere*).

Однако такие контексты встречаются и в других странах (на 6 контекстов из Беларуси представлено 373 из России). Приведем несколько примеров данного употребления в Алтайском крае: *Вот под-скажите, где и чего у нас можно купить такого типа газового баллончика, чтоб прыснуть в рожу агрессивно настроенному собаку и его не менее тупому хозяину?* (ГИКРЯ, ЖЖ; *vln_tc*); в Архангельской области: *...если приеду летом в Питер, то попрошусь на потискать этого прелестного сОбака, хорошо?)* (ГИКРЯ, ЖЖ; *ronija*, комментарий *ira_smileik*).

В текстах вариант слова мужского рода может использоваться наряду с вариантом женского рода: *Хороший собак!:) Интересно, сколько ей? Видно что ухоженная, ага* (ГИКРЯ, ЖЖ; *sergenat*, комментарий *zhani_*); *Глупая собачка Винки нашла осиное гнездо. Осиное гнездо нашло собачку Винки. <...> Макс выбрал троих возмущенных ос из шерсти глупого собака* (ГИКРЯ, ЖЖ; *tchuda*).

В Беларуси, по корпусным данным, не наблюдается статистически значимого увеличения частотности данного морфологического варианта ($G^2 = 6,59$). Думаем, что употребление слова *собака* в мужском роде в первую очередь продиктовано желанием снять противоречие между биологическим полом и грамматическим родом. С этой же целью используется и вариант *собак* (ср. употребление слова *ребенка* женского рода для обозначения девочки).

Изменение родовой принадлежности лексемы может быть вызвано и прагматическими задачами, что, в частности, проявляется в функционировании «мужского экспрессивного» рода [27, с. 137]. Подобные примеры находятся в русле такой тенденции развития грамматики, как добавление прагматического компонента в грамматическую семантику, вследствие чего теряется ключевое свойство грамматического значения – обязательность. Так, Б. Ю. Норман отмечает: «Ныне, по-видимому, такой “словоизменяемый” аспект рода существительных усиливается благодаря его взаимодействию с прагматическими и стилистическими аспектами. Во всяком случае, наш материал показывает, что в сознании носителя русского языка категория рода приобретает бóльшую, чем ранее, “свободу” функционирования, что, быть может, и не меняет глубинных оснований данной грамматической категории, но превращает ее в мощное выразительное средство» [28, с. 173].

На грамматику воздействуют и социальные факторы. Так, в советское время на грамматические изменения в русском языке влияло «активное участие в строительстве современного русского литературного языка тех социальных групп, которые более или менее свободно относятся к литературной норме (в общем считая необходимым следовать ей)» [29, с. 66]. Актуально это и для современного общества, в котором продолжают развиваться тенденции к демократизации языкового стандарта. Социальные

факторы также сдерживают распространение грамматических инноваций. Знание кодифицированных норм, восприятие их социальной значимости в большей степени замедляет языковые изменения. Соответственно, чем более осознанными, отрефлексированными являются кодифицированные варианты, тем слабее варианты некодифицированные. В речевой практике закрепляются главным образом те феномены, которые находят поддержку со стороны социально одобренных норм. Так, следующее наблюдение, сделанное около полувека назад, не потеряло своей актуальности: «Грамматическая аналогия в современном русском литературном языке может нарушить сложившиеся нормы только в том случае, если она опирается на сложившуюся норму. Парадоксальность этого утверждения лишь кажущаяся» [29, с. 137].

Заключение

Поскольку в белорусском и русском языках есть грамматические различия, в русской речи белорусов могло бы наблюдаться множество отступлений от морфологических норм русского языка, однако эмпирические данные демонстрируют, что этот потенциал реализуется не полностью: далеко не все случаи потенциальной морфологической и синтаксической интерференции становятся реальностью, что показывает селективность языковых изменений. Грамматические особенности белорусской разновидности русского языка во многом являются лексикализованными: как правило, они не охватывают большие классы единиц, а ограничены конкретными лексемами, группами слов или конструкциями с определенным лексическим наполнением.

Грамматическая вариативность изучаемого идиома обусловлена синергией внутренних и контактных факторов языковых изменений, поэтому в грамматике, в отличие от лексики, затруднительно разграничить внутрисистемные и контактно обусловленные белорусизмы. Языковые контакты усиливают действие внутриязыковых тенденций: точки роста специфических характеристик интересующего нас идиома локализованы в тех зонах грамматики, где «ошибаются» носители русского языка из разных стран. Кроме того, несмотря на значительную автономность грамматики (в сопоставлении с лексикой), на частотность языковых инноваций влияют и социальные факторы. С одной стороны, знание кодифицированных норм и восприятие их социальной значимости существенно замедляет грамматические изменения, с другой – демократизация языка и другие социальные процессы способствуют распространению отдельных «сильных» грамматических белорусизмов в коммуникации.

Исследование показало, что в обсуждаемом идиоме увеличивается частотность морфологических единиц, соответствующих тенденции к экономии речевых средств: кратких словоформ (*Баранович* вместо *Барановичей*), а также элементов, которые возникают вследствие их выравнивания по аналогии с более продуктивными грамматическими феноменами (например, *словить*, *едь*, *махаешь* и т. п.). Подобные единицы также используются в белорусском языке. Кроме того, в результате контактов белорусская разновидность русского языка сохраняет фрагмент грамматической системы прошлого – плюсквамперфектные формы типа *пришел был*, которые функционируют как полифункциональные варианты территориально не маркированных образований с частицей *было*. Таким образом, белорусско-русские языковые контакты способствуют не только возникновению новых, но и активизации периферийных элементов идиома.

Функционирование ненормативных морфологических вариантов также обуславливается семантическими и стилистическими характеристиками лексем. Так, выбор нестандартных форм рода для слова *собака* определен не столько интерференцией со стороны белорусского языка (в данном материале не наблюдается статистически значимых различий между белорусским и российским сегментами в функционировании варианта мужского рода от данной лексики), сколько полом референта и прагматическими задачами коммуниканта.

Библиографические ссылки

1. Кузьменкова ТВ. Морфология. В: Михневич АЕ, редактор. *Русский язык в Белоруссии*. Минск: Наука и техника; 1985. с. 76–96.
2. Лукашанец АА. Особенности грамматической интерференции в условиях близкородственного двуязычия. В: Иванов ВМ, редактор. *Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия*. Москва: Наука; 1990. с. 120–127.
3. Мощенская ЛГ. Как белорусы говорят по-русски? Варианты рода имен существительных в русской речи белорусов. Минск: Университетское; 1992. 158 с.
4. Вешторг ГФ. Морфологическая интерференция. В: Булько АН, Крысин ЛП, редакторы. *Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси*. Минск: Беларуская навука; 1999. с. 65–73.
5. Норман БЮ. Билингвизм и многоречие в Республике Беларусь. В: Гаспаров БМ, Купина НА, редакторы. *Русский язык в многоречном социокультурном пространстве*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2014. с. 267–286.

6. Zeller JP, Sitchinava D. The Russian language in Belarus and Ukraine. In: Mustajoki A, Protassova E, Yelenevskaya M, editors. *The soft power of the Russian language: pluricentricity, politics and policies*. London: Routledge; 2019. p. 108–122.
7. Clyne MG, editor. *Pluricentric languages. Differing norms in different nations*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1992. 481 p.
8. Горицкая О. Русский язык в Беларуси и других постсоветских странах: споры о терминах. В: Кошкин И, редактор. *Rusistica Latviensis. Том 8. Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2*. Рига: Latvijas Universitate; 2018. с. 124–134. DOI: 10.22364/ruslat.glp.14.
9. Goritskaya O. Belarusian flavor in Russian: how to measure gradual differences between the varieties of pluricentric languages? In: Muhr R, Thomas J, editors. *Pluricentric theory beyond dominance and non-dominance: a critical view*. Graz: PCL-PRESS, 2020. p. 205–218.
10. Del Gaudio S. Russian as a non-dominant variety in post-Soviet states: a comparison. In: Muhr R, Negre CA, Juncal CF, editors. *Exploring linguistic standards in non-dominant varieties of pluricentric languages*. Wien: Peter Lang Verlag; 2013. p. 343–362. DOI: 10.3726/978-3-653-02709-9.
11. Woolhiser C. «Belarusian Russian»: sociolinguistic status and discursive representations. In: Muhr R, editor. *Non-dominating varieties of pluricentric languages. Getting the picture*. Wien: Peter Lang Verlag; 2012. p. 227–262. DOI: 10.3726/978-3-653-01621-5.
12. Абабурка МВ. *Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў*. Мінск: Вышэйшая школа; 1992. 223 с.
13. Ижакевич ГП, Иванов ВВ, Дмитренко СН. *Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении*. Киев: Наукова думка; 1981. 343 с.
14. Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 366 p.
15. Verschik A. *Emerging bilingual speech: from monolingualism to code-copying*. London: Continuum; 2008. 252 p.
16. Сепир Э. Язык как продукт истории: тенденция развития (дрейф) языка. В: Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Прогресс; 1993. с. 138–156.
17. Baker P. *Sociolinguistics and corpus linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2010. 189 p.
18. Mair Ch. Corpus linguistics meets sociolinguistics: the role of corpus evidence in the study of sociolinguistic variation and change. In: Renouf A, Kehoe A, editors. *Corpus linguistics: refinements and reassessments*. Amsterdam: Brill; 2009. p. 7–32. Co-published by the «Rodopi». DOI: 10.1163/9789042025981_003.
19. Крысин ЛП, редактор. *Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения*. Москва: Наука; 1974. 352 с.
20. Якобсон Р. О теории фонологических союзов между языками. В: Якобсон Р. *Избранные работы*. Москва: Прогресс; 1985. с. 92–104.
21. Thomason SG, Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press; 1988. 411 p.
22. Волинец ТН. О соотношении вариантных форм в парадигматических схемах глаголов I непродуктивного класса (на материале русского и белорусского языков). *Русский язык*. 1982;2:96–105.
23. Сичинава ДВ. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА; 2013. 385 с.
24. Сичинава ДВ. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей. *Вопросы языкознания*. 2019;1:30–57. DOI: 10.31857/S0373658X0003593-1.
25. Лукашанец АА, редактор. *Кароткая граматыка беларускай мовы. Частка 1. Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія*. Мінск: Беларуская навука; 2007. 351 с.
26. Мацкевіч ЮФ. *Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове*. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР; 1959. 292 с.
27. Земская ЕА. Специфические значения некоторых именных форм. В: Земская СА, редактор. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Москва: Наука; 1983. с. 135–137.
28. Норман БЮ. Лингвopsихологические аспекты грамматической категории рода. *Russian Linguistics*. 2006;30(2):153–174.
29. Панов МВ, редактор. *Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*. Москва: Наука; 1968. 367 с.

References

1. Kuz'menkova TV. [Morphology]. In: Mikhnevich AE, editor. *Russkii yazyk v Belorussii* [The Russian language in Byelorussia]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1985. p. 76–96. Russian.
2. Lukashanets AA. [Features of grammatical interference in the context of closely-related bilingualism]. In: Ivanov VM, editor. *Grammaticheskaya interferentsiya v usloviyakh natsional'no-russkogo dvuyazychiya* [Grammatical interference in the context of national-Russian bilingualism]. Moscow: Nauka; 1990. p. 120–127. Russian.
3. Moshchenskaya LG. *Kak belorusy govoryat po-russki? Varianty roda imen sushchestvitel'nykh v russkoi rechi belorusov* [How do Belarusians speak Russian? Gender variants of nouns in the Russian speech of Belarusians]. Minsk: Universitetskoe; 1992. 158 p. Russian.
4. Veshtort GF. [Morphological interference]. In: Bulyko AN, Krysin LP, editors. *Tipologiya dvuyazychiya i mnogoyazychiya v Belarusi* [Typology of bilingualism and multilingualism in Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 1999. p. 65–73. Russian.
5. Norman BYu. [Bilingualism and multilingualism in the Republic of Belarus]. In: Gasparov BM, Kupina NA, editors. *Russkii yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve* [The Russian language in the multilingual sociocultural space]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2014. p. 267–286. Russian.
6. Zeller JP, Sitchinava D. The Russian language in Belarus and Ukraine. In: Mustajoki A, Protassova E, Yelenevskaya M, editors. *The soft power of the Russian language: pluricentricity, politics and policies*. London: Routledge; 2019. p. 108–122.
7. Clyne MG, editor. *Pluricentric languages. Differing norms in different nations*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1992. 481 p.
8. Goritskaya O. [Russian in Belarus and other post-Soviet states: debates on terms]. In: Koškins I, editor. *Rusistica Latviensis. Том 8. Global'nye i lokal'nye protsessy v slavyanskikh yazykakh, literaturakh, kul'turakh 2* [Rusistica Latviensis 8. Global nad local processes in Slavic languages, literatures and cultures 2]. Riga: Latvijas Universitate; 2018. p. 124–134. Russian. DOI: 10.22364/ruslat.glp.14.

9. Goritskaya O. Belarusian flavor in Russian: how to measure gradual differences between the varieties of pluricentric languages? In: Muhr R, Thomas J, editors. *Pluricentric theory beyond dominance and non-dominance: a critical view*. Graz: PCL-PRESS; 2020. p. 205–218.
10. Del Gaudio S. Russian as a non-dominant variety in post-Soviet states: a comparison. In: Muhr R, Negre CA, Juncal CF, editors. *Exploring linguistic standards in non-dominant varieties of pluricentric languages*. Wien: Peter Lang Verlag; 2013. p. 343–362. DOI: 10.3726/978-3-653-02709-9.
11. Woolhiser C. «Belarusian Russian»: sociolinguistic status and discursive representations. In: Muhr R, editor. *Non-dominating varieties of pluricentric languages. Getting the picture*. Wien: Peter Lang Verlag; 2012. p. 227–262. DOI: 10.3726/978-3-653-01621-5.
12. Ababurka MV. *Parawnal'naja gramatyka belaruskaj i ruskaj mow* [Comparative grammar of the Belarusian and Russian languages]. Minsk: Vyshhejshaja shkola; 1992. 223 p. Belarusian.
13. Izhakevich GP, Ivanov VV, Dmitrenko SN et al. *Funkcionirovanie russkogo yazyka v blizkorodstvennom yazykovom okruzenii* [Functioning of the Russian language in closely related language environment]. Kyiv: Naukova dumka; 1981. 343 p. Russian.
14. Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 366 p.
15. Verschik A. *Emerging bilingual speech: from monolingualism to code-copying*. London: Continuum; 2008. 252 p.
16. Sepir E. [Language as a historical product: drift]. In: Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii* [Selected papers in linguistics and cultural studies]. Moscow: Progress; 1993. p. 138–156. Russian.
17. Baker P. *Sociolinguistics and corpus linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2010. 189 p.
18. Mair C. Corpus linguistics meets sociolinguistics: the role of corpus evidence in the study of sociolinguistic variation and change. In: Renouf A, Kehoe A, editors. *Corpus linguistics: refinements and reassessments*. Amsterdam: Brill; 2009. p. 7–32. Co-published by the «Rodopi».
19. Krysin LP, editor. *Russkij yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya* [The Russian language according to the data from the large-scale sociolinguistic study]. Moscow: Nauka; 1974. 352 p. Russian.
20. Jakobson R. [On the theory of phonological Sprachbunds]. In: Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress; 1985. p. 92–104. Russian.
21. Thomason SG, Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press; 1988. 411 p.
22. Volynets TN. [On the ratio of variant forms in paradigmatic schemes of verbs of the 1st unproductive class (based on the Russian and Belarusian languages)]. *Russkij yazyk*. 1982;2:96–105. Russian.
23. Sitchinava DV. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskij plyuskvamperfekt* [Pluperfect typology. Pluperfect in the Slavic languages]. Moscow: AST-PRESS KNIGA; 2013. 385 p. Russian.
24. Sitchinava DV. Slavic pluperfect: loci of variation. *Voprosy yazykoznanija*. 2019;1:30–57. Russian. DOI: 10.31857/S0373658X0003593-1.
25. Lukashanec AA, editor. *Karotkaja gramatyka belaruskaj movy. Chastka 1. Fanalogija. Marfanalogija. Marfalogija* [A concise grammar of the Belarusian language. Part 1. Phonology. Morphology. Morphology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2007. 351 p.
26. Mackevich JuF. *Marfalogija dzejaslova u belaruskaj move* [Verb morphology in the Belarusian language]. Minsk: Publishing House of the Academy of the Science of the BSSR; 1959. 292 p. Belarusian.
27. Zemskaya EA. [Specific meanings of some nominal forms]. In: Zemskaya EA, editor. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka; 1983. p. 135–137. Russian.
28. Norman BYu. [Linguo-psychic aspects of the grammatical category of gender]. *Russian Linguistics*. 2006;30(2):153–174. Russian.
29. Panov MV, editor. *Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo: sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Russian language and Soviet society: sociological and linguistic study. Morphology and syntax of the standard modern Russian language]. Moscow: Nauka; 1968. 367 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.07.2020.
Received by editorial board 24.07.2020.

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МНЕНИЙ В МЕДИАДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В. В. КОЗЛОВА¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматривается принципиальный алгоритм определения и классификации мнений в информационных и аналитических жанрах медийного дискурса на английском и белорусском языках, разработанный на основе словаря языковых единиц, маркирующих высказывания-мнения (733 единицы, функционирующих в более 5000 высказываний-мнений). Преимущество предложенной модели заключается в том, что она учитывает семантику выявленных единиц, их частотность, а также типологию высказываний-мнений. В действия алгоритма включен ряд шагов: поиск маркеров мнения на основе разработанного словаря маркеров; присвоение каждому предложению определенного «веса» в зависимости от обнаруженных маркеров по сумме числовых значений из словаря (данные по «весу» языковых маркеров указываются в обобщенном виде); разделение высказываний на мнения-интерпретации, мнения-теории, мнения-предположения и комбинированные мнения. Классификация также учитывает семантические и количественные показатели.

Ключевые слова: алгоритм; поиск мнений; словарь языковых маркеров; медийный дискурс; автоматическая классификация мнений.

Благодарность. Автор выражает признательность за помощь в выполнении исследования доктору филологических наук, профессору Г. П. Карпилович.

РАСПРАЦОЎКА АЛГАРЫТМУ ВЫЯЎЛЕННЯ МЕРКАВАННЯЎ У МЕДЫЯДЫСКУРСЕ НА АНГЛІЙСКОЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

В. В. КАЗЛОВА^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца прынцыповы алгарытм ідэнтыфікацыі і класіфікацыі меркаванняў у інфармацыйных і аналітычных жанрах медыйнага дыскурсу на англійскай і беларускай мовах, распрацаваны на аснове слоўніка моўных адзінак, якія маркіруюць выказванні-меркаванні (733 адзінкі, якія функцыянуюць у больш чым 5000 выказваннях-меркаваннях). Перавага прапанаванай мадэлі заключаецца ў тым, што яна ўлічвае семантыку моўных адзінак, іх колькасныя даныя, а таксама тыпалогію выказванняў-меркаванняў. У дзеянні алгарытму ўключаны шэраг крокаў: пошук маркераў меркавання на аснове распрацаванага слоўніка маркераў; прысваенне кожнаму сказу пэўнай «вагі»

Образец цитирования:

Козлова ВВ. Разработка алгоритма определения мнений в медиадискурсе на английском и белорусском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2020;3:40–49.

For citation:

Kazlova VV. The design of the algorithm for opinion mining in the media discourse in English and Belarusian. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2020;3:40–49. Russian.

Автор:

Вероника Викторовна Козлова – аспирантка кафедры теории и практики английского языка переводческого факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная.

Author:

Veranika V. Kazlova, postgraduate student at the department of English theory and practice, faculty of translation and interpretation.
ruis1@yandex.ru

ў залежнасці ад выяўленых маркераў па суме лікавых значэнняў са слоўніка (даныя па «вазе» моўных маркераў прыводзяцца ў агульным выглядзе); падзел на меркаванні-інтэрпрэтацыі, меркаванні-тэорыі, меркаванні-прагнозы і камбінаваныя меркаванні. Класіфікацыя таксама ўлічвае семантычныя і колькасныя паказчыкі.

Ключавыя словы: алгарытм; пошук меркаванняў; слоўнік моўных маркераў; медыйны дыскурс; аўтаматычнае класіфікацыя меркаванняў.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку за дапамогу ў выкананні даследавання доктару філалагічных навук, прафесару [Т. П. Карпіловіч].

THE DESIGN OF THE ALGORITHM FOR OPINION MINING IN THE MEDIA DISCOURSE IN ENGLISH AND BELARUSIAN

V. V. KAZLOVA^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article runs about the design of the algorithm for opinion mining in the media discourse in English and Belarusian. The algorithm is based on the vocabularies of linguistic units that mark opinions in the media discourse (733 units that are mentioned in more than 5000 opinionated contexts). The advantage of the proposed model lies in the fact that it considers the semantical meaning of the linguistic markers in both languages, their frequency, and the typology of opinionated passages in the context of automatic sorting of opinions. The algorithm includes a number of steps: the search of opinion markers based on the developed vocabularies of linguistic markers, the assignment of a certain «weight» to each sentence depending on the markers (by the sum of numeric values from the vocabulary; the article provides data on the «weight» of linguistic markers in a generalized form), then statements are divided into opinions-interpretations, opinions-theories, opinions-assumptions and an opinion's combined type. The classification takes into account semantic and quantitative indicators.

Keywords: algorithm; opinion mining; vocabulary of linguistic markers; media discourse; automatic classification of opinions.

Acknowledgements. The author wishes to present her gratitude to [Т. П. Карпилович], doctor of science (philology), full professor.

Введение

В современной лингвистике множество исследований посвящено различным аспектам языка СМИ. Изучаются проблемы массовой коммуникации, специфика отдельных жанров медийного дискурса и их языковая репрезентация, проблемы функционирования языка в сфере массовой коммуникации (см., например, [1–3]). Начало исследованиям в области медийного дискурса в отечественном языкознании положили работы М. Е. Тикоцкого, А. И. Наркевича, М. П. Карпович, посвященные стилистике белорусского языка в целом и публицистического текста в частности, анализу публицистических жанров, организации художественного текста и выявлению медиалингвистических приоритетов. Современные белорусские исследования медийного дискурса касаются лингвистической организации текста, интертекстуальности, структурных типов эссе, отдельных аспектов, например, метонимии, средств разговорного синтаксиса и т. д.¹ (см., например, [4]). Как отмечает В. И. Ивченков, сегодня мы видим возникновение журналистики мнений, медиацентричность мира [5, с. 85], что делает изучение высказываний-мнений в медийном дискурсе особенно актуальным.

В последние годы как в зарубежном, так и в отечественном языкознании актуальность и активное развитие получает новое направление в сфере автоматической обработки текста – автоматическое выявление мнений и определение тональности какого-либо текста (*opinion mining and sentiment analysis*).

¹Зелянко С. В. Інтэртэкст у публіцыстычным маўленні : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.10. Мінск, 2012. 18 с. ; Глазко П. П. Структурно-семантичныя тыпы эсэ в медыйном дыскурсе і іх языковыя характарыстыкі (на матэрыяле англійскай і беларускамоўнай прэсы) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20. Мінск, 2015. 156 с. ; Горбач В. А. Метафізіка ў публіцыстычным маўленні: парадыгматычныя здольнасці і сінтагматычная неабходнасць : дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.10. Мінск, 2000. 145 с. ; Гребень Т. Н. Средства разговорного синтаксиса в медыйном дыскурсе (на матэрыяле беларускаго і англійскаго языков) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20. Мінск, 2016. 145 с.

Целью данного направления является установление отношения автора текста и отдельных коммуникантов к некоторой теме, проблемному вопросу, продукту, лицу, явлению и т. п. (см., например, [6; 7]).

В рамках компьютерной лингвистики уже был предпринят ряд попыток по созданию алгоритмов и программ на их основе для определения мнений или тональности [8–10]. Тем не менее, как правило, в фокусе подобных исследований остаются пользовательские отзывы и рецензии и, как следствие, не столько мнения, сколько оценки. В связи с этим целесообразным представляется создание отдельных баз знаний (словарей маркеров) для выявления мнений. При этом следует учитывать, что интерпретация и систематизация мнений возможны только в соответствии с определенным жанром или предметной областью. Это позволит составить эффективный алгоритм идентификации мнений для выбранной предметной области, например, для определенных жанров медиадискурса.

В качестве маркеров мнения могут выступать лексические (специфические слова и сочетания), грамматические, стилистические единицы, вербализирующие мыслительные операции: интерпретацию, логические умозаключения, обобщение и т. п. Традиционным объектом исследования по рассматриваемой проблематике служат оценочная и эмоционально окрашенная лексика и глаголы мнения. Вместе с тем комплексный подход к выявлению языковых средств репрезентации мнения (например, модальные слова и выражения, императивные конструкции, вопросно-ответные комплексы, причинно-следственные структуры, цитация, отдельные специфические для конкретных медиажанров устойчивые единицы и т. д.) позволит добиться не достигавшихся ранее результатов по автоматическому поиску, систематизации, интерпретации и обобщению мнений, представленных в медиадискурсе.

Цель настоящей статьи состоит в освещении разработанного принципиального алгоритма определения мнений в медиатекстах информационных и аналитических жанров на белорусском и английском языках на основе составленного в процессе исследования словаря языковых средств выражения мнения.

Теоретические основы

Если обратиться к направлению автоматической обработки мнений в определенном тексте (*opinion mining*, о котором речь шла выше), то в широком смысле текстовую информацию можно разделить на два типа – факты и мнения [11, р. 460]. Под мнениями следует понимать, во-первых, собственно их контексты, а во-вторых, сравнения [11, р. 460–466]. За собственно мнения принимаются фрагменты текстов, в которых зафиксированы языковые единицы, обозначающие эмоции и чувства, а за сравнения – фрагменты текстов, где рассматриваются сходства и различия каких-либо объектов.

В других исследованиях также проводится противопоставление фактов и мнений. При этом отмечается, что знания принимают форму фактов, а субъективная информация, некоторые неverified высказывания фигурируют в области мнений [12]. Следует отметить, что определенные мнения, пройдя процедуру верификации, могут способствовать получению новых знаний и с течением времени перейти в сферу фактов [13, р. 45–46].

Что касается мнений и фактов, которые представлены в СМИ, необходимо понимать процесс написания публицистического текста. В широком смысле любой текст СМИ – это единый контекст мнения, поскольку его пишет журналист, имея при этом ту или иную коммуникативную цель. Соответственно, вся информация проходит отбор. Одни факты в тексте освящаются, другие получают авторскую интерпретацию, третьи не проходят процесс отбора и в окончательном тексте никаким образом не упоминаются. Следовательно, публицистический текст можно рассматривать в качестве одной единицы мнения, в которой автор представляет некоторое субъективное суждение читательской аудитории на основе отбора фактов и мнений согласно выбранной коммуникативной цели высказывания [14, р. 239]. В данном случае контекст мнения выражает ценности и убеждения автора, редакции или заказчика материала (имеются в виду имиджевые статьи).

Рассматривая мнения, которые представлены в СМИ, необходимо отметить проблему разграничения мнений и оценок. Общим является то, что и мнения, и оценки отражают убеждения, воззрения, «чувствования» общности людей, психологический уклад социум [15, р. 28] и представляют информацию об объекте на основе внутренней картины мира того или иного человека [16, с. 7]. В некоторых исследованиях оценка включена в структуру мнения, выступает или его частью, или подвидом. Например, оценка считается высказыванием-мнением относительно ценности какого-либо объекта [17, с. 26; 20, с. 8], а также субъективной истиной, соответствующей картине мира говорящего [18, с. 51]. И для мнений, и для оценок существуют отдельные массивы языковых средств, их выражающих. В других работах отмечается сходство мнений и оценок и в то же время говорится об отсутствии полного совпадения данных областей (речь идет о так называемых экзистенциальных мнениях и оценках-ощущениях) [16, с. 8].

Под мнением в данной работе понимается некоторый фрагмент текста, в котором представлено высказывание об определенном объекте и отмечена одна или несколько языковых единиц, маркирующих мнение.

Для определения тональности текста и установления высказываний мнения наиболее эффективными признаны метод векторного анализа, метод, основывающийся на заранее составленных словарях (определение тональности, языковых маркеров мнения), с применением лингвистического анализа, а также гибридный метод. Векторный анализ предполагает сравнение текстов с размеченным заранее эталонным корпусом текстов, однако среди недостатков метода указывают невозможность установления эмотивности на уровне предложения, а также ограниченную разнородность текстов корпуса. Метод, основывающийся на словарях маркеров, подразумевает определение тональности текста и установление высказываний мнения по совокупности тональной лексики и языковых маркеров мнения, но при этом сложно дать количественную оценку позитивности или негативности анализируемого текста. Гибридный метод включает оба подхода.

В данном исследовании рассматривается разработанный автором алгоритм поиска и анализа мнений, которые фигурируют в медийном дискурсе, основанный на словарях языковых маркеров, поскольку он наиболее эффективен для поиска мнений в медийном дискурсе. Кроме того, именно этот подход позволит применять полученные данные для исследования других текстов информационных и аналитических жанров медийного дискурса. В представленной модели также учитываются количественные показатели.

Результаты и их обсуждение

Материалом анализа послужили 200 текстов различных информационных и аналитических жанров на английском и белорусском языках (мнения и комментарии, аналитические статьи, новостные заметки, репортажи и др.). Источниками практического материала стали как национальные, так и региональные британские и белорусские газеты («The Guardian», «The Daily Telegraph», «The Independent», «The Scotsman», «Evening Standard», «Звязда», «Культура», «Новы час», «Гомельская праўда» и др.).

Методы анализа входят в совокупность исследовательских процедур, целесообразность которых диктуется темой, задачами и материалом исследования и которые включают сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный метод, контент-анализ, методы моделирования, количественной обработки данных, интерпретации и классификации исследуемого материала.

Прежде всего для составления эффективного алгоритма поиска и распознавания мнений необходимо создать базу данных (словарь) определенных языковых единиц, под которыми мы понимаем маркеры мнения, т. е. языковые средства, благодаря которым тот или иной фрагмент можно маркировать как высказывание-мнение.

В корпусе медийных текстов, отобранных для исследования, были обнаружены разноуровневые языковые маркеры в количестве 733 единиц, функционирующих в более 5000 высказываний-мнений, в структуре которых выделяются:

- 1) единицы морфологического уровня:
 - глаголы (с одной стороны, глаголы, являющиеся маркерами ввода мнения, с другой – глаголы, входящие в структуру собственно мнения);
 - существительные;
 - служебные части речи (было выявлено на английском языке 24 единицы, в белорусском – 17);
 - формы будущего времени и сослагательного наклонения;
- 2) единицы лексического уровня:
 - лексемы единицы с модальным значением (в английском языке – 20, в белорусском – 10);
- 3) единицы синтаксического уровня:
 - вопросительные предложения (запрос информации; вопрос, задающий проблемное поле; риторический вопрос; вопрос, в котором предлагаются идеи; вопросно-ответный комплекс; коммуникативный вопрос; вопрос-сомнение; альтернативный вопрос)
 - комментарии (в английском языке – 62, в белорусском – 91);
 - императив.

В результате систематизации материала был составлен словарь маркеров (табл. 1).

Качественная журналистика предполагает исключение авторской позиции при освещении информационных поводов, поэтому профессиональные журналисты стремятся раскрыть содержание новости объективно. Однако мнения являются неотъемлемой частью газетных материалов. В значительном количестве мнения функционируют в текстах передовых статей, авторских колонок, в аналитических материалах, отзывах и рецензиях, даже в новостных статьях и во многих других типах медиатекстов. Нередко возникают трудности при разграничении фактов и мнений, надежной верифицируемой информации и частной точкой зрения.

Таблица 1

Фрагмент сводной таблицы маркеров мнения на английском и белорусском языках

Table 1

Fragment of the summary table of opinion markers in English and Belarusian

Группы маркеров мнения	Данные для английского языка		Данные для белорусского языка	
	Количество единиц	Примеры	Количество единиц	Примеры
<i>Глаголы, входящие в структуру мнения</i>				
Выражение причинно-следственных отношений, логических взаимосвязей	12	to affect, to cause, to lead to, etc.	16	аказацца, сведчыць пра і інш.
Выражение эмоций и чувств	3	to feel, to express condolences, etc.	8	выклікаць (здзіўленне, абурэнне, бурныя эмоцыі і г. д.) і інш.
Выражение дополнительных чувств (маркеры согласия/несогласия)	28	to accuse, to blame, to criticize, etc.	10	быць супраць, мець рацыю, пагаджацца і інш.
Выражение желаний, идей, целей	12	to aim at, to desire, to hope, etc.	9	марыць, прапанаваць, хацець і інш.
Представление дефиниционных отношений	14	to represent, to mean, to refer to	4	з’яўляцца, лічыцца і інш.
Маркеры с нейтральным значением	10	to acknowledge, to confirm, etc.	9	меркаваць, ставіцца і інш.
Выражение прогностических значений	2	to plan, to expect, etc.	1	планаваць і інш.
<i>Глаголы ввода мнения в предложение</i>				
Глаголы говорения	18	to say, to ask, to quote, etc.	13	сказаць, запытацца, дадаць і інш.
Описание поведения говорящего	1	to sing, etc.	5	уздыхнуць, усміхнуцца і інш.
Представление логических взаимосвязей	11	to compare, to conclude, to estimate, etc.	8	падсумаваць, разважаць і інш.
Маркеры с нейтральным значением	29	to think, to publish, to mention, etc.	10	думаць, меркаваць і інш.
Представление эмоционального состояния говорящего	5	to blame, to feel, etc.	15	дзяліцца крыўдай, абнадзейваць, буркатаць і інш.
Выражение степени уверенности	5	to point out, to suppose, etc.	10	падкрэсліць, звярнуць увагу і інш.
Выражение желаний, идей, целей	2	to aim at, to advise, etc.	5	паабяцаць, прапанаваць і інш.
<i>Существительные</i>				
Указание на источник информации	20	rating, Twitter, etc.	9	гутарка, даследаванне і інш.
Маркеры с нейтральным значением	20	question, comment, etc.	17	гутарка, тэзіс, меркаванне і інш.
Выражение желаний, идей, целей	17	desire, problem, etc.	16	парада, задача, выхад і інш.
Выражение прогностических значений	2	trend, tendency, etc.	6	прагноз, тэндэнцыя і інш.
Представление дефиниционных отношений	3	sense, truth, etc.	5	праўда, вызначэнне і інш.
Представление реакции коммуникантов	10	outcry, doubt, etc.	5	заклік, уражанне і інш.
Представление логических взаимосвязей	9	argument, impact, etc.	9	выснова, прычыны і інш.

В современных медиатекстах весь объем информации можно разделить на объективную и субъективную. При этом существующие на данный момент поисковые программы сосредоточены на идентификации фактов и не в состоянии выполнить поиск мнений. Фактическую информацию относительно легко автоматически найти по набору тематических ключевых слов, в то время как определить мнения подобным методом не представляется возможным, например, в поисковых запросах типа «Что думают люди об уровне зарплаты?»; «Какие есть предложения по улучшению системы образования в Беларуси?». Это означает, что существующие поисковые системы не справляются с запросами по извлечению мнений из текстов.

Допустим, пользователь намеревается ввести следующий запрос: «Как улучшить школьное образование в Беларуси?». Его интересуют публикации в белорусских СМИ за 2015–2016 гг., он хочет отобрать лишь мнения экспертов и непосредственных участников ситуации (в данном случае – представителей образовательной сферы), мнения журналистов при этом его не волнуют. Пользователю необходимо узнать существующие идеи по решению проблемы, исключая интерпретации и прогнозы.

Для решения поставленной задачи мы предлагаем алгоритм поиска и классификации мнений в медиатекстах (см. рисунок).

Принципиальный алгоритм определения мнений в медиадискурсе на английском и белорусском языках

Basic algorithm for opinion mining in media discourse in English and Belarusian

Прежде всего необходимо отобрать подходящие по теме тексты из СМИ. Для этого можно воспользоваться уже существующими разработками (например, [19; 20]).

Далее для удобства отдельное предложение принимается в качестве высказывания-мнения. Соответственно, отобранные тексты разбиваются на предложения. Сделать это несложно, поскольку предложение имеет четкие формальные признаки: оно отделено знаками пунктуации (точка, вопросительный знак, восклицательный знак и т. п.).

Следующим шагом является разделение предложения на слова, чтобы в дальнейшем было возможно искать маркеры.

Затем осуществляется непосредственный поиск маркеров мнения в каждом предложении. Для этого слова в предложениях сверяются с единицами из составленного словаря маркеров (фрагмент представлен в табл. 1).

После выявления маркеров в высказываниях переходим к этапу классификации. Каждому обнаруженному маркеру, а затем и каждому предложению присваивается определенный «вес» по сумме значений «веса» маркеров (табл. 2), который определяется по сумме числовых значений единиц в словаре (табл. 3). В некоторых случаях отдельные маркеры подгрупп получают большее числовое значение, поскольку, согласно проведенному исследованию, они имеют большую частоту употребления.

Таблица 2

Интерпретация значений «веса» маркеров мнения

Table 2

Interpretation of «weight» values for opinion markers

Значение «веса»	Интерпретация
≤ 2	Низкое
от 3 до 5	Среднее
≥ 6	Высокое

Так, предложения с одним маркером типа комментария получают минимальный «вес», равный 1. Вместе с тем предложению с одним маркером с модальным значением будет присвоен вес 6, т. е. достаточно большой, поскольку, исходя из проведенного исследования, единицы с модальным значением высокочастотны в высказываниях-мнениях, в которых предлагаются идеи (условно их можно называть мнениями-теориями).

Далее отобранные предложения разделяются на мнения-цитаты и авторские мнения. Последние принадлежат авторам собственно медиатекстов, в цитатах же представляются мнения экспертов, лидеров мнений, участников обсуждаемой ситуации. Для этого следует воспользоваться существующими алгоритмами определения цитат в тексте (например, [21; 22]).

Таблица 3

Средние значения «веса» маркеров мнения по типам

Table 3

Average «weights» of opinionative markers in terms of their types

Значение «веса»	Пример
1	Комментарии, глаголы ввода эмоциональных характеристик
2	Большая часть глаголов ввода (глаголы говорения, описание поведения говорящего и т. д.), ряд существительных (обозначение источника информации, реакции коммуникантов и т. д.), ряд вопросов (запрос информации, коммуникативный вопрос) и др.
3	Некоторые глаголы ввода (представление логических взаимосвязей, идей), служебные части речи, собственно выражающие мнение существительные (представление идей, прогнозов и т. д.)
4	Собственно выражающие мнение глаголы (представление логических идей, взаимосвязей, дефиниционные отношения и т. д.), вопросы-идеи, альтернативные вопросы и др.
5	Часть модальных единиц, формы будущего времени (в английском языке) и условного наклонения, императив, ряд вопросов (проблемный вопрос, риторический вопрос и др.)
6	Часть модальных единиц, формы будущего времени (в белорусском языке)

Затем в зависимости от типа представленных маркеров предложения разделяются на мнения-интерпретации, мнения-теории, мнения-предположения и комбинированный тип мнений. Классификация производится на основании маркеров словаря.

Последним шагом является выдача результата по запрашиваемым пользователем критериям. При этом высказывания-мнения отображаются в порядке снижения присвоенного «веса» (табл. 4).

Таблица 4

Интерпретация значений «веса» высказывания-мнения

Table 4

Interpretation of «weight» values for opinionative phrases

Значение «веса»	Интерпретация
≤ 3	Низкое
от 4 до 6	Среднее
≥ 7	Высокое

Таким образом, принципиальный алгоритм не только поможет выявить высказывания-мнения в тексте, но классифицировать их определенным образом по требованиям пользователя.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в медиадискурсе на белорусском и английском языках представлено значительное количество языковых средств выражения мнения, с помощью которых возможно идентифицировать высказывания-мнения в конкретном тексте, поскольку в большинстве случаев они содержат выраженное эксплицитно отношение коммуниканта к обсуждаемой проблеме, ситуации, явлению и т. д. С учетом высокого содержания маркеров мнения в отобранных медиатекстах целесообразно использовать метод, основанный на заранее составленных тональных словарях языковых единиц, передающих мнение, с применением лингвистического анализа. Языковые средства выражения мнения представлены широким диапазоном маркеров мнения на морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях языковой системы. В результате был составлен принципиальный алгоритм поиска мнений в медиатекстах на белорусском и английском языках, который основывается на разработанном словаре маркеров мнения, учитывается семантика выявленных единиц, их частотность, тип высказываний-мнений.

До настоящего времени исследования маркеров мнения в сопоставительном аспекте (белорусский – английский языки) с целью разработать алгоритм поиска мнений в медийных текстах не предпринимались. Несмотря на некоторые имеющиеся ограничения представленной алгоритмической системы, она позволит получать более точные результаты в процессе поиска и классификации мнений в медиатекстах.

Результаты исследования могут быть инкорпорированы в общий алгоритм поиска мнений и определения тональности в медийных текстах на белорусском и английском языках. Разработанный алгоритм применим прежде всего для анализа СМИ и, соответственно, компьютерных моделей исследования мнения групп людей или отдельных лиц по определенным вопросам (автоматическая оценка деятельности организаций, контроль и оценка эффективности маркетинговых и рекламных проектов, компьютерные системы выбора целевой аудитории, экономические исследования по определению отношения целевой аудитории к какому-либо продукту или сервису, автоматизированные прогностические исследования экономических проблем, автоматическое определение мнения экспертов, оптимизация опросов и т. д.). Поскольку сегодня высказывания по большому количеству популярных тем уже имеются в интернете, предлагаемый алгоритм позволит значительно упростить анализ эффективности той или иной деятельности, избавив от необходимости проведения классического опроса.

Библиографические ссылки

1. Добросклонская ТГ. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь*. Москва: Флинта; 2008. 263 с.
2. Красноярова ОВ. Медийный текст: его особенности и виды. *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2010;3:177–181.
3. Тырыгина ВА. *Жанровая стратификация масс-медийного дискурса*. Москва: Либроком; 2010. 320 с.
4. Ивченко В.И. *Лингвистическая организация текста: в творческой лаборатории Владимира Короткевича*. Минск: Белорусский государственный университет; 2002. 211 с.

5. Ивченков ВИ. Журналистика в системе культуры: медиацентричность современного мира. У: Лакотка АІ, рэдактар. *Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры. Зборнік матэрыялаў; 5–6 мая 2016 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2016. с. 278–282.
6. Зализняк АА. *Многозначность в языке и способы ее представления*. Москва: Языки славянских культур; 2006. 672 с.
7. Анненкова ИВ. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры. В: Солганик ГЯ, составитель. *Язык современной публицистики*. Москва: Флинта; 2007. с. 99–114.
8. Bing Liu. *Sentiment analysis and opinion mining*. California: Morgan & Claypool Publishers; 2012. 168 p.
9. Pang Bo. Opinion mining and sentiment analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008;2(1–2):1–135. DOI: 10.1561/15000000011.
10. Turney P. Thumbs up or thumbs down? Semantic orientation applied to unsupervised classification of reviews. In: *Proceedings 40th annual meeting of the association for computational linguistics*. Philadelphia: Association for Computer Linguistics; 2002. p. 417–424. DOI: 10.3115/1073083.1073153.
11. Periakaruppan S, Shanmugasundaram H, Joan L. Research directions, challenges and issues in opinion mining. *International Journal of Advanced Science and Technology*. 2013;60:1–8. DOI:10.14257/ijast.2013.60.01.
12. Котельников ЕВ, Клековкина МВ. Автоматический анализ тональности текстов на основе методов машинного обучения. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2012;11:27–36.
13. Bing Liu. *Sentiment analysis and opinion mining*. Luxembourg: Springer Science + Business Media; 2011. 622 p.
14. Tsytsarau M, Palpanas T. Survey on mining subjective data on the web. *Data Mining and Knowledge Discovery*. 2012;24(3):478–514. DOI:10.1007/s10618-011-0238-6.
15. Edwards D. *Newspeak in the 21st century*. London: Pluto Press; 2009. 304 p.
16. Симонов АК, Горбаневский МВ. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Москва: Медия; 2004. 328 с.
17. Солошенко Н, Орлова ЮА, Розалиев ВЛ. Автоматическое выделение сюжетов и тем из потока новостных сообщений. *Известия Волгоградского государственного технического университета*. 2015;2:83–90.
18. Гибатова ГФ. Об истинности мнений. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. 2011;22:54–58.
19. Иванова ГФ. О мнениях и оценках. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2007;8:25–31.
20. Дмитриевская МА. Знание и мнение: образ мира, образ человека. В: Арутюнова НД, редактор. *Логический анализ языка. Знание и мнение*. Москва: Наука; 1988. с. 6–17.
21. Горошко ЕИ. *Языковое сознание: гендерная парадигма*. Харьков: ИД ИНЖЭК; 2003. 437 с.
22. Hai-Jew S, editor. *Data analytics in digital humanities, multimedia systems and applications*. Manhattan: Springer Science; 2017. 317 p.
23. Poulquien B, Steinberger R, Best C. Automatic detection of quotations in multilingual news. In: *Proceedings of the International Conference Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP'2007)*. Bulgaria: Borovets; 2007. p. 487–492.
24. Clergerie É de L, Sagot B, Stern R, Denis P, Recourcé G, Mignot V. Extracting and visualizing quotations from news wires. In: Vetulani Z, editor. *Human language technology. Challenges for computer science and linguistics, lecture notes in computer science*. Berlin: Springer; 2011. p. 522–532.

References

1. Dobrosklonskaya TG. *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliiskaya mediarech'* [Media linguistics: system approach to the media language studies: modern English media speech]. Moscow: Flinta; 2008. 263 p. Russian.
2. Krasnoyaroova OV. Media text: its characteristics and types. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*. 2010;3:177–181. Russian.
3. Tyrygina VA. *Zhanrovaya stratifikatsiya mass-mediinogo diskursa* [Genre stratification of the mass media discourse]. Moscow: Librolom; 2010. 320 p. Russian.
4. Ivchenkov VI. *Lingvisticheskaya organizatsiya teksta: v tvorcheskoi laboratorii Vladimira Korotkevicha* [Linguistic organization of the text: in the creative laboratory of Vladimir Korotkevich]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 211 p. Russian.
5. Ivchenkov VI. [Journalism in the cultural system: media centrality of the modern world]. In: Lokotko AI, editor. *Pershy mizhnarodny navukovy kangrjes belaruskaj kul'tury. Zbornik matjeryjalaw; 5–6 maja 2016 g; Minsk, Belarus'* [The first international scientific congress of the Belarusian culture: collection of materials; 2016 May 5–6; Minsk, Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2016. p. 278–282. Russian.
6. Zaliznyak AA. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in the language and the means of its representation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2006. 672 p. Russian.
7. Annenkova IV. [The language of the modern mass media as the system of interpretation in the context of Russian culture]. In: Solganic GYA, editor. *Yazyk sovremennoi publitsistiki* [The language of modern journalism]. Moscow: Flinta; 2007. p. 99–114. Russian.
8. Bing Liu. *Sentiment Analysis and Opinion Mining*. California: Morgan & Claypool Publishers; 2012. 168 p.
9. Pang Bo. Opinion mining and sentiment analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008;2(1–2):1–135. DOI: 10.1561/15000000011.
10. Turney P. Thumbs up or thumbs down? Semantic orientation applied to unsupervised classification of reviews. In: *Proceedings 40th annual meeting of the association for computational linguistics*. Philadelphia: Association for Computer Linguistics; 2002. p. 417–424. DOI: 10.3115/1073083.1073153.
11. Periakaruppan S, Shanmugasundaram H, Joan L. Research directions, challenges and issues in opinion mining. *International Journal of Advanced Science and Technology*. 2013;60:1–8. DOI:10.14257/ijast.2013.60.01.
12. Kotelnikov EV, Klekovkina MV. Sentiment analysis of texts based on machine learning methods. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 2012;11:27–36. Russian.

13. Bing Liu. *Web data mining*. Luxembourg: Springer Science + Business Media; 2011. 622 p.
14. Tsytarau M, Palpanas T. Survey on mining subjective data on the web. *Data Mining and Knowledge Discovery*. 2012;24(3): 478–514. DOI: 10.1007/s10618-011-0238-6.
15. Edwards D. *Newspeak in the 21st century*. London: Pluto Press; 2009. 304 p.
16. Simonov AK, Gorbanevskij MV. *Ponyatie chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii: spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami* [The concept of honor, dignity and business reputation: controversial media texts and problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists]. Moscow: Medeya; 2004. 328 p. Russian.
17. Soloshenko N, Orlova YA, Rosaliev VL. Automatic allocation of subjects and themes from the stream of news reports. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2015;2:83–90. Russian.
18. Gibatova GF. Truth in opinion contexts. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011;22:54–58. Russian.
19. Ivanova GF. On opinions and evaluation. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007;8:25–31. Russian.
20. Dmitrovskaya MA. [Knowledge and opinion: the image of the world, the image of a person]. In: Arutyanova ND, editor. *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie* [Logical analysis of the language, knowledge and opinion]. Moscow: Nauka; 1998. p. 6–17. Russian.
21. Goroshko EI. *Yazykovoe soznanie: gendernaya paradigma* [Language consciousness: a gender paradigm]. Kharkov: ID INJEK; 2003. 437 p. Russian.
22. Hai-Jew S, editor. *Data analytics in digital humanities, multimedia systems and applications*. Manhattan: Springer Science; 2017. 317 p.
23. Pouliquen B, Steinberger R, Best C. Automatic detection of quotations in multilingual news. In: *Proceedings of the International Conference Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP'2007)*. Bulgaria: Borovets; 2007. p. 487–492.
24. Clergerie É. L, Sagot B, Stern R, Denis P, Recourcé G, Mignot V. Extracting and visualizing quotations from news wires. In: Vetulani Z, editor. *Human language technology. Challenges for computer science and linguistics, lecture notes in computer science*. Berlin: Springer; 2011. p. 522–532.

Статья поступила в редколлегию 06.10.2020.
Received by editorial board 06.10.2020.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КОЛОРИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВ

Е. Л. КУЗНЕЦОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220116, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены русские диалектные фитонимы, отражающие цветовую характеристику травянистых лекарственных растений (однословные мотивированные названия). Данные фитонимы классифицированы в зависимости от мотивации и характера номинации (прямого или метафорического/метонимического). Выявлены закономерности отражения колористической характеристики растений во внутренней форме указанных номинаций. Установлено, что однословные наименования, характеризующие растения по цвету, немногочисленны в диалектах русского языка (в сравнении с однословными фитонимами, отражающими некоторые иные признаки растений). Представлено четыре типа диалектных фитонимов, передающих цветовую характеристику лекарственных трав.

Ключевые слова: русский диалектный фитоним; цветовая характеристика; внутренняя форма; мотивация; характер номинации.

ЗАКОНАМЕРНАСЦІ АДЛЮСТРАВАННЯ КОЛЕРАВАЙ ХАРАКТАРЫСТЫКІ ВА ЎНУТРАНАЙ ФОРМЕ РУСКІХ ДЫАЛЕКТНЫХ НАМІНАЦЫЙ ЛЕКАВЫХ ТРАЎ

А. Л. КУЗНЯЦОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт,
пр. Дзяржынскага, 83, 220116, г. Мінск, Беларусь

Разгледжаны рускія дыялектныя фітонімы, якія адлюстроўваюць колеравую характарыстыку травяністых лекавых раслін (аднаслоўныя матываваныя назвы). Дадзеныя фітонімы класіфікаваны ў залежнасці ад матывацыі і характару намінацыі (прамога ці метафарычнага/метанімічнага). Выяўлены заканамернасці адлюстравання колеравай характарыстыкі раслін ва ўнутранай форме названых намінацый. Устаноўлена, што аднаслоўныя назвы, якія характарызуюць колер раслін, нешматлікія ў дыялектах рускай мовы (у параўнанні з аднаслоўнымі фітонімамі, якія адлюстроўваюць некаторыя іншыя прыкметы раслін). Прадстаўлены чатыры тыпы дыялектных фітонімаў, якія перадаюць колеравую характарыстыку лекавых траў.

Ключавыя словы: рускія дыялектныя фітонімы; колеравая характарыстыка; унутраная форма; матывацыя; характар намінацыі.

Образец цитирования:

Кузнецова Е.Л. Закономерности отражения колористической характеристики во внутренней форме русских диалектных номинаций лекарственных трав. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;3:50–57.

For citation:

Kuznetsova EL. Regularities of reflecting color characteristic in a inner form of Russian dialectal nominations of medicinal herbs. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;3:50–57. Russian.

Автор:

Елена Леонидовна Кузнецова – кандидат филологических наук; доцент кафедры латинского языка.

Author:

Elena L. Kuznetsova, PhD (philology); associate professor at the department of Latin language.
elena.cuznets@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7183-502X>

REGULARITIES OF REFLECTING COLOR CHARACTERISTIC IN A INNER FORM OF RUSSIAN DIALECTAL NOMINATIONS OF MEDICINAL HERBS

E. L. KUZNETSOVA^a

^aBelarusian State Medical University,
83 Dzierżyńska Avenue, Minsk 220116, Belarus

Russian dialectal phytonyms reflecting color characteristic of herbaceous medicinal plants are considered (one-word motivated names). These names have been classified according the motivation and the nomination character (direct or metaphorical/metonymic). Regularities of reflecting color characteristic of plants in a inner form of such names have been established. It has been determined that one-word names reflecting color characteristic of plants are not numerous in the dialects of the Russian language (in comparison with one-word phytonyms reflecting some of other characteristics of plants). Four types of dialect phytonyms reflecting color characteristic of medicinal herbs have been registered.

Keywords: Russian dialectal phytonym; color characteristic; inner form; motivation; nomination character.

Введение

Лингвистическим анализом фитонимической лексики в различных языках, в том числе с точки зрения ономастологии, занимались многие исследователи, которыми были изучены способы образования метафорических названий в латинской растительной лексике (отмечена продуктивность соматизмов), также показано влияние латинской ботанической номенклатуры на национальные номенклатуры, проведено сопоставление мотивации названий растений в русском литературном языке и других языках [1–3]. В ряде работ при изучении диалектных фитонимов (либо литературных и диалектных) проанализированы мотивировочные признаки и принципы их номинации [4–7].

В то же время исследование общих принципов построения системы фитонимической лексики остается актуальным, что обусловлено важностью дальнейшего исследования проблем языковой номинации. В частности, анализ закономерностей образования русских диалектных фитонимов на основе ряда признаков или какого-либо одного признака растений способствует более глубокому изучению принципов формирования диалектной системы номинации в целом.

Следует отметить, что наименования травянистых лекарственных растений могут актуализировать различные их характеристики. Многие фитонимы отражают органолептические признаки растений: 1) особенности строения (отношение к травянистым растениям вообще, наличие корней, листьев, цветков и т. п.); 2) свойства (цвет, запах, вкус, звук и т. п.).

Цель настоящей работы – выявить закономерности отражения колористической характеристики во внутренней форме русских диалектных номинаций травянистых лекарственных растений. Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**: 1) провести этимологический и словообразовательный анализ отобранных фитонимов; 2) определить мотивации этих фитонимов; 3) выявить характер номинации (прямой или не прямой, метонимического или метафорического типа); 4) классифицировать данные фитонимы в зависимости от мотивации и характера номинации.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили только однословные фитонимы: в качестве соответствий для 90 латинских родовых номинаций, отобранных из энциклопедии лекарственных растений [8], были рассмотрены русские диалектные наименования (всего 1035 единиц¹), извлеченные из диалектных словарей (СРНГ и др.)². Из числа данных диалектных номинаций были выбраны исключительно мотивированные названия и наименования с праславянскими или индоевропейскими корнями (913 единиц). В целях дальнейшего анализа названий, содержащих колористическую характеристику растений, был произведен отбор соответствующих фитонимов и выявлена их количественная представленность в русских диалектах (по отношению к общему числу мотивированных диалектных номинаций).

¹При подсчете диалектных номинаций не учитывались фонетические и акцентологические варианты.

²Кузнецова Е. Л. Закономерности номинации травянистых лекарственных растений (на материале латинской ботанической номенклатуры, русского литературного языка и диалектов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Минск, 2015. 22 с.

В работе были использованы этимологический, словообразовательный и мотивационный анализ, описательный, сравнительно-сопоставительный и количественный методы.

Результаты и их обсуждение

В фитонимах могут быть представлены колористические характеристики как всего растения, так и его отдельных частей, которые иногда даже не упоминаются в названиях, хотя и составляют основу мотивации. Однако учитывать при классификации, какая именно часть растения принималась во внимание в процессе номинации, целесообразно лишь в том случае, если она эксплицируется в структуре наименования (ср., например, диалектные фитонимы *белоцвёт*, *краснокоренка* и т. п.).

В результате анализа отобранных русских диалектных названий, отражающих цветовую характеристику растений, данные фитонимы были классифицированы в зависимости от мотивации и характера номинации на четыре группы.

1. Фитонимы, характеризующие цвет растений на основе прямой номинации. Фитонимы, имеющиеся в составе рассматриваемой группы, основаны на принципе прямой номинации, поскольку непосредственно называют цвет растений. Колористическая характеристика могла присваиваться любым частям растений, однако практически все проанализированные названия даны растениям по окраске их цветков. В большинстве случаев эти наименования мотивированы прилагательными, единожды – существительным.

Примерами фитонимов, основанных на номинации подобного характера, являются следующие диалектные названия ряда растений: *белик* (СРНГ, вып. 2, с. 212), *беловая*³, *беловник* (СРНГ, вып. 2, с. 217), *белочник*, *белюшка*, *белужник*, *белуха*, *белюшка* (СРНГ, вып. 2, с. 226–229), *бель* (СРНГ, вып. 2, с. 234–235), *белюга*, *белюшки*, *беляк* (СРНГ, вып. 2, с. 238–239), *желтюшка* (СРНГ, вып. 9, с. 115), *лазурька* (СРНГ, вып. 16, с. 246), *марьяна* (СРНГ, вып. 17, с. 380), *пестрянка* (СРГСУД, с. 402), *подбела* (СРНГ, вып. 27, с. 335), *синюшка* (СРНГ, вып. 37, с. 339), *сподбелá* (СРНГ, вып. 40, с. 180).

Так, фитоним *лазурька* (*Gentiana pneumonanthe*, *горечавка легочная*) происходит от существительного *лазурь* ‘светло-синий цвет, цвет ясного неба’ (ССРЛЯ, т. 6, с. 35), поскольку у растения венчик ярко-синий, с зеленоватыми полосками снаружи и крапинками внутри [8, с. 199]. Наименование же *марьяна* (*Persicaria amphibia*, *горец земноводный*), образованное от диалектного прилагательного *марьяный* (*марьяный*) ‘розовый, красноватый, багряный’ (СРНГ, вып. 17, с. 380), может указывать на наличие у растения розового околоцветника [8, с. 187].

Следует отметить, что в отдельных случаях растениям даются одинаковые наименования независимо от того, что определенной окраской могут обладать совершенно различные их части. Например, название *бель* (*Achillea millefolium*, *тысячелистник обыкновенный*; *Achillea nobilis*, *тысячелистник благородный*) присвоено тысячелистнику, имеющему белые цветки: у тысячелистника обыкновенного краевые цветки белые, розоватые или пурпурные, у тысячелистника благородного – белые или желтовато-белые [8, с. 755–756]. Так же был назван и один из видов полыни (*Artemisia vulgaris*, *полынь обыкновенная*) по причине окраски нижней стороны листьев растения: у этого вида полыни листья снизу – белойоочные [8, с. 629]. Данное наименование полыни – единственный в группе пример, отражающий колористическую характеристику не цветков, а других частей растения.

2. Фитонимы, характеризующие цвет растений на основе метафорической номинации. В рамках данной группы выделяются четыре подгруппы.

Названия, характеризующие цвет растений путем сравнения с цветом анатомических структур живых существ или их физиологических субстанций. Чаще всего данные наименования мотивированы существительными – названиями физиологической субстанции, в единственном случае – прилагательным, употребленным метафорически.

Приведем примеры данных диалектных номинаций: *крово́вик*, *крово́вник* (СРГС, вып. 2, с. 154), *крово́вик*, *крово́вник*, *крово́вик* (СРНГ, вып. 15, с. 264, 268), *крово́вик*, *крово́янка* (СРГС, вып. 2, с. 154–155), *кровь* (СРНГ, вып. 15, с. 271), *ру́денка* (СРНГ, вып. 35, с. 233), *седу́ха* (СРНГ, вып. 37, с. 119).

Наименования чистотела, производные от лексем *кровь* и диал. *рудá* ‘кровь’ (СРНГ, вып. 35, с. 232), например, *крово́вик* (*Chelidonium majus*, *чистотел большой*; *Chelidonium*, *чистотел*), *ру́денка* (*Chelidonium majus*, *чистотел большой*) и под., даны растениям из-за наличия млечного сока ярко-оранжевой окраски [9, с. 322]. Еще одно подобное название – *кровь* (*Geranium sanguineum*, *герань кроваво-красная*) – растение получило из-за соответствующей окраски цветков или осенней окраски листьев и стеблей [8, с. 178; 10, с. 146].

В названии *седу́ха* (*Artemisia*, *полынь*) цветовая мотивировка представлена через сравнение с волосами человека: фитоним указывает на седоватую окраску листьев некоторых видов полыни [8, с. 625–626, 629].

³Здесь и далее фитонимы приводятся без ударения, если оно не установлено и не указано в словарной статье.

Фитонимы, характеризующие цвет каких-либо частей растений путем сравнения с животными определенной окраски. Рассматриваемые названия мотивированы наименованиями животных. Некоторые фитонимы из данной подгруппы отличаются тем, что причиной их появления послужил не только цвет каких-то частей растений, но и их форма.

К номинациям с подобной мотивировкой относятся следующие диалектные наименования: *гу́ли*, *гу́лька* (чаще во мн.) (ОСВГ, вып. 3, с. 74), *индю́шка* (БТСДК, с. 199), *ку́рочка* (ОСВГ, вып. 5, с. 154), *ку́рочки* (СРНГ, вып. 16, с. 142), *кутёшник*, *ку́тиворы*, *кутивóры*, *ку́тики*, *кутёшник*, *ку́тька* (ОСВГ, вып. 5, с. 157, 159), *лебёдка* (СРНГ, вып. 16, с. 301), *петушо́к* (обычно мн.) (СРНГ, вып. 26, с. 335), *ра́чики* (СРНГ, вып. 34, с. 347).

В большинстве случаев данные метафорические фитонимы характеризуют окраску цветков растений, причем посредством сравнения с окрасом птиц (в отдельных случаях – с окрасом и формой птиц). Представляет интерес целый ряд таких наименований нивяника (*кутёшник*, *ку́тики* (*Leucanthemum vulgare*, *нивяник обыкновенный*) и т. п.), указывающих на окраску цветков растения: срединные цветки желтые, краевые – белые [8, с. 531]. Поскольку в русских диалектах зафиксированы лексемы *ку́тька*, *ку́тя* ‘цыплёнок’ (ОСВГ, вып. 5, с. 159), *кута́кать* ‘кудахтать’, *ку́тенька* и *ку́тинька* ‘ласкат. о курице’, *ку́ти-ку́ти* ‘слово, которым подзывают кур, цыплят’, *ку́тка* ‘курятник’ (СРНГ, вып. 16, с. 166, 168–170), можно сделать вывод о том, что в основу приведенных номинаций растения положено сравнение с курицей или цыпленком. Косвенным указанием на возможность подобного переноса служат номинации того же растения *гу́ли*, *гу́лька* – от *гу́ля* ‘голубь’ (прост.) и *гу́лька* (ласкат.) (ССРЛЯ, т. 3, с. 477). В свою очередь, лексемы типа *ку́рочка* (*Nymphaea candida*, *кувшинка чисто-белая*), *лебёдка* (*Nymphaea alba*, *кувшинка белая*) и т. п. используются для номинации кувшинки, имеющей цветки с лепестками белой окраски [8, с. 394]. При этом причиной появления таких поэтических названий послужила красота растений [4, с. 31], связанная не только с окраской цветков, но в определенной степени и с их формой. Другое же растение названо *индю́шка* (*Persicaria amphibia*, *горец земноводный*), так как цветет пестрыми бело-красно-розовыми цветками (розовый околоцветник [8, с. 187]).

Выделяется одно наименование, связанное с характеристикой внешнего вида корневища растения. В названии *ра́чики* (*Polygonum bistorta*, *горец змеиный*) учитывается не только красно-бурая окраска, но и форма корневища с многочисленными рубцами [4, с. 42].

Некоторые из приведенных выше фитономов выявляют следующую особенность диалектных названий растений: объект, с которым сравнивается растение, не всегда обладает точными и неизменными характеристиками, в данном случае – колористическими (ср. возможные вариации окраса курицы, петуха, цыпленка или голубя).

Фитонимы, характеризующие цвет растений посредством сравнения с цветом продуктов питания. Такие названия мотивированы наименованиями пищевых продуктов.

В качестве примеров выступают следующие диалектные названия: *молока́нка* (СРНГ, вып. 18, с. 234), *моло́чник* (СРНГ, вып. 18, с. 245–246), *сметáнка* (СРНГ, вып. 38, с. 368).

Можно заметить, что в фитонимах *молока́нка* и *моло́чник* колористические характеристики растений, а именно их млечного сока, реализованы путем сравнения с молоком. Например, в номинации *молока́нка* (*Chelidonium*, *чистотел*) учитывается, что первоначально выделяющийся из растения сок млечный и лишь спустя время он окрашивается в яркий цвет [9, с. 322]. Согласно данным, приведенным в диалектном словаре, при описании чистотела говорится: ...*молоко бежит прямо на юбку. Потом не отстирывается* (СРГС, вып. 2, с. 154).

Характеристика же цвета листьев растения показана в названии *сметáнка* (*Dianthus versicolor*, *звоздика разноцветная*), вероятно указывающем на их беловатый оттенок: *Цветет розова, листочки вроде как сметанкой намазаны* (СРНГ, вып. 38, с. 368).

Фитоним, основанный на сравнении с другим растением. В диалектах представлено необычное наименование *лándуш* (*Nymphaea alba*, *кувшинка белая*) (БТСДК, с. 257), в котором колористическая характеристика базируется на сравнении с другим растением в связи со сходством окраски цветков двух растений: у кувшинки белой и ландыша цветки белой окраски [8, с. 394, 412]. Обращает на себя внимание то, что в основу диалектных номинаций, появившихся в результате сравнения с другими растениями, как правило, положено сходство общего вида сравниваемых растений, но в случае с названием *лándуш* можно говорить лишь о совпадении окраски цветков растений.

3. Сложные фитонимы, содержащие прямую характеристику цвета в первом компоненте. В данной группе также выделяются четыре подгруппы.

Сложные номинации, заключающие в себе прямую характеристику цвета всего растения. Прямая колористическая характеристика находится в первом компоненте, опорный же компонент метонимического характера (синекдоха по принципу *род – вид*) указывает на особенность строения растения, представляя

собой его общую характеристику, под которой понимается отнесение посредством номинации к травянистым растениям.

Примерами подобных фитонимов служат следующие диалектные наименования: *чернобрыльник* (СРГСУ, вып. 7, с. 26), *чернобыль* (БТСДК, с. 575), *чернобылинка*, *чернобылье*, *чернобыльник* (Добровольский, с. 982), *чернобылка* (Мызников, с. 457), *чернобыль* (БТСДК, с. 575).

О принадлежности к данной подгруппе свидетельствует структура композитного названия *чернобыль* (*Artemisia vulgaris*, *полынь обыкновенная*; *Artemisia*, *полынь*) и его вариантов: *чернобылинка*, *чернобылка* (*Artemisia*, *полынь*) и т. п. Наименование *чернобыль*, буквально означающее «черная трава», происходит от слов *черный* и *быль* ‘трава’ (устар., прост.) (ССРЛЯ, т. 1, с. 721). Такое название *полынь обыкновенная*, по одной версии, получила за темные стебли, а по другой – за красноватые метелки (в отличие от седой *полыни* (*Artemisia absinthium*, *полынь горькая*)) [4, с. 122; 11, с. 211].

На данную характеристику *полыни* указывает и древняя внутренняя форма аналогичного праславянского наименования *чернобыль* (*Artemisia vulgaris*, *полынь обыкновенная*; *Artemisia*, *полынь*) < общеслав. **čьrnobyľ* < **čьrnъ* ‘черный’ и **byľ* ‘трава’ [4, с. 122].

Сложные фитонимы, непосредственно называющие цвет цветков растения. Прямая характеристика цвета содержится в начальном компоненте, а опорный компонент метонимического характера (синекдоха по принципу *часть – целое*) свидетельствует об особенностях строения растения – наличии цветков.

Как примеры можно привести следующие диалектные номинации: *белосвѣтник* (СОСД, ч. 1, с. 22), *белоцвѣт*, *белоцвѣтка* (СРНГ, вып. 2, с. 226–227), *желтоцвѣт*, *желтоцвѣтка* (СРНГ, вып. 9, с. 113), *разноцвѣтик*, *разноцвѣшка* (СРНГ, вып. 34, с. 45–46).

Так, названия *белоцвѣт* и *белосвѣтник* (*Leucanthemum vulgare*, *нивяник обыкновенный*) происходят от лексем *белый* и *цвет* или диал. *свет* ‘часть растения, соцветие’ (СРНГ, вып. 36, с. 256). Наименования получены растением из-за наличия краевых цветков белого цвета [8, с. 531]. Как отмечено в словаре Н. Анненкова, номинации данного растения типа *белоцвѣт* можно рассматривать как кальки латинского родового названия *Leucanthemum* (Анненков, с. 96), являющегося заимствованием греческого фитонима *Leucánthemon* (Каден, с. 90). Соответственно, можно говорить о кальке латинского названия, вероятно попавшей в литературный язык, но не сохранившейся в нем, а распространившейся в речи носителей диалекта.

Другой фитоним – *разноцвѣтик* (*Aster*, *астра*) – может указывать или на разнообразную окраску цветков растений, принадлежащих к роду *Aster* [9, с. 611], или на вариацию окраски цветков одного из видов растения (например, у астры альпийской краевые цветки фиолетовые, белые или розовые, срединные – желтые) [10, с. 48].

Сложные фитонимы, прямо характеризующие растение по цвету корней. Прямая цветовая характеристика содержится в начальном компоненте, а опорный компонент метонимического характера (синекдоха по принципу *часть – целое*) указывает на особенность строения растения – наличие корней.

К примерам данных фитонимов относятся следующие диалектные наименования: *белокорѣнка* (СРГСУД, с. 22), *краснокорѣнка*, *краснокорѣнка*, *краснокорѣнка* (СРНГ, вып. 15, с. 183), *светлорѣнка* (СРНГ, вып. 36, с. 265).

Такие названия, как *краснокорѣнка*, *краснокорѣнка*, *краснокорѣнка* (*Hypericum perforatum*, *зверобой продырявленный*), говорят о необычной окраске корней рассматриваемого растения: на корнях зверобоя обитает насекомое, из которого в старину добывалась красная и желтая краска [12, с. 4].

Как можно видеть из приведенных выше примеров, в номинациях представлен только тот цвет корней, который отличается от традиционного для этих частей растений (например, красный или белый, светлый), в то время как в наименованиях из предыдущей подгруппы прослеживается любая, самая разнообразная окраска, которая характерна для цветков.

Сложные фитонимы, характеризующие растение посредством сравнения с каким-либо анатомическим образованием живых существ. Прямая цветовая характеристика определенной части растения содержится в первом компоненте, опорный же компонент метафорического характера указывает на иное свойство – форму этой части растения посредством сравнения с каким-либо анатомическим образованием живых существ.

Подобная колористическая характеристика представлена в многочисленных диалектных названиях различных растений: *бардоголѣвка* (СРНГ, вып. 2, с. 114), *бордоголѣвник* (СРГС, вып. 1, с. 82), *белголѣв*, *белголѣвец*, *белоголов*, *белоголовик*, *белоголовчик*, *бельголова́* и *больголова́*, *бѣлоголѣвник* (СБГ, вып. 1, с. 42–43, с. 45, 68), *белголѣвник* (СРНГ, вып. 2, с. 208), *белоголѣвая*, *белоголѣвец*, *белоголѣвка*, *белоголѣвник*, *белоголѣвочник* (СРНГ, вып. 2, с. 217–219), *белоше́йка* (СРНГ, вып. 2, с. 227), *желтоголѣвка* (СРНГ, вып. 9, с. 112), *желтоголѣвник* (СРГС, вып. 1, с. 115), *красногла́зка*, *красноголѣвка* (СРГС, вып. 2, с. 145–146), *красноголѣвник* (СРНГ, вып. 15, с. 181–182), *синеголѣв*, *синеголѣвник* (СРНГ, вып. 37, с. 323), *черноголѣвик*

(СРГСУ, вып. 7, с. 26), *черноголовка* (СРСГО Д, с. 265), *черноголовник* (СРГ Кузб., с. 225), *черногрівка*, *чернолытка* (БТСДК, с. 575).

При этом наиболее распространены наименования растений, указывающие на окраску их цветков, которые сравниваются с головой, а в одном случае – с глазом (ср. *головка* ‘цветок, соцветие’ (СГРС, т. 3, с. 77), *головка* ‘шаровидное или продолговатое соцветие некоторых растений (клевера, кровохлебки и др.)’ (ССРЛЯ, т. 3, с. 220–221)). Например, для одного и того же растения – кровохлебки – в диалектах имеется целый ряд подобных номинаций: *бардоголовка*, *красноглазка*, *красноголовка*, *черноголовик* (*Sanguisorba officinalis*, *кровохлебка аптечная*) и т. п. Данные наименования объясняются тем, что у растения цветки, представляющие собой головки, темно-красные или почти черно-пурпурные [8, с. 389]: *Есть красноголовник трава, в карандаш пруток, на ем красны головки, не красны, бордовы каки-то* (СРНГ, вып. 15, с. 181–182).

Немногочисленны фитонимы, указывающие на окраску других частей растений – стебля и листьев, – которые сравниваются с иными анатомическими структурами живых существ. Например, в названии *чернолытка* (*Artemisia vulgaris*, *полынь обыкновенная*) опорный компонент происходит от лексемы *лытка* (диал. *лытка* ‘нога’ (СРНГ, вып. 17, с. 226), лит. *лытки* ‘икры, голени’, ед. *лытка* (прост.) (ССРЛЯ, т. 6, с. 413)). Такое наименование характеризует окраску и форму метелок либо засохших стеблей растения (ср. лит. и диал. *чернобыль* и т. п.).

4. Сложные фитонимы, содержащие метафорическую характеристику цвета в первом компоненте. В данной группе встретился только один подобный фитоним, метафорически называющий окраску цветков растения: образная цветовая характеристика прослеживается в первом компоненте, мотивированном лексемой, употребленной в метафорическом значении (отражает сравнение с результатом воздействия природной стихии). Опорный компонент имеет метонимический характер (синекдоха по принципу *часть – целое*) и указывает на особенность строения растения – наличие цветков.

Так, диалектное название *горицвѣт* (*Adonis vernalis*, *горицвет весенний*) (СБГ, вып. 4, с. 43) является примером сложения опорного компонента, равного самостоятельному слову, – названия части растения (*цвет*) – с предшествующим, омонимичным форме повелительного наклонения глагола (*гори*) [13, с. 243]. Растения, принадлежащие роду *Adonis*, отличаются яркой окраской цветков, в связи с чем и получили такое название (ЭСРЯ, вып. 4, с. 135). Например, яркие цветки растения *Adonis vernalis*, начало цветения которого приходится на раннюю весну, как бы горят на фоне прошлогодней жухлой травы на степных склонах [7, с. 16; 10, с. 17–18].

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа можно отметить следующие закономерности актуализации колористической характеристики в русских диалектных номинациях лекарственных трав.

Выявлено, что в диалектах однословные номинации, содержащие колористическую характеристику растений, менее распространены, чем однословные фитонимы, отражающие некоторые из иных признаков растений, например характеристику растений по форме: было насчитано 87 диалектных фитонимов, характеризующих цвет растений (10 % общего количества мотивированных диалектных номинаций).

Рассмотренные диалектные фитонимы представлены четырьмя типами номинаций.

Подавляющее большинство названий – это различные композитные номинации смешанного характера (44 фитонима). Из них 43 единицы принадлежат к третьему типу – сложным фитонимам, содержащим прямую характеристику цвета в первом компоненте. Так, в сложных названиях прямого и метафорического характера (27 фитонимов) информативным является первый компонент, прямо передающий цвет структуры растения, а опорный компонент представляет собой метафорическую характеристику формы данной структуры растения (например, *красноголовник*). В сложных же наименованиях прямого и метонимического характера (16 фитонимов) опорный компонент указывает на принадлежность к травянистым растениям или на наличие у растения определенной структуры, а первый компонент прямо характеризует цвет всего растения или его структуры (*чернобыльница*, *белоцвѣт*, *краснокорѣнка*). Кроме того, представлен и пример четвертого типа (сложные фитонимы, содержащие метафорическую характеристику цвета в первом компоненте) – наименование метафорического и метонимического характера, в котором опорный компонент указывает на наличие у растения цветков, а информативным является первый компонент, метафорически характеризующий окраску данных цветков (*горицвѣт*).

В диалектах достаточно распространены и наименования второго типа (фитонимы, характеризующие цвет растений на основе метафорической номинации) – 24 единицы. При этом большинство данных диалектных названий (20 фитонимов) основано на сравнении цвета частей растений с определенной окраской животных (в некоторых случаях – цвета и формы частей растений с определенной окраской

и формой животных) либо с цветом анатомических структур живых существ или их физиологических субстанций (*лебёдка*, *крово́вик*).

Также значительную часть диалектных номинаций (19 фитонимов) составляют названия первого типа (фитонимы, характеризующие цвет растений на основе прямой номинации) (*бели́к*).

Сокращения

Анненков – Анненков Н. Ботанический словарь : справ. кн. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1878; **БТСДК** – Большой толковый словарь донского казачества : ок. 18 000 слов и устойчивых соч. / Рост. гос. ун-т ; редкол.: В. И. Дегтярев [и др.]. М. : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003; **Добровольский** – Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914; **Каден** – Каден Н. Н., Терентьева Н. Н. Этимологический словарь латинских названий растений, встречающихся в окрестностях агробиостанции МГУ «Чашниково» / под ред. В. И. Мирошниковой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975; **Мызников** – Мызников А. С. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Наука, 2005; **ОСВГ** – Областной словарь вятских говоров : в 12 вып. / Вят. гос. гуманитар. ун-т. Киров : Изд-во Вят. ГГУ, 1996–2018; **СБГ** – Словарь брянских говоров : в 5 вып. / Ленингр. гос. пед. ун-т. Л. : ЛГПИ, 1976–1988; **СГРС** – Словарь говоров Русского Севера : в 7 т. / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2018; **СОСД** – Среднеобский словарь. Дополнение : в 2 ч. / под ред. В. В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983–1986; **СРГ Кузб.** – Словарь русских говоров Кузбасса / сост.: Н. В. Жураковская [и др.] ; под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.). Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1976; **СРГС** – Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т филологии ; под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006; **СРГСУ** – Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / Урал. гос. ун-т. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988; **СРГСУД** – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / авт.-сост.: Ю. В. Алабугина [и др.] ; под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров : в 51 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Л. ; СПб. : Наука, 1965–2019; **СРСГОД** – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение : в 2 ч. / под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975; **ССРЛЯ** – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965; **ЭСРЯ** – Этимологический словарь русского языка : в 9 вып. / под ред. Н. М. Шанского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963–1999.

Библиографические ссылки

1. Грошева АВ. *Латинская земледельческая лексика на индоевропейском фоне*. Санкт-Петербург: Наука; 2009. 413 с.
2. Шиканова ТА. Из опыта сравнения латинской и русской ботанических номенклатур. В: Федорина ГА, редактор. *Язык медицины. Всероссийский межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 2*. Самара: Самарский государственный университет; 2007. с. 298–307.
3. Васильченко СМ. О мотивировочном признаке и его роли в выборе производящего слова в ходе суффиксального образования названий растений и животных. *Ученые записки Курского государственного педагогического института*. 1968;41:124–132.
4. Меркулова ВА. *Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды*. Москва: Наука; 1967. 259 с.
5. Блинова ОИ. Мотивационно-сопоставительный поликомпонентный анализ фитонимов литературного языка и диалекта. В: Леушина ЛТ, редактор. *Классическая филология в Сибири. Материалы VI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии; 17–19 сентября 2008 г.; Томск, Россия*. Томск: Томский государственный университет; 2008. с. 3–10.
6. Голев НД. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны. В: Палагина ВВ, редактор. *Русские говоры Сибири*. Томск: Томский государственный университет; 1981. с. 12–20.
7. Колосова ВБ. *Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект*. Москва: Индрик; 2009. 352 с.
8. Лебеда АФ, Джуренко НИ, Исайкина АП, Собко ВГ. *Лекарственные растения: самая полная энциклопедия*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА; 2004. 912 с.
9. Сергеева МН, Бровкина ЕТ, редакторы. *Большой атлас природы России*. Москва: Эгмонт Россия Лтд.; 2003. 644 с.
10. Чухно Т. *Большая энциклопедия лекарственных растений*. Москва: Эксмо; 2007. 1024 с.
11. Кузнецова МА, Резникова АС. *Сказания о лекарственных растениях*. Москва: Высшая школа; 1992. 272 с.
12. Головкин БН. Этноботаническая этимология и поиск новых полезных растений. *Бюллетень Главного ботанического сада*. 2004;187:3–5.
13. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука; 1980. 783 с.

References

1. Grosheva AV. *Latinskaya zemledel'cheskaya leksika na indoevropeskoy fone* [Latin agricultural vocabulary on an Indo-European background]. Saint Petersburg: Nauka; 2009. 413 p. Russian.
2. Shikanova TA. [From the experience of comparing Latin and Russian botanical nomenclatures]. In: Fedorina GA, editor. *Yazyk meditsiny. Vserossiiskii mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 2* [Language of medicine. All-Russian interuniversity collection of scientific papers. Issue 2]. Samara: Samara State University; 2007; p. 298–307. Russian.
3. Vasil'chenko SM. [On the motivational attribute and its role in the selection of the underlying word during the suffixal formation of the names of plants and animals]. *Uchenye zapiski Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 1968;41:124–132. Russian.
4. Merkulova VA. *Ocherki po russkoi narodnoi nomenklature rastenii. Travy. Griby. Yagody* [Essays on the Russian folk nomenclature of plants: Herbs. Mushrooms. Berries]. Moscow: Nauka; 1967. 259 p. Russian.

5. Blinova OI. [Motivational-comparative multicomponent analysis of phytonyms of the literary language and dialect]. In: Leushina LT, editor. *Klassicheskaya filologiya v Sibiri. Materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Aktual'nye problemy klassicheskoi filologii i sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznanija» i regional'nogo nauchno-metodicheskogo soveta po klassicheskoi filologii; 17–19 sentyabrya 2008 g.; Tomsk, Rossiya* [Classical philology in Siberia. Materials of the 6th All-Russian scientific conference «Actual problems of classical philology and comparative-historical linguistics» and the regional scientific-methodical council on classical philology; 2008 September 17–19; Tomsk, Russia]. Tomsk: Tomsk State University; 2008. p. 3–10. Russian.
6. Golev ND. [On some common features of the nomination principles in the dialect vocabulary of flora and fauna]. In: Palagina VV, editor. *Russkie govory Sibiri* [Russian dialects of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University; 1981. p. 12–20. Russian.
7. Kolosova VB. *Leksika i simbolika slavyanskoi narodnoi botaniki. Etnolingvisticheskii aspekt* [Vocabulary and symbolism of Slavic folk botany. Ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik; 2009. 352 p. Russian.
8. Lebeda AF, Dzhurenko NI, Isaikina AP, Sobko VG. *Lekarstvennye rasteniya: samaya polnaya entsiklopediya* [Medicinal plants: the most complete encyclopedia]. Moscow: AST-PRESS KNIGA; 2004. 912 p. Russian.
9. Sergeeva MN, Brovkina ET, editors. *Bol'shoi atlas prirody Rossii* [The great atlas of Russian nature]. Moscow: Egmont Rossiya Ltd.; 2003. 644 p. Russian.
10. Chukhno T. *Bol'shaya entsiklopediya lekarstvennykh rastenii* [Big encyclopedia of medicinal plants]. Moscow: Eksmo; 2007. 1024 p. Russian.
11. Kuznetsova MA, Reznikova AS. *Skazaniya o lekarstvennykh rasteniyakh* [Legends of medicinal plants]. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 272 p. Russian.
12. Golovkin BN. [Ethnobotanical etymology and the search for new useful plants]. *Byulleten' Glavnogo botanicheskogo sada*. 2004;187:3–5. Russian.
13. Shvedova NY, editor. *Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Volume 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow: Nauka; 1980. 783 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.06.2020.
Received by editorial board 28.06.2020.

УДК 811.161.1'373.611'367.622

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -В- И ЕГО АЛЛОМОРФАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. И. СОЛОДКАЯ¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 108, 246016, г. Гомель, Беларусь

Прослеживается история вещественных существительных с суффиксом -в- и его алломорфами в русском языке. Устанавливается степень продуктивности словообразовательного типа данных существительных на разных хронологических срезах, характеризуется словообразовательная структура исследуемых слов с выявлением семантических и грамматических особенностей производящей основы. На базе данных этимологических словарей, а также словообразовательного и лексического анализа вещественных субстантивов, образованных с помощью суффикса -в-, установлено снижение степени продуктивности рассматриваемого словообразовательного типа по направлению от праславянского периода к современному языковому состоянию, преобладание глагольных производящих основ, явление синонимической конкуренции с суффиксами -н-, -л-, -ј-, -к- или их алломорфами, дана тематическая классификация рассматриваемых субстантивов, установлено явление утраты существительными с вещественным значением многозначности в литературном языке при ее сохранении в диалектах.

Ключевые слова: хронологический срез; вещественный субстантив; суффикс; алломорф; девербатив; производящая основа; словообразовательный синоним.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при поддержке Министерства образования Республики Беларусь (грант № 20200684).

РЭЧЫЎНЫЯ НАЗОЎНІКІ З СУФІКСАМ -В- І ЯГО АЛАМОРФАМІ Ў РУСКАЙ МОВЕ: ДЫЯХРАНІЧНЫ АСПЕКТ

А. І. САЛОДКАЯ^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 108, 246016, г. Гомель, Беларусь

Прасочваецца гісторыя рэчыўных назоўнікаў з суфіксам -в- і яго аламорфамі ў рускай мове. Акрэсліваецца ступень прадуктыўнасці словаўтваральнага тыпу рэчыўных назоўнікаў з суфіксам -в- на розных храналагічных зрэзах, характарызуецца словаўтваральная структура слоў, якія даследуюцца, з вызначэннем семантычных і граматычных асаблівасцей утваральнай асновы. На аснове даных этымалагічных слоўнікаў, а таксама словаўтваральнага і лексічнага аналізу рэчыўных субстантываў, утвораных пры дапамозе суфікса -в-, выяўлена паніжэнне ступені прадуктыўнасці дадзенага словаўтваральнага тыпу ў кірунку ад праславянскага перыяду да

Образец цитирования:

Солодка ОИ. Вещественные существительные с суффиксом -в- и его алломорфами в русском языке: диахронический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2020;3:58–67.

For citation:

Solodkaya OI. The substance nouns with -v- suffix and its allomorphs in Russian language: the diachronic aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2020;3:58–67. Russian.

Автор:

Оксана Ивановна Солодка – аспирантка кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е. И. Тимошенко.

Author:

Oxana I. Solodkaya, postgraduate student at the department of Russian, general and Slavic linguistics, faculty of philology.
solodkaja.oksana@yandex.by

сучаснага моўнага стану, перавага дзеяслоўных утваральных асноў, з'ява сінанімічнай канкурэнцыі з суфіксамі *-н-, -л-, -j-, -к-* або іх аламорфамі, дадзена тэматычная класіфікацыя рэчыўных назоўнікаў з суфіксам *-в-*, вызначана з'ява страты назоўнікамі з рэчыўным значэннем мнагазначнасці ў літаратурнай мове пры яе захаванні ў дыялектах.

Ключавыя словы: храналагічны зрэз; рэчыўны субстантыў; суфікс; аламорф; дэвербатыў; утваральная аснова; словаўтваральны сінонім.

Падзяка. Артыкул напісаны ў рамках даследавання, якое праводзіцца пры падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (грант № 20200684).

THE SUBSTANCE NOUNS WITH *-v-* SUFFIX AND ITS ALLOMORPHS IN RUSSIAN LANGUAGE: THE DIACHRONIC ASPECT

O. I. SOLODKAYA^a

^a *Francisk Skorina Gomel State University, 108 Savieckaja Street, Homiel 246016, Belarus*

The history of substance nouns with the *-v-* suffix and its allomorphs in Russian language is considered. The purpose of the article is to determine the degree of productivity of the type of formation of substance nouns with the *-v-* suffix on different periods of time, as well as to characterize the derivational structure of the studied words with the definition of the semantic and grammatical features of the generating basis. On the basis of data from etymological dictionaries, as well as derivational and lexical analysis of material substances formed with the *-v-* suffix, it was established the following: a decrease in the degree of productivity of the word-formation type under consideration in the direction from the Proto-Slavic period to the modern linguistic state; the predominance of verbal generative bases; the phenomenon of synonymous competition with suffixes *-н-, -л-, -j-, -к-* or their allomorphs; the thematic classification of the considered substances is given; the phenomenon of the loss of polysemy by nouns with a material meaning in the literary language, while retaining it in dialects, was established.

Keywords: periods of time; substance noun; suffix; allomorph; deverbative; generative base; derivational synonym.

Acknowledgements. The article was written as part of a research supported by the Ministry of education of the Republic of Belarus (grant No. 20200684).

Введение

Для определения направлений развития словообразовательной подсистемы необходимо глубокое изучение происхождения, истории и функционирования словообразовательных типов и моделей, а также отдельных формантов. Игнорирование форманта при изучении лексической единицы может привести к ошибочной этимологии: «Яснее системность форманта, чем основ. Поэтому именно анализ форманта – часто наилучшая руководящая нить при этимологизации, обнаруживающая ряд, в котором возникло слово, и тем самым устанавливающая одну из осей для определения его координат» [1, с. 225]. При этом исследователи полагают, что основанием этимологии в современном языкознании становится изучение не только набора словообразовательных формантов, но и их роли в создании конкретных лексико-грамматических групп слов, изучение омонимии и полисемии словообразовательных формантов [2, с. 206].

Так, И. С. Улукханов в качестве одной из ключевых задач исторического словообразования определяет изложение процессов эволюции конкретных словообразовательных типов и средств, выявление их взаимодействия в разные эпохи, а также показ общих тенденций развития словообразовательной системы русского языка и основных причин ее эволюции [3, с. 9]. Названные направления исследования были выделены более 20 лет назад, однако работ, посвященных изучению истории отдельных словообразовательных типов в русском языке, крайне мало. Это исследования В. Б. Сузанович «Имена существительные с суффиксом *-л(о)* и их производные в русском языке», Н. В. Суворовой «Отглагольные существительные с суффиксами *-аг(а)*, *-ак(а)*, *-ух(а)* и *-ушк(а)* в истории русского языка», А. В. Войтенко «Отглагольные имена существительные на *-тв(а)* в русском языке», К. В. Бекрениевой «История имен существительных с суффиксом *-ын(я)* в русском языке». Отсутствие работ, посвященных диахроническому изучению субстантивов, образованных с помощью форманта *-в-* (вопросы происхождения суффикса освещались в трудах А. Мейе, Э. Бенвениста, А. Вайяна, фрагментарные наблюдения за функционированием суффикса в истории русского языка представлены в работе Ю. С. Азарх «Словообразование

и формообразование существительных в истории русского языка»), обуславливает актуальность данной темы.

Как показывает анализ научной литературы, в вопросе изучения истории отдельных словообразовательных типов камнем преткновения для исследователей становится понятие продуктивности форманта и в особенности определение степени продуктивности форманта для разных хронологических срезов языка. Так, ряд лингвистов придерживается мнения, согласно которому словообразование должно указывать, как создавать новые лексические единицы, в то время как морфемный и словообразовательный анализ уже существующих лексических единиц – задача словаря. Данная точка зрения противоречит утверждению О. Н. Трубачева о том, что словообразование «в своей сущности исторично» [4, с. 154]. Любое явление словообразовательной системы «в силу диахроничности процесса возникновения новых слов и динамичности словообразовательной системы можно глубоко и всесторонне познать только с помощью комплексного – синхронно-диахронического – исследования, рассматривая слова как результат деривации в большом контексте языковой современности и истории» [5, с. 16]. В. В. Виноградов отмечает, что при описании системы современного русского словообразования необходимо изучение устойчивых на протяжении длительного времени как продуктивных, так и вновь развивающихся словообразовательных типов. При этом лингвист подчеркивает, что и анализ «непродуктивных словообразовательных типов может вскрыть исторические тенденции в развитии словообразования» [6, с. 202].

Исследование истории непродуктивных словообразовательных типов позволяет проследить конкуренцию и взаимодействие разных словообразовательных типов в истории русского языка и тем самым выявить направления эволюции словообразовательной системы.

Наблюдения за языковым материалом показывают, что словообразовательный тип отглагольных имен существительных, образованных с помощью суффикса *-в-*, на современном этапе функционирования языка непродуктивен, в то время как в предыдущие исторические периоды он являлся продуктивным. Выяснение происхождения суффикса, значений, которые он приносил в производные имена существительные, а также определение характера производящих основ позволяет раскрыть историю словообразовательного форманта и словообразовательного типа.

Цель статьи – выявление степени продуктивности словообразовательного типа вещественных имен существительных, образованных с помощью суффикса *-в-* и его алломорфов *-ив-*, *-ев-*, *-ов-*, *-ав-*, на разных хронологических срезах, а также характеристика словообразовательной структуры исследуемых слов (с определением семантических и грамматических особенностей производящей основы).

Материалы и методы исследования

Языковой материал исследования, включающий вещественные имена существительные со словообразовательным суффиксом *-в-*, собран посредством сплошной выборки из «Этимологического словаря славянских языков», «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Обратного словаря русского языка». Проведен словообразовательный и лексический анализ выявленных вещественных субстантивов, выполнен поиск производных слов, находящихся в отношениях словообразовательной синонимии с рассматриваемыми вещественными именами существительными на разных хронологических срезах.

Результаты и их обсуждение

Вещественные имена существительные составляют один из древнейших лексических пластов, что подтверждает реконструкция для праславянского языкового периода более 50 вещественных субстантивов с суффиксом **-v-*, зафиксированных в этимологических лексикографических источниках славянских языков: **čistivo*, **dojivo*, **gorivo*, **kadivo*, **kalivo*, **kosivo*, **krǫživo*, **krěšivo*, **kurivo*, **kur'ava*, **kvasivo*, **kьlivo*, **kьrmivo*, **lēčivo*, **lēpivo*, **melčivo*, **melivo*, **mēsivo*, **moltivo*, **mqtivo*, **drьgьva*, **dьrstva*, **ēdivo*, **ēstivo*, **lējava*, **mazivo*, **melvo*, **melzivo*, **metivo*, **met(j)ava*, **mętivo*, **mlivo*, **mьrva*, **obmelzivo*, **lьjavica*, **mēsivo*, **morvo*, **glěvь/glěva*, **gliva*, **lučivo*, **marivo*, **mēšava*, **močьva*, **nikьva*, **pečivo*, **pivo*, **sočivo*, **varivo*, **murava*, **pelva*, **žьnivo*, **vьrvь*, **prēdivo*. Однако в хронологически более поздние периоды функционирования русского языка наблюдается сокращение числа таких субстантивов. Так, опираясь на материал доступных этимологических словарей, можно утверждать, что среди реконструируемых для праславянского среза лексических единиц с вещественным значением в древнерусском языке и в более поздние периоды функционирования русского языка сохраняется более 30 слов, образованных при помощи суффикса **-v-* (**-(i)v-*), например: **krǫživo* → *кружево*, **melivo* → *мелево*, **krěšivo* → *крошево*, **melzivo* → *молозиво* и др. Немногим более половины выявленных слов зафиксировано в памятниках древнерусской и великорусской письменности, остальная часть существительных сохраняется в диалектах.

Рассматриваемые субстантивы с суффиксом *-v- (-в-) и его алломорфами (-ив-, -ев-, -ов-, -ав-) называют различные виды и типы веществ и могут быть разделены на пять тематических групп.

1. Имена существительные, называющие пищевые продукты:

- ***kǎlivo**; др.-рус., ст.-рус. *коливо* ‘род жертвенной пищи или возлияния’ (ср. греч. *χόλυβον* ‘вареная пшеница’), ‘кутья, вареная пшеница, приправленная медом и ягодами, приносимая в церковь для благословения’ (Срезневский, т. 1, с. 1251; СРЯ X–XVII, вып. 7, с. 239) (ср. бел. диал. *колева* ‘медовое блюдо и покрошенные туда баранки или булка’ (ЭСБМ, т. 5, с. 92), укр. *коливо* ‘кутья, канун’ (СУМ, т. 2, с. 268; ЭССЯ, вып. 13, с. 187–188)). Русским говорам известны омонимы *колево*, *коливо* ‘поминальная каша, кутья’, ‘кушанье, употребляемое во время христианского обряда поминовения мертвых’ (СРНГ, вып. 14, с. 122);

- ***metivo**; рус. диал. *мети́во* ‘корм для лошадей – сено, заваренное кипятком и посыпанное мукой’, ‘корм для скота – солома, заваренная кипятком’, ‘корм для свиней – капуста, посыпанная мукой’, *мети́ва* ‘корм для скота: солома, заваренная кипятком’ (СРНГ, вып. 18, с. 138; ЭССЯ, вып. 18, с. 119);

- ***měšava**; (ср. словен. *mešava* ‘смесь’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 217), рус. диал. *мешево*, *мешаво*, *мешева* ‘кормовая смесь (из сена, соломы и т. д. с добавлением воды, муки, отрубей)’, *мешево*, *мешаво* ‘мелкий рыхлый лед на реке’, *мешива* ‘смесь, мешанина’ (СРНГ, вып. 18, с. 148));

- ***mešivo**; ст.-рус. *мятиво* ‘месиво’ (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 352) (ср. бел. *мяцьва* ‘корм для свиней: мелкорубленая трава, посыпанная мукой’, ‘блюдо, приготовленное из овощей’ (ЭСБМ, т. 7, с. 155)), рус. диал. *мятево*, *мятиво* ‘что-либо смявшееся, превратившееся в бесформенную массу; месиво’, ‘корм для домашней птицы’, ‘мякина’ (СРНГ, вып. 19, с. 90));

- ст.-рус. **поуво** ‘пойло’ (СРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 128) (ср. бел. *поіва* ‘пойло, приготовляемое для коров, с примесью отрубей или муки’ (Насовіч, с. 456), рус. диал. *поуво* ‘то, что пьют; питье; питье для скота’, ‘пойло’ (СРНГ, вып. 28, с. 343–344), *пойво* ‘пойло для скота’, *пойва* ‘пойло’ (СРНГ, вып. 28, с. 351)).

К данной тематической группе относятся также имена существительные **ēdivo* (ЭССЯ, вып. 6, с. 40), **krǎšivo* (ЭССЯ, вып. 13, с. 54), **kvasivo* (ЭССЯ, вып. 13, с. 153), **melzivo* (ЭССЯ, вып. 18, с. 95), **mēsivo* (ЭССЯ, вып. 18, с. 201), **mešivo* (ЭССЯ, вып. 19, с. 7), **pečivo* (ЭСБМ, т. 9, с. 115), **pivo* (ЭСБМ, т. 9, с. 120), *sočivo* (Vaillant, p. 714; ЕСУМ, т. 5, с. 364), **varivo* (SEJP, s. 680; Vaillant, p. 714), *жарево* (ССРЛЯ, т. 4, с. 35), *хлѣбово* (ССРЛЯ, т. 17, с. 181).

2. Имена существительные, называющие сельскохозяйственные культуры или отходы, образующиеся после их обработки, растительность:

- ***kosivo**; рус. диал. *косево*, *косиво* ‘трава, созревшая для кошения’ (СРНГ, вып. 15, с. 48);

- ***melivo**; ст.-рус. *меливо* (*мелево*) ‘зерно для помола’ (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 78) (ср. болг. *меливо* ‘меливо’, серб.-хорв. *meľivo* ‘то, что мелется, предназначенное на помол’, словен. *melivo* ‘зерно, предназначенное на помол’, ст.-пол. *mlivo* ‘смолотое зерно, мука с отрубями; зерно на помол’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 83), укр. диал. *меливо* ‘мливо’ (СУМ, т. 2, с. 416)), рус. диал. *мелево* ‘что мелется, будет молотиться или смолото; мука’ (Даль, т. 2, с. 324), рус. прост. *мелево* ‘то, что подлежит размолу или размолото’ (ССРЛЯ, т. 6, с. 802));

- ***melvo** (ср. болг. *млево*, *мливо* ‘зерно на помол’, серб.-хорв. диал. *mlěvo* ‘зерно для помола; мельница’, чеш. *mlivo* ‘зерно для помола’, ст.-пол. *mlivo* ‘смолотое зерно’, пол. *mlęwo* ‘помол; то, что смолото за раз; мельница’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 92–93), рус. диал. *молово* ‘то, что молотят’ (СРНГ, вып. 18, с. 220));

- ***mlivo**; ст.-рус. *мливо* ‘мелево, помол; процесс помола’ (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 189) (ср. болг. *мливо*, *млево* ‘зерно на помол’, макед. *мливо* ‘мелево, зерно на помол’, серб.-хорв. *mlivo* ‘зерно на помол’, ‘то, что перемолото’, ст.-пол. *mlivo* ‘мука (с отрубями)’ (ЭССЯ, вып. 19, с. 68–69), укр. *мливо* ‘зерно, приготовленное для помола; мука; молотье’ (СУМ, т. 2, с. 435), бел. *mlіva* ‘смолотое зерно; продукт помола’ (ТСБМ, с. 167)), рус. диал. *мливо* ‘зерно, предназначенное для помола; мука’ (СРНГ, вып. 18, с. 183–184), ‘что мелется, будет молотиться или смолото; мука’ (Даль, т. 2, с. 324));

- ***moltivo** (ср. словен. *mlativo* ‘то, что обмолачивается’, ст.-чеш. *mlativo* ‘то, что обмолачивается (зерно)’ (ЭССЯ, вып. 19, с. 194), рус. диал. *молочиво* ‘снопы для обмолота’ (СРНГ, вып. 18, с. 244));

- рус. диал. **мочиво** ‘лен, конопля, холст и т. п., вымачиваемые при обработке в воде’ (СРНГ, вып. 18, с. 319).

К группе субстантивов, называющих сельскохозяйственные культуры или отходы, образующиеся после их обработки, растительность, также следует отнести существительные **murava* (ЭССЯ, вып. 20, с. 192), **mьrva* (ЭССЯ, вып. 21, с. 151–153), **pelva* (Фасмер, т. 3, с. 227), **žьnivo* (ЭСБМ, т. 3, с. 234), *сеево* (ССРЛЯ, т. 13, с. 571).

3. Имена существительные, называющие природные и другие вещества, лекарства:

- **kalivo* (ср. словац. диал. *kal'ivo* 'грязная вода после мытья тела, картофеля' (ЭССЯ, вып. 9, с. 124), рус. диал. *калево, каливо* 'кал, испражнения; навоз' (СРНГ, вып. 12, с. 347));
- ст.-рус. *слонява* 'засоленная почва, солончак' (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 116);
- ст.-рус. *слюдва* 'слюда, прозрачный слоистый минерал, который прежде использовался вместо стекла' (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 150) (ср. рус. диал. *слюдба* 'слюда', *слюдья* 'слюда, стекло' (СРНГ, вып. 38, с. 327)).

К именам существительным, называющим природные и другие вещества, лекарства, можно отнести субстантивы **dъrstva* (ЭССЯ, вып. 5, с. 226), **glěvъ/*glěva* (ЭССЯ, вып. 6, с. 121), **gliva* (ЭССЯ, вып. 6, с. 129–130), **kurivo* (ЭССЯ, вып. 13, с. 125–126), **kur'ava* (ЭССЯ, вып. 13, с. 126), *mazivo* (ЭССЯ, вып. 18, с. 27), рус. *топливо* (ССРЛЯ, т. 15, с. 638).

4. Имена существительные, называющие материалы, виды тканей (в ряде случаев в семантической структуре подобных слов на основе метонимического переноса формируется значение 'изделие из названного материала'):

- **ronjava* – др.-рус. *понава, понева* 'кусок полотна', 'одеяло, покрывало', 'ковер' (Срезневский, т. 2, с. 1185–1186), ст.-рус. *понява, понева, понѣва* 'кусок полотна, полотенце', 'штука холста', 'домотканая женская одежда типа юбки' (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 66–67) (ср. серб.-хорв. *пѣнава* 'подстилка, грубое одеяло', словен. *ronjava* 'полотно, простыня, одеяло' (Фасмер, т. 3, с. 326; ЕСУМ, т. 4, с. 514)). Русскому литературному языку известен субстантив *панѣва, понѣва* в значении 'юбка из трех полотнищ шерстяной, обычно полосатой или клетчатой яркой ткани, носимая крестьянками' (ССРЛЯ, т. 9, с. 101), рус. диал. *понява, панява* 'занавес, покрывало', 'женский головной убор – большой платок, повязка, легкое покрывало на голову и плечи', 'юбка из домотканой шерсти или холста', 'вид сарафана; длинный сарафан' (СРНГ, вып. 29, с. 279–280);
- ст.-рус. *скалва* 'береста, кусок бересты' (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 174) (ср. родственные имена существительные: болг. *скала* 'скала', серб.-хорв. *ска̀ла*, словен. *skala* 'скала, щепка', укр. *скала* 'камень' (Фасмер, т. 3, с. 630)). К данной тематической группе следует также относить имена существительные **vъrvъ* (Фасмер, т. 1, с. 294–295; Vaillant, p. 711), **krъživo* (ЭССЯ, вып. 13, с. 39), **prъdivo* (СРНГ, вып. 33, с. 77).

5. Явления и объекты природы, существующие в жидком состоянии:

- **drъgvъ* – ст.-рус. *дрогва* 'трясина, зыбучее болото' (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 358] (ср. бел. *дрыгва* 'болотистое топкое место' (ТСБЛМ, с. 232), бел. диал. *дрыгва* 'студень, холодец' (Сцяцко, с. 54), 'болото, зыбкое место' (СБГПЗБ, т. 2, с. 96), укр. *дрягва* (семантически тождественно субстантиву *дряговина, драговина*) 'болотистое место, трясина, болото' (СУМ, т. 1, с. 450), *драгва* 'топь, топкое место' (СУМ, т. 1, с. 439)), рус. диал. *дрегва* 'топь, трясина, болото', *дрегва* 'студень, желе в студне' (СРНГ, вып. 8, с. 181–182), *дрогва* 'топь, трясина, болото', *дрягва* 'топь, трясина, болото', 'студень, желе в студне', 'говяжий или рыбий застуженный отвар', 'привяленные овощи' (СРНГ, вып. 8, с. 195, 227);
- **marivo* (ср. бел. *марыва* 'переливающийся слой теплого воздуха около поверхности земли в горячую погоду, дымка' (ЭСБМ, т. 6, с. 241), укр. *марево* 'переливающийся слой теплого воздуха около поверхности земли в горячую погоду, дымка', 'сухой туман' (Білодід, с. 626), рус. *марево* 'переливающийся видимый слой теплого воздуха у поверхности земли (в солнечную погоду)' (ССРЛЯ, т. 6, с. 627), рус. диал. *марево* 'переливающийся видимый слой теплого воздуха у поверхности земли (в солнечную погоду)', 'знойная мгла', 'туман', 'испарения в жаркийзнойный день', *марева* 'туман, вредный для растущих хлебов, овощей, фруктов' (СРНГ, вып. 17, с. 370–371));
- др.-рус., ст.-рус. *лыва* 'болото; низменное заболоченное или затопляемое водой место; лес на заболоченном месте' (СРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 315), рус. диал. 'лужа', 'озерный ил, используемый для удобрения почвы', 'плывун из водорослей на море; плавучий нанос у берега моря', 'небольшое болото', 'топкое место в болоте, трясина', 'о жидкости, пролитой на поверхность, разлившейся на поверхности чего-либо' (СРНГ, вып. 17, с. 216–217).

В подавляющем большинстве случаев в качестве производящей основы для вещественных имен существительных с суффиксом **-v-* выступает глагол. Наличие в различных славянских языках рефлексов праславянских форм вещественных существительных, образованных при помощи суффикса **-v-*, позволяет полагать, что данная словообразовательная модель была продуктивной в праславянский период.

С точки зрения формальных особенностей производящей основы выявленные субстантивы с суффиксом **-v-* могут быть распределены по четырем группам:

- 1) субстантивы, образованные от основ глаголов на **-i(ti)* (наиболее многочисленная группа): **kalivo* ← **kaliti*, **kosivo* ← **kositi*, **krъživo* ← **krъžiti*, **krъšivo* ← **krъšiti*, **kurivo* ← **kuriti*, **kъlivo* ← **kъliti*, **marivo* ← **mariti*, **mъšivo* ← **mъšiti*, **moltivo* ← **moltiti* и т. п.;

2) вещественные субстантивы, образованные от глаголов с основой на согласный: **ēdivo* ← **ēsti*, **ēdmь*, **melvo* ← **melti*, **mlivo* ← **melti*, **melivo* ← **melti*, **melzivo* ← **melzti*, **metivo* ← **mesti* и т. п.;

3) существительные, образованные от основ глаголов на *-a(ti) (немногочисленная группа): **drьgьva* ← **grьgati*, **dьrstva* ← **dьrstati*, **měšava* ← **měšati* и т. п.;

4) субстантивы, образованные от индоевропейских глагольных корней (единичные случаи): **myrva* ← и.-е. **mer-*, **glěvь*, **glěva*, **gliva* ← и.-е. **gloi-*, **vьrvь* ← и.-е. **uer-*.

Анализ семантико-грамматической специфики производящих глаголов позволяет сделать вывод о том, что в качестве производящей основы для deverбатов с суффиксом *-v- в подавляющем большинстве случаев выступают переходные глаголы несовершенного вида, обладающие категорией каузативности (*поить*, *мять*, *мести*, *варить*, *молоть* и т. п.).

Отыменные вещественные субстантивы с суффиксом -v- единичны. Они образуются от основ имен существительных: **měsivo* (ср. укр. *м'ясиво* 'мясо, мясное блюдо' (Білодід, с. 838)) ← **měso*, **sočivo* ← **sokъ*, ст.-рус. *слюдва* ← *слюда*). Субстантивы, образованные от имен прилагательных, типа **тъžavь(jь)*, **xlěbovь(jь)* не рассматривались, так как они образованы морфолого-синтаксическим способом, т. е. имеет место субстантивация прилагательного.

Большинство рассмотренных лексических единиц относятся к существительным среднего рода, небольшую группу составляют субстантивы женского рода, например, рус. диал. *мерва* 'мелкие отходы при трепании льна' (СРНГ, вып. 18, с. 113), *пелева*, *мешава*, *дрегва*, *лыва*, *вервь* (*верва*), *дресва*, *понёва*, единичны имена существительные мужского рода: рус. диал. *глев* 'слизь, пленка на квасе, пиве, плесень', 'клейковатая слизь, покрывающая чешую рыбы', 'рыбья чешуя' (СРНГ, вып. 6, с. 193), *жнев* (*жнив*) 'остатки стеблей сжатых злаков на жниве, стерня' (СРНГ, вып. 9, с. 209).

Современный русский литературный язык сохраняет половину вещественных субстантивов, восходящих к славянским праформам. Сопоставительный анализ семантики таких существительных на разных хронологических срезах – древнерусском, старорусском и современном – показывает, что вещественная семантика древнерусского слова оказывается стабильной и сохраняется без изменений вплоть до современного языкового состояния: ст.-рус. *жниво* 'хлеб, зерно на корню' (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 121) – рус. обл. *жнива*, *жниво* 'солома, оставшаяся после жатвы на корню, стерня' (ССРЛЯ, т. 4, с. 179–180); ст.-рус. *крошиво* 'рубленая капуста' (СРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 76) – рус. разг. *крошево* 'кушанье из накрошенных кусков разных продуктов', 'крошки, куски какой-либо пищи; вообще о кусках чего-либо' (ССРЛЯ, т. 5, с. 1708); др.-рус., ст.-рус. *мурава* 'зеленая молодая трава' (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 308) – рус. *мурава* 'густо растущая сочная молодая трава' (ССРЛЯ, вып. 6, с. 1368); ст.-рус. *печиво* 'то, что испечено или зажарено' (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 39) – рус. разг. *печево* 'то, что испечено, преимущественно хлебное' (ССРЛЯ, т. 9, с. 1142–1143); др.-рус., ст.-рус. *пиво* 'то, что пьют; питье, напиток', 'поток, струя', 'хмельной напиток, пиво' (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 44) – рус. *пиво* 'слабоалкогольный пенящийся напиток с характерным хмелевым запахом, изготавливаемый преимущественно из ячменного солода с добавлением хмеля' (ССРЛЯ, т. 9, с. 1164); др.-рус., ст.-рус. *молозиво* 'первое молоко после родов' (Срезневский, т. 2, с. 170; СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 251) – рус. *молозиво* 'жидкость, выделяющаяся из молочных желез женщин и самок млекопитающих перед родами и в первое время после родов' (ССРЛЯ, т. 6, с. 1193); др.-рус. *кроуживо* 'кружево' (Срезневский, т. 1, с. 1334), ст.-рус. *кружево*, *круживо* 'тканая, шитая или плетеная узорчатая отделка, нашиваемая по краям одежды, головных уборов, изделий из тканей' (СРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 84) – рус. *кружево* 'узорчатая ткань из ниток для отделки белья, платьев и т. п. и украшения домашней обстановки' (ССРЛЯ, т. 5, с. 1725–1726); ст.-рус. *дресва* 'крупный песок, образующийся при разрушении некоторых горных пород' (СРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 355) – рус. *дресва* 'мелкий щебень, крупный песок, получающийся от выветривания горных пород при обделке камня и т. п.' (ССРЛЯ, т. 3, с. 1112) и др. Такие субстантивы восходят к праславянским формам, рефлексy которых известны большинству славянских языков.

В единичных случаях семантическая структура субстантива в современном русском литературном языке наряду с вещественным значением включает процессуальное и (или) конкретное: ст.-рус. *варево*, *вариво* 'то, что сварено, варево' (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 19) – рус. прост. *варево* 'вареная, жидкая пища', 'то же, что *варение*, *варка*' (ССРЛЯ, т. 2, с. 56); рус. прост. *мелево* 'то, что подлежит размолу или размолото', 'о человеке много и глупо говорящем' (ССРЛЯ, т. 6, с. 802).

Разветвленность семантической структуры, в которой обнаруживаются не только вещественные, но и процессуальные, и конкретные значения, свойственна как субстантивам, относящимся к более ранним периодам, так и существительным, зафиксированным в современных русских говорах. Поскольку существительные образованы от глагольных основ, первичным было процессуальное значение. Вещественные и другие значения, входящие в семантическую структуру подобных субстантивов, являются вторичными, основанными на метонимическом переносе: ст.-рус. *прядиво*, *прядево* 'пряжа, нить', 'фитиль',

‘прядение’ (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 24–25; Срезневский, т. 2, с. 1716) – рус. *прядево* ‘волокно, кудель, приготовленные для прядения’ (ССРЛЯ, т. 11, с. 1588) – рус. диал. *прядево* ‘растения, волокно которых используется для прядения’, ‘прядение’, ‘нитки, полученные прядением, пряжа (конопляная, льняная, шерстяная)’, ‘холст, изделие из такой пряжи’ (СРНГ, вып. 33, с. 77); рус. диал. *поиво* ‘то, что пьют, питье’, ‘водопой’, ‘поение скота’, ‘водопойное корыто, где или из чего поят коров’ (СРНГ, вып. 28, с. 343–344); рус. диал. *жниво* ‘остатки стеблей сжатых злаков на жниве, стерня’, ‘поле с культурными растениями’, ‘сжатая трава’ (СРНГ, вып. 9, с. 209–211), рус. *сеево* ‘о том, что падает, рассеивается мелкими частицами, как бы просеянное сквозь сито’ (ССРЛЯ, т. 13, с. 571) – рус. диал. *сеево* ‘лукошко для ручного сева’ (СРНГ, вып. 37, с. 120) и т. п.

Варианты вещественных субстантивов с алломорфами *-ив-* и *-ев-* появляются в великорусский период. В памятниках древнерусского языка фиксируются существительные с *-ив-*: *круживо/кружево*, *прядиво/прядево*, *вариво/варево*, *куриво/курево*. Ю. С. Азарх полагает, что появление названий разновидностей вещества на *-ево* вызвано тем, что общеименной суффикс *-ев-* (алломорф *-ов-*) принадлежит к группе суффиксов с первичным значением отношения/принадлежности, как и суффиксы дериватов той же семантической группы *-ин-*, *-ьн-* (ср. *кобылятина*, *полотьно*, *сукъно* и т. п.) [7, с. 167–168].

Девербативы с суффиксом *-в-* более продуктивны для диалектов северо-запада, смоленских говоров [7, с. 167–168]. Именно русские говоры сохраняют не зафиксированные в лексикографических источниках древнерусского и великорусского периодов или в толковых словарях современного русского литературного языка субстантивы, являющиеся рефлексам праславянских существительных: *метиво*, *каливо* (*калево*), *глев*, *мазиво*, *мешава*, *молочиво* и др. Сохранение таких слов в диалектах закономерно ввиду значения вещественности, связанного с бытовой сферой, которая, как правило, не находит детального отражения в памятниках письменности. При этом наличие реконструированной праформы, к которой восходит субстантив, и лексических соответствий в других славянских языках не вызывает сомнений в том, что имя существительное не является новообразованием.

В древнерусский и великорусский периоды словообразовательный тип отглагольных вещественных субстантивов с суффиксом *-в(-о, -а)* был малопродуктивен. По данным исторических словарей, в письменных источниках великорусского периода отражены некоторые вещественные субстантивы, не зафиксированные в древнерусских письменных памятниках: *крошиво*, *меливо*, *мятиво*, *поиво*, *печиво*, *мливо*, *скалва*, *дресва*, *дрогва* (см. также [7, с. 167–168]). В памятниках древнерусской и великорусской письменности не зафиксированы существительные *жарево* ‘жареная пища’ (ССРЛЯ, т. 4, с. 35), *сеево* ‘о том, что падает, рассеивается мелкими частицами, как бы просеянное сквозь сито’ (ССРЛЯ, т. 13, с. 571), *хлёбово* ‘жидкая пища, похлёбка’ (ССРЛЯ, т. 17, с. 181), которые, очевидно, появляются позже. Субстантивы *жарево* и *хлёбово* подаются в «Словаре русского литературного языка» с пометой «просторечное». По данным «Национального корпуса русского языка», существительное *сеево* фиксируется в ограниченном количестве художественных текстов. Данный факт свидетельствует о том, что словообразовательный тип вещественных существительных с формантом *-в(о)* на современном этапе может обнаруживать некоторую продуктивность в разговорной и художественной речи [8, с. 153–154].

Наряду с субстантивами на *-во (-ва)* были выявлены их словообразовательные синонимы. Суффикс *-в-* наиболее часто вступает в отношения словообразовательной синонимии со следующими формантами или их алломорфами:

1) *-н-*: рус. диал. *мазиво* ‘неудавшееся тесто, плохо вымешенное и неподнявшееся’, ‘жидкая каша’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 27) – рус. диал. *мазня* ‘овсяная каша’, ‘жидковатая каша’ (СРНГ, вып. 17, с. 298); рус. *жарево* – ст.-рус. *жарина* ‘кушанье из жареного мяса или овощей’ (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 75); ст.-рус. *прядиво*, *прядево* – ст.-рус. *прядено* ‘пряжа, нитки’, ‘материал, подготовленный для прядения’ (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 24); рус. диал. *глев* ‘слизь, пленка на квасе, пиве, плесень’, ‘клейковатая слизь, покрывающая чешую рыбы’ (СРНГ, вып. 6, с. 193) – др.-рус. *гльнь* ‘мокрота, влага, сок’, ‘желчь’ (Срезневский, т. 1, с. 523) и др.;

2) *-л-*: рус. *кружево* – рус. диал. *кружило* ‘кружевная лента из шелка или бумажных ниток, отделанная бисером, жемчугом и т. п.’, *кружела* ‘кружева’ (СРНГ, вып. 15, с. 310–311), рус. *дресва* – рус. диал. *дресла* ‘источенный белый камень, используемый для жерновов; дресва’ (СРНГ, вып. 8, с. 185), ст.-рус. *поиво* – рус. диал. *поило* ‘то, что пьют; питье’, ‘питье для скота’ (СРНГ, вып. 28, с. 346) и др.;

3) *-ј-*: рус. *молозиво* – рус. диал. *молозье*, *молозьё* ‘молоко коровы в первое время после отела; молозиво’ (СРНГ, вып. 18, с. 233); рус. диал. *едиво* – рус. диал. *ежа* ‘еда’ (Даль, т. 1, с. 567); рус. диал. *молочиво* (восходит к **moltivo*) – рус. диал. *молотьё*, *молотьё* ‘зерно, предназначенное для помола’, ‘размельченные в муку зерна, помол’ (СРНГ, вып. 18, с. 242) и др.;

4) **-к-**: ст.-рус. *скалва* – ст.-рус. *скалка* ‘береста, кусок бересты’ (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 174); ст.-рус., рус. диал. *поиво* – рус. диал. *пойка* ‘пойло’ (СРНГ, вып. 28, с. 353); рус. диал. *метиво* – рус. диал. *метик* ‘объедки соломы’ (СРНГ, вып. 18, с. 138) и др.

Ограниченное число субстантивов образовано посредством таких синоморфем, как **-б-**: рус. диал. *едиво* – рус. диал. *едоба* (ЭССЯ, вып. 6, с. 48), рус. диал. *куравый* (ср. бел. *курава* ‘густой едкий дым при тлении, горении без пламени, сажа от дыма’ (ТСБЛМ, с. 385), укр. *курыва* ‘мелкие твердые частицы, которые висят в воздухе или оседают на поверхности чего-либо’ (Білодід, с. 414)) – рус. диал. *курьба* ‘метель’ (СРНГ, вып. 16, с. 151), **-тв-**: рус. обл. *жниво* ‘солома, оставшаяся после жатвы на корню, стерня’ (ССРЛЯ, т. 4, с. 179–180) – рус. диал. *жнитва* ‘остатки стеблей сжатых злаков на жниве, стерня’, ‘солома, собираемая в поле после перевозки хлеба’, ‘скошенная рожь’, *жнитво* ‘остатки стеблей сжатых злаков на жниве, стерня’, ‘спелый хлеб на корню’ (СРНГ, вып. 9, с. 212), **-д-**: рус. диал. *пелева* ‘мякина’, ‘овсяные отруби’, ‘опилки’, ‘пленка, в которой находится икра рыбы’ (СРНГ, вып. 25, с. 322) – рус. диал. *пелед* ‘слой соломы, служащий для утепления стен овинов, домов’ (СРНГ, вып. 25, с. 323), **-з-**: рус. *месиво* ‘вязкая, глубокая грязь на почве, дороге’ (ССРЛЯ, т. 6, с. 876–877) – рус. диал. *месига* ‘вязкая грязь на дороге’ (СРНГ, вып. 18, с. 125).

Особый интерес представляют случаи, когда при отсутствии в русском языке рефлексов праславянских форм с суффиксом ***-v-** синонимичное значение имеют существительные, образованные при помощи синоморфем рассматриваемого форманта: **kǫrmivo* ‘корм для животных’ (ср.: серб.-хорв. *kǫrmivo* ‘корм (для скота)’, чеш. *krmivo* ‘корм (для скота, домашней птицы и т. п.)’, словац. *krmivo* ‘корм для животных’ (ЭССЯ, вып. 13, с. 226)) – рус. диал. *кормина* ‘корм для скота (мякина, солома и т. п., но не сено)’, ‘солома после обмолота’ (СРНГ, вып. 14, с. 336; ЭССЯ, вып. 13, с. 225), *кормля* ‘то, что едят, еда, корм’, ‘кормление, кормежка, пища, корм’ (СРНГ, вып. 14, с. 337); **dojivo* ‘доение, молоко’ (ср. серб.-хорв. *dojivo* ‘кормление (с помощью кормилицы)’, ‘удой, надой’, чеш. диал. *dojivo* ‘молоко во всех видах’, ‘надоенное молоко’, укр. *dijvo* ‘удой’, ‘молоко, молочные продукты’ (ЭССЯ, вып. 5, с. 54)) – рус. диал. *дойло* ‘удой’ (СРНГ, вып. 8, с. 96), ‘все количество молока, выдоенное за сутки из одной скотины; в дойле два или три удоя; дойлом зовут и негодное дурное молоко’ (Даль, т. 1, с. 513); **kvasivo* ‘квашение, то, что квасят’ (ср.: словац. *kvasivo* ‘закваска’, укр. *квасиво* ‘квашенье (квашенные бураки, капуста, яблоки и др.)’ (ЭССЯ, вып. 13, с. 153; 10, т. 2, с. 231)) – рус. диал. *квасовье* ‘осадок в квасе’, ‘тесто из солода’, ‘остатки теста в квашне, закваска’ (СРНГ, вып. 13, с. 161), *квасила* ‘раствор овсяной муки, используемый при выделке овчин’, ‘заквашенный овес, используемый для отбеливания льна’, *квасило* ‘квас’, ‘раствор муки с дрожжами, используемый при квашении’, *квасина* ‘квас’ (СРНГ, вып. 13, с. 159) и др.

Представленный выше материал показывает, что в условиях конкуренции рассматриваемого форманта с другими суффиксами в русском литературном языке сохраняются существительные, относящиеся к словообразовательному типу вещественных девербативов с формантом **-в-**.

Заключение

Анализ языкового материала демонстрирует, что словообразовательный тип отглагольных вещественных субстантивов, образованных с помощью форманта ***-v- → -в-**, был наиболее продуктивен в период славянского единства. В дальнейшем степень его продуктивности снижалась, поэтому закономерно сохранение небольшого количества соответствующих субстантивов в современном русском литературном языке в сравнении с праславянским периодом.

Выявленные субстантивы служат для наименования различных видов веществ, что позволило выделить пять тематических групп: 1) названия пищевых продуктов; 2) названия сельскохозяйственных культур или отходов, образующихся после их обработки, растительности; 3) названия природных и других веществ, лекарств; 4) наименования материалов, видов тканей; 5) наименования явлений и объектов природы, существующих в жидком состоянии. Последовательность тематических групп указана в соответствии с количеством лексических единиц, входящих в них.

Производящей основой для вещественных девербативов в подавляющем большинстве случаев выступают основы переходных каузативных глаголов на ***-i(ti)** и на согласный. Редки случаи образования субстантивов от основ глаголов на ***-a(ti)**, в единичных случаях вещественные имена существительные образуются от индоевропейских глагольных корневых морфем и от именных основ.

Семантическая структура ряда вещественных существительных содержит не только вещественные семы, что обусловлено производящей основой. Для отглагольных субстантивов первично процессуальное значение, на основе которого закономерно возникают вещественные, конкретные, локативные, орудийные и другие значения. При этом отыменные производные с суффиксом **-в-** выражают только значение вещества. Тенденция сужения семантического объема субстантивов с суффиксом **-в-**

от праславянского периода до современного состояния русского языка обуславливает закрепление в современном литературном языке субстантивов, имеющих только вещественное значение (исключая конкретное существительное *панева*): *варево, вервь, дресва, жниво, крошево, кружево, курево, марево, мелево, месиво, молозиво, мурава, печево, пиво, полова (пелёва), прядево, сочиво* (субстантивы *топливо, сеево, жарево, хлёбово*, древность которых вызывает сомнения, также имеют только вещественные значения).

Наблюдения за вещественными субстантивами с суффиксом *-в-*, зафиксированными на разных хронологических срезах, позволили выявить многочисленный ряд словообразовательных синонимов, образованных с помощью других суффиксов. Как правило, в случае конкуренции формантов в литературном языке сохраняется вещественный субстантив с суффиксом *-в-* или его алломорфами. Примечательно, что в ряде случаев в русском языке остается субстантив с синоморфемой, в то время как в других славянских языках закрепляется его синоним, восходящий к праславянской форме с суффиксом **-v-*. Явление суффиксальной синонимии рассматривается как сопутствующее, однако наблюдения за данным материалом служат подтверждением продуктивности словообразовательного типа с формантом **-v-* в праславянский период.

Сокращения

Білодід – Словник української мови : в 11 т. Т. 4 / пад рэд. І. К. Білодіда. Київ : Наукова думка, 1973. 840 с.; **Даль** – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : РИПОЛ классик, 2006. 4 т.; **ЕСУМ** – Етимологічний словник української мови : в 7 т. Київ : Наукова думка; 1982–2012. 7 т.; **Насовіч** – *Насовіч І.* Слоўнік беларускай мовы : у 7 т. Мінск : Беларус. савец. энцыкл., 1983. 792 с.; **СБГПЗБ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. Т. 2. Мінск : Навука і тэхніка, 1980. 728 с.; **Срезневский** – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. акад. наук, 1893–1912. 3 т.; **СРЛЯ** – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / В. И. Чернышев [гл. ред.]. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1965. 17 т.; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров : в 47 вып. / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Л. : Наука; 1965–2014. 47 вып.; **СРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 30 вып. / под ред. С. Г. Бархударова [и др.]. М. : Наука, 1975–2015. 30 вып.; **СУМ** – Словарь української мови : в 4 т. Київ : Вид-во Акад. наук УССР, 1958–1959; **Сняцко** – *Сняцко П. У.* Дыялектны слоўнік (з гаворак Зэльвеншчыны). Мінск : Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1970. 183 с.; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. 968 с.; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. Т. 3 / пад рэд. К. К. Атраховіча. Мінск : Гал. рэд. Беларус. сав. энцыкл., 1979. 672 с.; **Фасмер** – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. О. Н. Трубачева. М. : Астрель : АСТ, 2009; **ЭСБМ** – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14 / Г. А. Цыхун [гал. рэд.]. Мінск : Беларус. навука, 1978–2017; **ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд : в 39 вып. / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1974–2014. 39 вып.; **SEJP** – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wyd-wo Literackie, 2005. 861 s.; **Vaillant** – *Vaillant A.* Grammaire compare des langues slaves. T. 4. Paris : Editions Klincksieck, 1974. 809 p.

Библиографические ссылки

1. Никонов ВА. Поиски системы. В: Трубачев ОН, Гиндин ЛА, Климов ГА, Меркулова ВА, Топоров ВН, редакторы. *Этимология. Исследования по русскому и другим языкам*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. с. 217–235.
2. Варбот ЖЖ. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях. В: Трубачев ОН, Гиндин ЛА, Климов ГА, Меркулова ВА, Топоров ВН, редакторы. *Этимология. Исследования по русскому и другим языкам*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. с. 194–212.
3. Улуханов ИС. Основы построения исторического словообразования русского языка. *Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской академии наук*. 1995;1:9–22.
4. Трубачев ОН. Этимологические исследования и лексическая семантика. В: Ярцева ВН, Колшанский ГВ, Телия ВН, редакторы. *Принципы и методы семантических исследований*. Москва: Наука; 1976. с. 147–179.
5. Шанский НМ. Лексическая деривация в русском языке. *Русский язык в школе*. 1977;3:9–16.
6. Виноградов ВВ. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). В: Виноградов ВВ. *Исследования по русской грамматике. Избранные труды*. Москва: Наука; 1975. с. 166–221.
7. Азарх ЮС. *Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*. Москва: Наука; 1984. 246 с.
8. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 1*. Москва: Наука; 1980. 788 с.

References

1. Nikonov VA. [System searches]. In: Trubachev ON, Gindin LA, Klimov GA, Merkulova VA, Toporov VN, editors. *Etimologiya: issledovaniya po russkomu i drugim yazykam* [Etymology: studies in Russian and other languages]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR; 1963. p. 217–235. Russian.

2. Varbot ZhZh. [On word formation analysis in etymological research]. In: Trubachev ON, Gindin LA, Klimov GA, Merkulova VA, Toporov VN, editors. *Etimologiya: issledovaniya po russkomu i drugim yazykam* [Etymology: studies in Russian and other languages]. Moscow: Publishing House of Academy of Sciences of USSR; 1963. p. 194–212. Russian.
3. Uluhanov IS. The basics of composition the historical word formation of the Russian language. *Rusistika segodnya. Otdelenie literatury i yazyka Rossiiskoi akademii nauk*. 1995;1:9–22. Russian.
4. Trubachev ON. [Etymological research and lexical semantics]. In: Jarceva VN, Kolshanskij GV, Telija VN, editors. *Principy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research]. Moscow: Nauka; 1976. p. 147–179. Russian.
5. Shanskij NM. Lexical derivation in Russian. *Russkii yazyk v shkole*. 1977;3:9–16. Russian.
6. Vinogradov VV. [Word formation in its relation to grammar and lexicology (based on the material of Russian and related languages)]. In: Vinogradov VV. *Issledovaniya po russkoi grammatike: Izbrannye trudy* [Studies in Russian grammar: selected works]. Moscow: Nauka; 1975. p. 166–221. Russian.
7. Azarkh YuS. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka* [Word formation and form formation of nouns in the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; 1984. 246 p. Russian.
8. Shvedova NYu, editor-in-chief. *Russkaya grammatika. Tom 1* [Russian grammar. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1980. 788 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.10.2020.
Received by editorial board 01.10.2020.

СООТНОШЕНИЕ ПРОПОЗИЦИИ И СИТУАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОСЛОВИЦАХ С ОБРАЗОВАНИЕМ ВТОРИЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Н. С. ШЕКУНОВА¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Материалом исследования послужили пословицы английского языка, в основе которых лежит метафоризация. Описывается действие семантико-синтаксического механизма при образовании в них вторичного значения. Предложена процедура исследования вторичного значения в рамках теории композиционного синтаксиса. Отдельно рассмотрен денотативный аспект семантики предложения, сделан вывод об отношениях между участниками ситуаций в пословицах с метафоризацией. Проанализирован сигнификативный аспект семантики предложений и определены основные характеристики (направление и динамичность) отношений между аргументами пропозиции. Путем взаимоналожения двух названных аспектов семантики выявлены закономерности соотношения пропозиции и ситуации, указаны возможности метафоризации отдельных лексических компонентов предложения, а также метафоризации всего предложения либо целой пословицы. Сделан вывод о семантико-синтаксическом механизме метафоризации аргумента (аргументов), предиката и предикатно-аргументной структуры. Проанализирована взаимосвязь семантического и синтаксического механизмов, показано, как выбор семантических единиц влияет на используемые синтаксические структуры и наоборот.

Ключевые слова: композиционный синтаксис; пропозиция; ситуация; сигнификативная область; денотативная область; метафоризация; аргумент пропозиции; участник ситуации.

СУАДНОСІНЫ ПРАПАЗІЦЫІ І СИТУАЦЫІ Ў АНГЛАМОЎНЫХ ПРЫКАЗКАХ З ДРУГАСНЫМ ЗНАЧЭННЕМ

Н. С. ШАКУНОВА^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Матэрыялам даследавання паслужылі прыказкі англійскай мовы, у аснове якіх ляжыць метафарызацыя. Апісваецца дзеянне семантыка-сінтаксічнага механізма пры ўтварэнні ў іх другаснага значэння. Прапанавана працэдура даследавання другаснага значэння ў рамках тэорыі кампазіцыйнага сінтаксісу. Асобна разглядаюцца дэнататыўны аспект семантыкі сказа, зроблена выснова аб адносінах паміж удзельнікамі сітуацыі ў прыказках з метафарызацыяй. Прааналізаваны сігніфікатыўны аспект семантыкі сказаў і вызначаны асноўныя характарыстыкі (кірунак і дынамічнасць) адносін паміж аргументамі прапазіцыі. Шляхам узаемаапрацоўвання дадзеных двух аспектаў семантыкі выяўлены заканамернасці суадносін прапазіцыі і сітуацыі, акрэслены магчымасці метафарызацыі асобных лексічных кампанентаў сказа, а таксама метафарызацыі ўсяго сказа або цэлай прыказкі. Зроблена выснова аб семантыка-сінтаксічным механізме метафарызацыі аргумента (аргументаў), прэдыкатаў і прэдыкатна-аргументнай структуры. Прааналізавана ўзаемасувязь семантычнага і сінтаксічнага механізмаў, паказана, як выбар семантычных адзінак уплывае на выкарыстанне сінтаксічных структур і наадварот.

Образец цитирования:

Шекунова НС. Соотношение пропозиции и ситуации в англоязычных пословицах с образованием вторичного значения. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2020;3:68–76.

For citation:

Shkunova NS. Relationship between proposition and situation in the English proverbs with secondary meaning. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2020;3:68–76. Russian.

Автор:

Наталья Сергеевна Шекунова – аспирантка кафедры истории и грамматики английского языка факультета английского языка. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент И. В. Дмитриева.

Author:

Nataliya S. Shkunova, postgraduate student at the department of history and grammar of English, faculty of English language. shkunova.nataliya@gmail.com

Ключавыя словы: кампазіцыйны сінтаксіс; прапазіцыя; сітуацыя; сігніфікатыўная вобласць; дэнаматыўная вобласць; метафарызацыя; аргумент прапазіцыі; удзельнік сітуацыі.

RELATIONSHIP BETWEEN PROPOSITION AND SITUATION IN THE ENGLISH PROVERBS WITH SECONDARY MEANING

N. S. SHAKUNOVA^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The research is carried out on the material of the proverbs of the English language, based on metaphorization. This article is devoted to the description of the operation of the semantic and syntactic mechanism in the formation of secondary meanings in the proverbs of the English language. A procedure for studying the secondary meaning within the framework of the theory of compositional syntax is proposed. First, the denotative aspect of the semantics of the sentence is studied, and a conclusion is made about the relationship between participants in situations in proverbs with metaphorization. Then the significative aspect of the semantics of sentences is analyzed and the main characteristics (direction and dynamism) of the relations between the arguments of the proposition are determined, after which, by superimposing of these two aspects of semantics, the regularities of the relationship between the proposition and the situation are revealed and the possibilities of metaphorizing the individual lexical components of the sentence, as well as metaphorizing the entire sentence, or the entire proverb. On the basis of this, a conclusion is made about the semantic and syntactic mechanism of metaphorization of an argument (arguments), the predicate and the predicate-argument structure. The interrelation of the semantic and syntactic mechanisms is analyzed, and a conclusion is made about how the choice of semantic units affects the syntactic structures used, and vice versa.

Keywords: compositional syntax; proposition; situation; significative aspect; denotative aspect; metaphorization; object in a proposition; participant in a situation.

Введение

Современной наукой однозначно признается тот факт, что процесс метафоризации базируется на ассоциативных представлениях [1]. Исходя из понимания процесса метафоризации как переноса наименования на основе сходства [2], все больше исследователей отмечают, что в основе метафоризации лежит когнитивный механизм. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают когнитивную и концептуальную природу метафоры [3], доказывая тезис о метафорической структуре языка. Дескрипторная теория А. Н. Баранова отличается от концептуальной теории категориальным аппаратом и направлена на частотный анализ контекстных употреблений метафоры [4].

При изучении употреблений метафоры, опираясь на семантические закономерности метафоризации, исследователи строят системы образов, или поля, в основе которых лежат ассоциации [5]. Для обозначения подобных полей лингвисты используют разные термины: ассоциативное поле [6], метафорическое поле [7], ассоциативно-образное поле [8].

Сочетая семантический и когнитивный аспекты, П. Рикёр синтезирует подходы к метафоре А. А. Ричардса, М. Блэка и К. Бюлера, а также затрагивает синтаксический аспект, поскольку считает, что именно предложение несет метафорическое значение. Ученый видит метафору «отклоняющейся предикацией, а не отклоняющейся номинацией» и полагает, что процесс метафоризации состоит не в переносе значения слова, а во «взаимодействии между логическим субъектом и предикатом» в предложении. Таким образом, согласно теории, предлагаемой П. Рикёром, метафора зависит от семантики предложения [9, с. 417–419]. Рассмотрение метафоры с этой позиции выводит исследование в сферу проблем предложения, связанных с описанием его функциональных характеристик.

Метафоризация в данной статье понимается как один из способов формирования вторичного значения (вторичных значений) всего предложения или отдельных его компонентов. Используя термин «вторичное значение», мы имеем в виду метафорическое значение. В качестве материала для исследования были отобраны пословицы со вторичным (метафорическим) значением, удовлетворяющие следующим критериям:

1) анализ словарной дефиниции в случае с метафоризацией отдельного компонента (отдельных компонентов) предложения позволяет понять, что предмет, явление или действие не относятся к той денота-

тивной области, для описания которой они используются. В случае метафоризации всего предложения или целой пословицы контекстный анализ показывает, что предложение несет вторичное значение;

2) денотативная область цели и денотативная область источника метафоризации связаны явлением, предметом или действием, которое является общим для данных денотативных областей;

3) структурирование целевой денотативной области происходит по аналогии со структурированием денотативной области – источника. Другими словами, участники ситуации выполняют семантические роли, соответствующие аргументам пропозиции.

Для того чтобы выявить специфику структурирования семантики метафоры, описать действие семантико-синтаксического механизма при образовании вторичных значений пословиц в английском языке, была выбрана теория композиционного синтаксиса, поскольку, в отличие от предыдущих исследований в данной области, теория композиционного синтаксиса позволяет проанализировать соотношение семантического и синтаксического механизмов метафоризации, их взаимосвязь и взаимовлияние. Использование теории композиционного синтаксиса обуславливает новизну исследования, которая заключается в изучении семантического и синтаксического механизмов метафоризации пословиц в их взаимосвязи. Это дает понять, какие синтаксические структуры делают возможным процесс метафоризации на семантическом уровне и как, в свою очередь, метафоризация влияет на синтаксические структуры, в которых находит свое выражение семантический аспект пословицы.

Система композиционного синтаксиса основана на положениях о наличии у предложения двух семантических аспектов – денотативного и сигнификативного [10] – и о принципиальном неизоморфизме данных аспектов предложения [11].

В композиционном синтаксисе предложение рассматривается как результат взаимоналожения сигнификативной и денотативной сторон его семантики [12].

Сигнификативным аспектом, или пропозицией, называется формально-логическая структура предложения, включающая в себя предикат и аргументы, связанные с предикатом и между собой неким отношением. Именно предикат определяет число и характер аргументов, отношение между ними, и, соответственно, тип пропозиции [13].

Денотативный аспект, или ситуация, представляет собой внеязыковой реальный или мыслимый фрагмент действительности, выступающий как расчлененное и вместе с тем целостное единство. Связанные в рамках ситуации неким отношением предметы (в самом широком смысле слова, т. е. люди и животные, предметы природы и артефакты и т. п.) квалифицируются как участники (партиципанты) ситуации. В ситуации с одним партиципантом его характеризует определенное свойство. Отношения и свойства предметов (предметных участников ситуации) – это признаки, выражением которых служат предложения [14].

Представленный пропозицией сигнификативный аспект предложения не изоморфен представленной ситуации денотативному аспекту. Неизоморфизм данных аспектов семантики предложения является одним из постулатов теории композиционного синтаксиса [15].

Материалы и методы исследования

В качестве основного метода исследования семантико-синтаксического механизма метафоризации в пословицах английского языка было выбрано логико-семантическое моделирование, которое использовалось для описания денотативной и сигнификативной структур предложения. В рамках данного метода были применены такие приемы, как трансформация (для определения типа пропозиции и аргументов предиката), дистрибутивный анализ (для описания закономерностей заполнения аргументных позиций участниками ситуации) и анализ словарной единицы (для определения ситуации-цели и ситуации-источника, а также сем, реализующих лексическое значение глагола).

В качестве материала исследования было отобрано 1318 пословиц, в основе которых лежит метафоризация.

Результаты и их обсуждение

Определение типов соотношения пропозиции и ситуации. Для определения типа соотношения пропозиции и ситуации необходимо опираться на классификацию, которая обнаруживает общие характеристики в пропозиции и ситуации. Такими характеристиками являются направленность и динамика, поскольку отношения между элементами ситуации и аргументами пропозиции можно описать как направленные/ненаправленные и динамические/статические. Сочетание данных характеристик позволяет выделить четыре типа пропозиции и четыре типа ситуации: направленная динамическая, направленная нединамическая, ненаправленная динамическая, ненаправленная нединамическая. Для того

чтобы определить тип того или иного предиката в пословице, использовались тесты на ранжирование и временную зависимость [13; 15].

Тест на ранжирование позволяет проверить, существует ли направленность в отношении между двумя элементами пропозиции. Для этого необходимо поменять местами аргументы, или актанты предложения. Если исходное и преобразованное предложения равны по значению и отражают одну и ту же ситуацию, то это значит, что их аргументы равноправны и пропозиция является ненаправленной [16], например: 1) *A maid marries a man* 'Молодая девушка выходит замуж за мужчину' [17, p. 171]; *A man marries a maid* 'Мужчина женится на молодой девушке'; 2) *He may meet a knave...* 'Он может встретить мошенника...' [17, p. 89]; *A knave may meet him* 'Мошенник может встретить его'. В обеих парах предложений, взятых из пословиц, наблюдается тождественность значения. Кроме того, можно сказать, что аргументы приведенных пар предложений описывают одну и ту же ситуацию. Следовательно, предложения не становятся ложными при изменении местоположения именных элементов. Значит, пропозиции данных предложений и их предикаты являются ненаправленными.

Если перестановка аргументов местами невозможна, либо предложение теряет свою истинность, либо значение исходного предложения не тождественно значению предложения, полученного в результате пермутации, предикат и пропозиция такого предложения направленные [13], как, например, в пословице *Fear gives wings* 'Страх дает крылья' [17, p. 96], где при изменении направления аргументов мы получаем *Wings give fear* 'Крылья дают страх' – ситуацию, которая не является реальной и тождественной ситуации, описанной в исходной пословице.

Тест на временную зависимость позволяет определить принадлежность предиката к классу статических или динамических [13; 14]. Для этого необходимо выяснить, возможно ли употребление глагола в форме длительного вида (*continuous*), можно ли с помощью данного предложения ответить на специальные вопросы типа *What did somebody do?* 'Что кто-то сделал?' или *What happened?* 'Что случилось?' и включить в данное предложение обстоятельства, обозначающие интенсивность или степень быстроты действия. Если хотя бы один из приемов дает положительный результат, предикат может считаться динамическим. В противном случае предикат является статическим. Можно привести следующие примеры из пословиц:

1. *Trouble brings experience* 'Проблемы приносят опыт' [17, p. 288] (*Trouble is bringing experience; Trouble often brings experience; What does trouble do?*).
2. *Experience is the mother of wisdom* 'Опыт – мать мудрости' [17, p. 288] (**Experience is being the mother of wisdom; *Experience is slowly the mother of wisdom*).
3. *Everything has an end* 'У всего есть конец' [17, p. 83] (**Everything is having an end; *Everything often has an end; What does everything do?; *Everything has an end*).
4. *The cord breaks at last by the weakest pull* 'Шнур наконец рвется и при слабейшем натяжении' [17, p. 84] (*The cord is breaking; The cord quickly breaks; What happens?; The cord breaks*).

Из данных пословиц становится ясно, что первое и четвертое предложения положительно реагируют на тест, в то время как второе и третье дают отрицательный результат. Можно сделать вывод, что пропозиции в первой и четвертой пословицах вместе с предикатами *bring* 'приносить' и *break* 'рваться' являются динамическими, а пропозиции второй и третьей пословиц с предикатами *be* 'быть' и *have* 'иметь' – статическими.

При проведении классификации пословиц в зависимости от типа предиката и пропозиции мы также выяснили, какое количество аргументов предполагает и реализует каждый тип пропозиции в англоязычном пословичном фонде.

Несмотря на то что каждый тип пропозиции имеет строго определенное количество аргументов, в конкретном предложении могут быть представлены не все они сразу. Количество аргументов определяется вариантом пропозиции и может различаться из-за многообразия классов ситуаций, для описания которых используется пропозиция. Число участников ситуации иногда может быть меньше максимального количества присоединяемых аргументов, и позиция аргумента, который не имеет соответствующего участника в описываемой ситуации, остается незаполненной¹.

Таким образом, на первом этапе исследования определяются типы пропозиций, представленных в пословицах английского языка, и классифицируются предикаты в зависимости от типа реализуемой ими пропозиции. Затем выясняется, какое количество аргументов максимально возможно для каждого типа пропозиции.

На втором этапе исследования проводится анализ ситуаций, описанных с помощью того или иного типа пропозиции. Анализ словарной дефиниции предиката позволяет понять, какое количество

¹Федорова Н. Н. Синтаксико-семантический потенциал глаголов перемещения в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Минск, 1992. 20 с.

участников максимально для данной ситуации, после чего оно сравнивается с числом участников, эксплицитно или имплицитно представленным в пословице. Также выясняется направленность и динамика ситуации.

Последним, третьим, этапом является соотношение пропозиции и ситуации в пословицах английского языка. Как описывалось выше, критерием сопоставления пропозиции и ситуации выступают признаки динамичности и статичности, а также направленности и ненаправленности. При сравнении аспектов семантики предложения по этим признакам возможны три варианта их соотношения.

1. В случае если направленность и динамичность пропозиции и ситуации подобны, речь идет о гомоморфном соотношении. Например, и в ситуации, и в пропозиции следующей пословицы отношение ненаправленное и динамичное: *The fairest flowers soonest fade* ‘Самые красивые цветы быстрее всех увядают’ [17, р. 18]. При определении типа соотношения данных аспектов семантики необходимо также учитывать направленность отношения между элементами пропозиции и ситуации, если пропозиция направленная. Сопоставление структур остается гомоморфным, если совпадает направленность между компонентами сравниваемых структур [15].

Сопоставим, например, первую часть пословицы *Gold does not belong to the miser, but the miser to gold* ‘Не золото принадлежит скупому, а скупой золоту’ [17, р. 177] с ее конверсивом *The miser does not have gold* ‘Скупой не имеет золота’. Несмотря на то что направленность и динамика пропозиции и ситуации в пословице совпадают (они направленные и статичные), различается направление между компонентами: ситуация направлена от субъекта обладания к объекту, а пропозиция – наоборот. Поэтому конверсив приведенного выше примера (*The miser does not have gold* ‘Скупой не имеет золота’) также будет гомоморфным, в отличие от самой пословицы.

2. Если сходными являются характеристики лишь одного признака – либо направленность, либо динамичность, – то такой вид соотношения пропозиции и ситуации называется **алломорфным** [16]. Так, в приведенной выше пословице *Gold does not belong to the miser...* ‘Не золото принадлежит скупому...’ по признаку статичности/динамичности сигнификативная и денотативная структуры схожи: они обе статичны, но по признаку направленности – противоположны: ситуационно отношение направлено от элемента, представленного в предложении дополнением (*the miser* ‘скупой’), а на пропозициональном уровне – от подлежащего (*gold* ‘золото’). Подобное частичное различие ситуации и пропозиции, но уже по признаку динамичности, наблюдается в пословице *Charon waits for all* ‘Шерон всех ждет’ [17, р. 55]. Пропозициональный аспект семантики данного предложения можно признать направленным (*Charon waits for all* ‘Шерон всех ждет’ нетождественно *All wait for Charon* ‘Все ждут Шерон’) и динамическим (*Charon was waiting for all* ‘Шерон всех ждала’), ситуационно же отношение направленное, но статичное.

3. И, наконец, и пропозиция, и ситуация могут обладать разными характеристиками обоих признаков. Например, полностью отсутствует подобие признаков динамичности и направленности пропозиционального и ситуационного отношений в пословице *Absence diminishes little passions and increases great ones* ‘Отсутствие уменьшает маленькую страсть и увеличивает большую’ [17, р. 1], пропозиция в которой динамическая и направленная, а ситуация статичная, поскольку речь идет о чувствах, и ненаправленная, так как отсутствует инициатор действия, или обладатель этих чувств. Подобное соответствие структур можно назвать **диаморфным** [15].

Диаморфный и алломорфный типы соотношения структур ситуации и пропозиции, в которых признаки динамичности и направленности сигнификативного и денотативного аспектов не совпадают, можно объединить и противопоставить гомоморфному, в котором такое несовпадение не наблюдается. Тогда мы получим два вида возможного взаимодействия пропозиции и ситуации: **гомоморфный**, при котором характеристики структурообразующего отношения одинаковы и для сигнификативного, и для денотативного аспектов, и **гетероморфный**, объединяющий диаморфный и алломорфный виды, где хотя бы одна из характеристик структурообразующего отношения ситуации и пропозиции не совпадают [15; 16].

Ненаправленная и нединамическая пропозиция при формировании вторичных значений в пословицах английского языка. Ненаправленная и нединамическая пропозиция вводится в английских пословицах, в которых реализовано вторичное значение, с помощью предиката *to be* ‘быть’. В словаре *Lingvo* говорится о том, что данный предикат используется для введения новой информации о предмете путем его идентификации, определения природы, качества, указания на положение этого предмета во времени и пространстве.

Мы ограничились рассмотрением статальной пропозиции в пословицах английского языка лишь обозначением вторичного значения, т. е. проанализировали только те случаи, когда один объект используется для называния другого. Получилось, что при формировании вторичных значений в пословицах

английского языка, в которых реализуется статальная пропозиция, предикат *to be* 'быть' применяется для отождествления одного объекта – участника денотативной области с другим объектом – участником другой денотативной области.

Так, в пословице *A woman is the weaker vessel* 'Женщина – прохудившийся сосуд' [17, p. 294] именно «невозможность сохранить содержимое» является признаком, объединяющим участников двух разных ситуаций: женщина не может хранить информацию в секрете, рассказывая обо всем, что узнает, прохудившийся сосуд также протекает и не способен сохранить содержимое. Равноправными объектами статальной пропозиции становятся участники разных ситуаций, выполняющие различные семантические функции: с одной стороны, «женщина» – субъект ситуации (агенс), с другой – «сосуд», который в разных ситуациях может выполнять разные семантические роли: это пациенс, если мы говорим об обладании сосудом; инструмент, если речь идет о его использовании в целях хранения; локатив, если подразумевается нахождение в нем чего-либо и т. д.

Еще один пример пословицы, где образование вторичного значения осуществляется таким же способом: *The mouth is wind, the pen is a track* 'Рот – это ветер, а ручка – ловушка' [17, p. 295]. Объединяющим признаком в данном случае является способность ветра и рта «разносить», а ручки и ловушки – «ловить». Написанные слова никуда не «улетают» и не забываются, в отличие от произнесенных. В приведенной пословице отождествляемые аргументы пропозиции выступают инструментами ситуации.

Очень часто признак, позволяющий объединить двух участников ситуации в пословице, раскрывается в ней же с использованием другого типа пропозиции, например: *The world is a net, the more we stir in it, the more we are entangled* 'Мир – это сеть, и чем больше мы в ней шевелимся, тем больше запутываемся' [17, p. 295]; *Advice is a stranger; if welcome he stays for a night; if not welcome he returns home the same day* 'Совет – незнакомец; если ему рады – остается на ночь, если нет – возвращается домой в тот же день' [17, p. 4].

Для всех пословиц, в которых один объект метафоризируется путем его отождествления с другим предметом, характерно то, что предписываемое тождество является верным только в определенной ситуации, которая задается объединяющим признаком. Выходит, что ситуация тождества, предлагаемая пропозицией, не воспринимается как таковая. Наличие динамического объединяющего компонента (разносить, удерживать, уходить, возвращаться, подниматься и т. д.) ведет к тому, что статальная пропозиция пословицы предстает как динамическая ситуация.

Количество аргументов пропозиции также отличается от числа участников ситуации. Статальная пропозиция подразумевает наличие только двух аргументов, в то время как число участников ситуации, так же как ее динамика и направление, задается объединяющим компонентом и предпредикатным неметафоризируемым объектом, который является участником воспринимаемой ситуации.

Рассматриваемая ранее ситуация, вводимая пословицей *A woman is the weaker vessel* 'Женщина – прохудившийся сосуд' включает минимум трех участников: женщину как субъекта, воспринимающего информацию; субъекта, передающего информацию, или объект – источник информации; объект – саму информацию. В зависимости от контекста ситуация направлена либо от субъекта – носителя информации к женщине, либо от женщины к другому субъекту, с которым она делится информацией. Таким образом, нединамическая и ненаправленная пропозиция пословицы используется для описания динамической и направленной ситуации. Следовательно, мы имеем дело с гетероморфным соотношением пропозиции и ситуации. Динамика и направление ситуации, как и соотношение с целевой денотативной областью, определяется компонентом, объединяющим целевую денотативную область и денотативную область, выступающую источником метафоризации.

В пословице *Advice is a stranger; if welcome he stays for a night; if not welcome he returns home the same day* 'Совет – незнакомец; если ему рады – остается на ночь, если нет – возвращается домой в тот же день' к ситуации «советования» отсылает предпредикатный объект пропозиции *advice* 'совет', в то время как объединяющий компонент, эксплицитно представленный во второй части пословицы, сужает денотативную область до ситуации получения желаемого/нежелаемого совета. Воспринимаемая ситуация включает минимум трех участников: советчика, получателя совета и совет – информацию, полученную в качестве совета. Таким образом, соотношение пропозиции и ситуации вновь гетероморфное: нединамическая ненаправленная пропозиция реализует динамическую направленную ситуацию.

Анализ образования вторичного значения в пословицах, построенных в рамках нединамической ненаправленной пропозиции, показал, что соотношение пропозиции и ситуации в таких пословицах является гетероморфным. Статальная пропозиция при реализации вторичного значения передает динамическую направленную ситуацию. Если предпредикатный объект пропозиции выражен отглагольным существительным, то именно он отсылает к целевой ситуации и предполагает набор участни-

ков ситуации, равный набору, характерному для пропозиции, вводимой глаголом, от которого данное существительное образовано. Если предпредикатный объект пропозиции выражен существительным, образованным не от глагола, то объединяющий компонент, часто обладающий акциональной семантикой, отсылает к целевой ситуации и предполагает набор участников ситуации, равный набору, который характерен для пропозиции глагола, выражающего объединяющее действие.

Ненаправленная и динамическая пропозиция при формировании вторичных значений в пословицах английского языка. Ненаправленная и динамическая пропозиция вводится в английских пословицах предикатами *to meet* ‘встречать’ и *to marry* ‘жениться’. С данными предикатами есть только несколько пословиц, в которых используется метафора, например: *When Greek meets Greek, then comes the tug of war* ‘Когда грек встречается с греком, начинается перетягивание каната’ [17, р. 73]. В приведенной пословице (мы рассматриваем только первую часть, реализуемую с помощью динамической и направленной пропозиции) метафоризируются оба активных участника ситуации, занимающие места аргументов пропозиции. Использование для метафоризации одинаковых существительных, называющих национальность, говорит о том, что субъекты ситуации – цели метафоризации обладают идентичными чертами характера, менталитетом, поведением. Соотношение пропозиции и ситуации в подобных пословицах является гомоморфным. Динамика и направление пропозиции совпадает с динамикой и направлением ситуации. Также совпадают набор участников и семантические роли, выполняемые участниками метафоризируемой ситуации и ситуации – источника метафоризации.

Направленная и нединамическая пропозиция при формировании вторичных значений в пословицах английского языка. Направленная и нединамическая пропозиция вводится с помощью предиката *to have*. Соотношение пропозиции и ситуации в пословицах, вводимых данным предикатом, в основе которых лежит метафоризация, может быть двух типов: гетероморфное и гомоморфное.

При гетероморфном соотношении направленная нединамическая пропозиция отсылает к динамической ситуации. Динамику задают аргументы пропозиции, выраженные отглагольными существительными, например: *Hasty climbers have sudden falls* ‘Торопливые альпинисты падают внезапно’ [17, р. 7]. В данном случае метафоризируется вся предикатно-аргументная группа, а ситуация – цель метафоризации и конечный набор участников ситуации определяются контекстом. Но каким бы ни был контекст, речь идет о тех, кто быстро движется вверх по карьерной лестнице или получает какие-либо блага в других сферах жизнедеятельности. Контекстом задается цель подобного движения, средства, используемые для стремления вверх, возможные мотивы и т. д. Пословица же предостерегает о конечном результате такого движения – падении, т. е. внезапной неудаче в достижении желаемого. Обязательными участниками ситуации, вводимой рассматриваемой пословицей, являются агенс (тот, кто пытается преуспеть) и фактитив (падение). Набор участников пропозиции и ситуации в данном случае совпадают.

Другим примером предложения с гетероморфным соотношением пропозиции и ситуации может быть пословица *Bees that have honey in their mouths have stings in their tails* ‘У пчел, у которых во рту есть мед, в хвостах есть жало’ [17, р. 11]. Здесь нединамический предикат также отсылает к динамической ситуации. Разница лишь в том, что на акциональный компонент указывает не предпредикатное существительное, поскольку оно не является отглагольным, а инструмент, который используется для совершения действия. Так, с помощью рта человек говорит, а пчела жалом причиняет боль. Тот, кто сладко говорит, может больно ужалить. Пословица используется для описания ситуации, когда собеседнику льстят, и указывает на неблагоприятные последствия для того, кто поверил красивым словам.

При гомоморфном соотношении в ситуации обладания метафоризируются участники ситуации: обладатель и предмет обладания, например: *Far fowls have fair feathers* ‘У дальних кур светлые перья’ [17, р. 11]. То, что недостижимо, представляет большую ценность. Связующим компонентом между ситуацией цели и ситуацией источника метафоризации являются слова с адъективной семантикой: *далекий* и *красивый*. Из-за отсутствия акционального компонента динамика ситуации и пропозиции и направление совпадают: ситуация нединамическая и направленная.

Направленная и динамическая пропозиция при формировании вторичных значений в пословицах английского языка. В случаях, когда пословица вводится динамическим глаголом, динамика ситуации и пропозиции совпадает. Также и ситуация, и пропозиция являются одинаково направленными, что говорит об их гомоморфном соотношении.

Примером гомоморфного соотношения пропозиции и ситуации выступает пословица *He who aims at the moon may hit the top of a tree; he who aims at the top of a tree is unlikely to get off the ground* ‘Тот, кто метит на луну, может удариться о вершину дерева; тот, кто метит на вершину дерева, вряд ли оторвется от земли’ [17, р. 6]. В этой пословице метафоризируется лишь объект пропозиции, или цель и результат ситуации. В каждой конкретной ситуации под «луной» (целью) и «верхушкой дерева» (результатом) подразумевается какая-либо другая, свойственная данному контексту цель и какой-либо

другой результат. Участники ситуации цели и ситуации источника взаимозаменяют друг друга. Не меняется ни направление, ни динамика ситуации. Подобное соотношение характерно для пословиц, в основе которых лежит метафоризация, в случае если метафоризируется только объект пропозиции, а сам предикат отсылает к ситуации цели и предполагает набор участников ситуации, присущий данному предикату.

Чаще всего в пословицах с динамическим направленным предикатом метафоризируется предикатно-аргументная группа, а не только предикат или аргумент. Таким примером является пословица *Steer not after every mariner's direction* 'Не меняй курс по указанию каждого моряка' [17, р. 5]. Пословица интерпретируется как «Не следуй совету каждого советчика». Состав участников ситуации цели и ситуации источника совпадает: агент (моряк в ситуации источника метафоризации и советчик в ситуации цели), патиент (направление и совет). Динамика ситуации и направление совпадают с динамикой и направлением пропозиции.

Краткая характеристика результатов соотнесения пропозиции и ситуации в зависимости от типа пропозиции представлена в таблице.

Типы соотношения пропозиции и ситуации в пословицах английского языка со вторичным значением

Types of correlation between proposition and situation in the English proverbs with secondary meaning

Виды пропозиции	Виды ситуаций	
	Динамическая	Нединамическая
Направленная	Гомоморфное	Гетероморфное/гомоморфное
Ненаправленная	Гомоморфное	Гетероморфное

Заключение

При оценке соотношения пропозиции и ситуации в пословицах английского языка, в основе которых лежит метафоризация, можно сделать вывод о том, что в пословицах, реализуемых с помощью динамической пропозиции, независимо от того, направленная она или нет, соотношение между пропозицией и ситуацией гомоморфное, т. е. направление и динамика пропозиции совпадают с направлением и динамикой ситуации. Ненаправленная нединамическая пропозиция реализует динамическую направленную ситуацию, что говорит о гетероморфном соотношении пропозиции и ситуации. Ндинамическая направленная пропозиция может соотноситься с ситуацией гетероморфным и гомоморфным образом.

В случаях, когда нединамическая пропозиция реализует динамическую ситуацию, динамику задает аргумент пропозиции, выраженный отглагольным существительным, т. е. имеющий в семантике акциональный компонент, либо связующее звено между ситуацией источника метафоризации и ситуацией цели.

Библиографические ссылки

1. Кассирер Э. Сила метафоры. В: Арутюнова НД, Журина МА, переводчики. *Теория метафоры*. Москва: Прогресс; 1990. с. 33–43.
2. Шмелев ДН. *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Просвещение; 1977. 335 с.
3. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. In: Orthony A, editor. *Metaphor and thought*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 1993. p. 202–251.
4. Баранов, АН. *Дескрипторная теория метафоры*. Москва: Языки славянской культуры; 2014. 632 с.
5. Шенделева ЕА. Ассоциативно-образное семантическое поле как единица анализа образного строя языка. В: Демешкина ТА, редактор. *Актуальные проблемы русистики*. Томск: Томский государственный университет; 2000. с. 116–128.
6. Емельянова ОН. Ассоциативное поле существительных с семантикой чувств. *Русский язык в школе*. 1993;6:73–75.
7. Склярская ГН. *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: Наука; 1993. 152 с.
8. Илюхина НА. *Образ в лексико-семантическом аспекте*. Самара: Самарский университет; 1998. 204 с.
9. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. В: Рикёр П. *Теория метафоры*. Арутюнова НД, Журина МА, переводчики. Москва: Прогресс; 1990. с. 417–419.
10. Frege G. Ueber Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift fuer philosophische Kritik*. 1892;100:25–50.
11. Богушевич ДГ, Макуца ЕВ. Пропозиция, ситуация и лексический состав предложения. В: *Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета; 18–19 апреля 2006 г.; Минск, Беларусь. Часть 2*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2006. с. 15–16.
12. Богушевич ДГ. Денотативные области и их отражение в предложении. В: Клименко АП, редактор. *Функционирование и развитие языковых систем*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 1990. с. 89–94.

13. Макуца ЕВ. *Структура и семантика предложений с глаголами физического восприятия в английском языке*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2003. 116 с.
14. Звонак НП. *Элементы синтаксиса в семантическом поле (в подязыке экономики)*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2000. 151 с.
15. Иванова-Мицевич ИВ. *Денотативная область вербального оформления и особенности ее отражения в английском предложении*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2009. 200 с.
16. Богусевич ДГ. О взаимоотношении пропозиции и ситуации в предложении. В: Богусевич ДГ, редактор. *Структура, семантика и функционирование языковых единиц разных уровней*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2006. с. 7–15.
17. Fergusson R. *The Penguin dictionary of proverbs*. London: Bloomsbury Book; 1991. 318 p.

References

1. Cassirer E. [The power of metaphor]. In: Arutyunova ND, Zhurinskaya MA, translators. *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress; 1990. p. 33–43. Russian.
2. Shmelyov DN. *Sovremenniy russkii yazyk. Leksika* [The contemporary Russian language. Vocabulary]. Moscow: Prosveshchenie; 1977. 335 p. Russian.
3. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. In: Orthony A, editor. *Metaphor and thought*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 1993. p. 202–251.
4. Baranov AN. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2014. 632 p. Russian.
5. Shendelyeva EA. [Associative-shaped semantic field as a unit of analysis of the figurative structure of the language]. In: Demeshkina TA, editor. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Actual problems of Russian studies]. Tomsk: Tomsk State University; 2000. p. 116–128. Russian.
6. Emelyanova ON. [An associative field of nouns with the semantics of feelings]. *Russkii yazyk v shkole*. 1993;6:73–75. Russian.
7. Sklyarevskaya GN. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the system of the language]. Saint Petersburg: Nauka; 1993. 152 p.
8. Ilyukhina NA. *Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte* [The image in the lexical and semantic aspect]. Samara: Samara University; 1998. 204 p. Russian.
9. Ricoeur P. The metaphorical process as cognition, imagination, and feeling. In: Arutyunova ND, Zhurinskaya MA, translators. *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress; 1990. p. 417–419.
10. Frege G. Ueber Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift fuer philosophische Kritik*. 1892;100:25–50.
11. Bogushevich DG, Makutsa EV. [Proposition, situation and lexical composition of the sentence]. In: *Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov universiteta; 18–19 aprelya 2006 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 2* [Materials of the annual scientific conference of teachers and graduate students of the university, 2006 April 18–19; Minsk, Belarus. Part 2]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2006. p. 15–16. Russian.
12. Bogushevich DG. [Denotational areas and their reflection in the sentence]. In: Klimenko AP, editor. *Funktsionirovanie i razvitie yazykovykh sistem* [The operation and development of language systems]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 1990. p. 89–94. Russian.
13. Makutsa EV. *Struktura i semantika predlozhenii s glagolami fizicheskogo vospriyatiya v angliiskom yazyke* [The structure and semantics of sentences with verbs of physical perception in English]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2003. 116 p. Russian.
14. Zvonak NP. *Elementy sintaksisa v semanticheskom pole (v podyazyke ekonomiki)* [Syntax elements in the semantic field (in the sublanguage of the economy)]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2000. 151 p. Russian.
15. Ivanova-Mitsevich IV. *Denotativnaya oblast' verbal'nogo oformleniya i osobennosti ee otrazheniya v angliiskom predlozhenii* [The denotative area of verbal design and peculiarities of its reflection in the English sentence] Minsk: Minsk State Linguistic University; 2009. 200 p. Russian.
16. Bogushevich DG. [On the relationship between proposition and situation in the sentence]. In: Bogushevich DG, editor. *Struktura, semantika i funktsionirovanie yazykovykh edinits raznykh urovnei* [Structure, semantics and functioning of linguistic units of different levels]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2006. p. 7–15. Russian.
17. Fergusson R. *The Penguin dictionary of proverbs*. London: Bloomsbury Book; 1991. 318 p.

Статья поступила в редколлегию 01.10.2020.

Received by editorial board 01.10.2020.

ЭТИКЕТНЫЕ ЖАНРОВЫЕ ФОРМУЛЫ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ Б. ПАСТЕРНАКА

Т. В. ЗЕМЛЯНИК¹⁾

¹⁾Институт пограничной службы Республики Беларусь,
ул. Славинского, 4, 220050, г. Минск, Беларусь

В четырех циклах писем Б. Пастернака (к Е. Пастернак, М. Цветаевой, З. Пастернак, О. Фрейденберг) выявлены такие этикетные жанровые формулы, как благодарность, извинение, пожелание и поздравление, относящиеся к иллюкутивному классу экспрессивов и имеющие стандартизированное выражение. Обнаружены и охарактеризованы особенности использования формул речевого этикета в эпистолярных текстах Б. Пастернака. Так, благодарность, извинение, пожелание и поздравление, как правило, выражаются прямо. Особенностью изъяснения благодарности и клишированных форм извинения в частных письмах Б. Пастернака являются указание причин, обусловивших введение данных речевых актов в текст, и различная частотность употребления по отношению к каждому из адресатов. В зависимости от адресата конкретные индивидуальные формы принимает и речевой акт «пожелание». Поздравление встречается в эпистолярных текстах, адресованных только двум адресатам – М. Цветаевой и Е. Пастернак, и употребляется в синтезе с такими речевыми актами, как похвала и характеристика адресата.

Ключевые слова: эпистолярный текст; Б. Пастернак; этикетная жанровая формула; благодарность; извинение; пожелание; поздравление; экспрессив; речевой этикет.

ЭТЫКЕТНЫЯ ЖАНРАВЫЯ ФОРМУЛЫ Ў ЭПІСТАЛЯРНЫХ ТЭКСТАХ Б. ПАСТЭРНАКА

Т. В. ЗЯМЛЯНИК^{1*}

^{1*)}Інстытут пагранічнай службы Рэспублікі Беларусь,
вул. Славінскага, 4, 220050, г. Мінск, Беларусь

У чатырох цыклах лістоў Б. Пастэрнака (да Я. Пастэрнак, М. Цвятаевай, З. Пастэрнак, В. Фрэйдэнберг) выяўлены такія этыкетныя жанравыя формулы, як падзяка, прабацэнне, пажаданне і віншаванне, якія адносяцца да ілакутыўнага класа экспрэсіваў і маюць стандартызаванае выражэнне. Выяўлены і ахарактарызаваны асаблівасці выкарыстання формул маўленчага этыкету ў эпісталярных тэкстах Б. Пастэрнака. Так, падзяка, прабацэнне, пажаданне і віншаванне, як правіла, выказваюцца прамі. Асаблівасцю выказвання падзякі і клішыраваных форм прабацэння ў прыватных лістах Б. Пастэрнака з'яўляюцца ўказанне прычын, якія абумовілі ўвядзенне дадзеных маўленчых актаў у тэкст, і розная колькасць ужыванняў у адносінах да кожнага з адрасатаў. У залежнасці ад адрасата канкрэтныя індывідуальныя формы прымае і маўленчы акт «пажаданне». Віншаванне сустракаецца ў эпісталярных тэкстах, адрасаваных толькі двум адрасатам – М. Цвятаевай і Я. Пастэрнак, і ўжываецца ў сінтэзе з такімі маўленчымі актамі, як пахвала і характарыстыка адрасата.

Ключавыя словы: эпісталярны тэкст; Б. Пастэрнак; этыкетная жанравая формула; падзяка; прабацэнне; пажаданне; віншаванне; экспрэсіў; маўленчы этыкет.

Образец цитирования:

Земляник Т.В. Этикетные жанровые формулы в эпистолярных текстах Б. Пастернака. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;3:77–86.

For citation:

Zemlyanik TV. Etiquette genre formulas in epistolary texts by B. Pasternac. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;3:77–86. Russian.

Автор:

Татьяна Валерьевна Земляник – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Author:

Tatyana V. Zemlyanik, senior lecturer at the department of social and humanitarian disciplines.
zemlyanik_tanya@mail.ru

ETIQUETTE GENRE FORMULAS IN EPISTOLARY TEXTS BY B. PASTERNAK

T. V. ZEMLYANIK^a

^a*Institute of Border Troops of the Republic of Belarus,
4 Slavinskaya Street, Minsk 220050, Belarus*

Four cycles of letters from B. Pasternak (to E. Pasternak, M. Tsvetaeva, Z. Pasternak, and O. Freidenberg) revealed etiquette genre formulas such as gratitude, apology, wishes, and congratulations that relate to the illocutionary expressive class and have a standardized expression. The features of the use of speech etiquette formulas in the epistolary texts of B. Pasternak were discovered and characterized. So, gratitude, apology, wishes and congratulations are usually expressed directly. The peculiarity of expressing gratitude and clichéd apology forms in B. Pasternak's private letters are the reasons for the introduction of these speech acts into the text, and the different frequency of use in relation to each addressee. Depending on the addressee, specific individual forms are accepted and the speech act is desired. Congratulation is found in epistolary texts addressed only to two addressees: M. Tsvetaeva and E. Pasternak, and is used in the synthesis with speech acts such as praise and characterization of the addressee.

Keywords: epistolary text; B. Pasternak; etiquette genre formula; gratitude; apology; wish; congratulation; expressive; speech etiquette.

Введение

Клишированность структуры текста является характерной жанровой чертой эпистолярного стиля речи и включает в себя такие обязательные структурные элементы в композиции письма, как обращение, приветствие, прощание, подпись, постскриптум. Их наличие свидетельствует о конвенциональности эпистолярного текста, устойчивости и прогнозируемости его структуры. К перечисленным выше составляющим примыкают и такие речеактовые интенциональные проявления, как **благодарность, извинение, пожелание, поздравление**, относящиеся к иллокутивному классу экспрессивов и представляющие собой этикетные жанровые формулы. Ю. Б. Кузьменкова отмечает, что «единицы речевого этикета в конкретный момент организации общения стереотипны для его носителей, так как являются основой их идентификации в данной речевой культуре» [1, с. 100]. Этикетные жанровые формулы – это формулы речевого этикета, принадлежащие к определенному жанру речи. Они являются клишированными высказываниями и отличаются устойчивой формой, определенным содержанием, порядком расположения и ситуативной уместностью. Н. И. Формановская утверждает, что «под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфических стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [2, с. 53]. Исследование формул речевого этикета в эпистолярном тексте – актуальное направление современной лингвистики, так как этикетные речевые акты анализируются с учетом взаимосвязи экстралингвистических и лингвистических компонентов коммуникации.

Цель данной статьи – выявить языковые особенности выражения таких этикетных речевых формул, как благодарность, извинение, пожелание и поздравление, в четырех циклах писем Бориса Пастернака: к Евгении Пастернак, Марине Цветаевой, Зинаиде Пастернак, Ольге Фрейденберг.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили эпистолярные русскоязычные тексты Б. Пастернака, адресованные его первой жене Е. Пастернак, М. Цветаевой, второй жене З. Пастернак и двоюродной сестре О. Фрейденберг. Всего было проанализировано 250 писем, из них Е. Пастернак адресовано 63 послания (с 22 декабря 1921 по 9 июня 1943 г.), М. Цветаевой – 55 (с 14 июня 1922 по 7–8 августа 1927 г.), О. Фрейденберг – 70 (с 29 декабря 1921 по 12 ноября 1954 г.), З. Пастернак – 62 письма (с 26 декабря 1930 по 17 февраля 1957 г.).

При проведении исследования были использованы метод сплошной выборки языкового материала; описательный метод, предполагающий классификацию и интерпретацию языкового материала (с использованием приемов обобщения), метод интерпретации художественного текста, количественный подсчет языковых фактов.

Результаты и их обсуждение

В эпистолярных текстах Б. Пастернака были выявлены такие этикетные жанровые формулы, как благодарность (всего 29 контекстов: в письмах к М. Цветаевой – 9, Е. Пастернак – 4, З. Пастернак – 6, О. Фрейденберг – 10), извинение (32 контекста: М. Цветаевой – 10, Е. Пастернак – 5, З. Пастернак – 7, О. Фрейденберг – 10), пожелание (13 контекстов: М. Цветаевой – 4, Е. Пастернак – 3, З. Пастернак – 3, О. Фрейденберг – 3), поздравление (5 контекстов: М. Цветаевой – 3, Е. Пастернак – 2).

Речевой акт благодарности относится к «подтверждающему» типу вежливых действий. Его пропозициональным содержанием является «уже выполненное действие адресата, которое должно быть бенефактивно для говорящего, и говорящий должен в это верить» [3, с. 62]. Благодарность в эпистолярных текстах Б. Пастернака, как правило, выражается прямо, с использованием лексем *благодарить* и *спасибо* в составе лексико-грамматических конструкций *благодарить (за что?)*, *спасибо (за что?)*. Основания для выражения благодарности могут быть следующие: письмо адресата, творчество адресата, предметы и обстоятельства быта, эмоциональный аспект отношений между автором и адресатом.

Благодарность за письмо (открытку, телеграмму) – это наиболее частотный вид благодарности, отмеченный в эпистолярных текстах к М. Цветаевой (*Спасибо за карточку и за письмо* [4, с. 592]), Е. Пастернак (*Горячо благодарю тебя за письмо* [4, с. 719]), О. Фрейденберг (*Итак, спасибо за письмо, бывшее для меня полной неожиданностью* [5, с. 203]), З. Пастернак (*Спасибо тебе за большое обстоятельное письмо, первое из Берсута, это когда гроза была и хворал Леничка. Как ты живо и дельно пишешь, умная и родная моя!* [5, с. 231]). При выражении данного вида благодарности автор нередко оценивает письмо с помощью различных языковых средств: причастных оборотов, в составе которых присутствуют оценочно-характеризующие лексемы (*письмо, бывшее для меня полной неожиданностью*); имен прилагательных (*большое обстоятельное письмо; умное и бодрое письмо; пифическое письмо*); предложений, содержащих оценку обстоятельств написания письма, личности адресата (положительную); умений и способностей адресата писать письма; собственных чувств по поводу получения письма (*Я получил твой ответ. Горячо благодарю тебя. Он тебе стоил больших волнений* [4, с. 747]; *Спасибо тебе за умное и бодрое письмо. Ты чудный друг и большой человек* [5, с. 249]; *И опять я не думаю писать тебе, а только хочу поблагодарить за письмо. Сколько ты в них иногда умеешь вложить и как изумительно их пишешь!* [6, с. 445]; *Милый друг, Оля, спасибо за открытку и телеграмму. Можешь себе представить, как я им обрадовался!!* [5, с. 255]).

Частотны в эпистолярных текстах Б. Пастернака и контексты с предполагаемой благодарностью автора в случае получения от адресата гипотетического письма (открытки, телеграммы). Возможность ответного действия (благодарности) автора выражается через сочетание форм сослагательного наклонения глагола *быть* и кратких форм прилагательного *благодарный*. Значение желательности действия, актуального для автора, усиливается употреблением частицы *все-таки*: *За открытку все-таки был бы благодарен* [5, с. 459].

В письмах, адресованных М. Цветаевой, встречается еще один вид данной этикетной формулы – благодарность за творчество. Многие свои поэтические произведения М. Цветаева присылала для первого прочтения Б. Пастернаку с целью получить объективную критическую оценку своего творчества. В большинстве случаев они оценивались положительно и похвально, что сопровождалось выражением благодарности за оказанное доверие и доставленное эстетическое удовольствие от прочтения произведения великого поэта: *Совершенно же особенное спасибо Вам за «Слова»* [4, с. 410]. Речь идет о стихотворении М. Цветаевой «Слова на сон», записанном в конце книги «Разлука» (Берлин, 1922), посланной М. Цветаевой Б. Пастернаку. Письмо было помечено: *Берлин, 8-го нов. июля 1922 г. – после Сестры – моей Жизни – Марина Цветаева* [4, с. 413]. Б. Пастернак после слов благодарности отмечал схожесть эстетики данного произведения с эстетикой его собственной книги стихотворений «Сестра моя – жизнь», которой М. Цветаева добилась намеренно: *У меня было ощущение (и оно не прошло), что во многом, вплоть до самого звучанья «Слова на сон» до крайности близки, – и намеренно – миру «Сестры»* [4, с. 410].

В письме от начала января – 3 февраля 1923 г. из Берлина Б. Пастернак благодарит М. Цветаеву за присланную с дарственной надписью (*Борису Пастернаку – одному из моих муз. Марина Цветаева. 22 декабря 1922. Прага* [4, с. 425]) поэму-сказку «Царь-Девница»: *Спасибо за доставленное наслаждение. Сейчас его не с чем сравнить* [4, с. 424].

Кроме того, Б. Пастернак выражает благодарность М. Цветаевой за посвящение ему поэмы «Молодец» (*Борису Пастернаку — «за игру за твою великую, / за утехы твои за нежные...»*) (слова из былины «Садко») [4, с. 588]: *Спасибо, спасибо, спасибо. Большая радость, большая честь, большая поддержка. Большое горе: если Вы еще о посвящении не пожалели, то пожалеете* [4, с. 584].

Вид благодарности, относящийся к бытовой сфере жизни, встречается в письмах, адресованных М. Цветаевой (*За гонорар спасибо. Здесь легче живется, чем у Вас. Никакого гонорара не надо* [4, с. 603]; *Спасибо за гравюры Холлара. <...> Большое спасибо* [4, с. 640]) и Е. Пастернак (*Выкупил большие месяца лежавший у портного костюм – твой подарок – спасибо тебе, Женюшок мой; все лежал он – денег не было* [4, с. 771]).

Благодарность, связанную с эмоциональным аспектом отношений, чаще всего поэт выражает в письмах к З. Пастернак, причем эта этикетная формула сочетается с развернутой эмоциональной характеристикой адресата: *Крепко люблю тебя, больше, чем любят женщину и человека, ты удивительная, то, что случилось со мной, все – благодаря тебе, странно, что так это случилось со мною первым, и за это тебе вечное, непомерное спасибо* [6, с. 497]. Автор благодарит адресата за качества характера, которые делают жизнь адресанта счастливой, наполненной атмосферой доброты, любви и уюта. Так, в первом контексте Б. Пастернак характеризует адресата, используя атрибутивную лексику *удивительная* ‘необычайная, необыкновенная по каким-либо качествам, свойствам’¹, а затем прибегает к развернутым предикатным конструкциям с двойным повтором глагольно-местоименного словосочетания *случилось со мной*, подчеркивая огромную значимость появления в своей судьбе адресата.

В следующих контекстах автор также выражает благодарность адресату в сочетании с его характеристикой, передавая данный смысл с помощью предикатной конструкции *что ты такая*, повторяющейся в двух контекстах и семантизированной, т. е. наполненной восторженными оценками адресата, в предтексте. Кроме того, второй контекст, помимо благодарности и характеристики адресата, включает признание в любви автора к коммуникативному партнеру: *Спасибо тебе за это в двух отношениях. Во-первых, за то, что ты такая и оставляешь по себе такой образ, а затем и за удобство и уют, в котором мне так приятно сейчас, – потому что ведь они созданы и оставлены мне на эти недели тобою* [5, с. 8]; *Спасибо тебе, что ты такая, что я так люблю тебя, что ты разливаешь столько радости вокруг себя, что столько ее даешь мне* [5, с. 41].

В следующем контексте автор благодарит и характеризует адресата, как и в предыдущих контекстах, акцентируя внимание на его глубинной роли в своей жизни: *Спасибо тебе за все, что ты дала мне и принесла, ты была лучшей частью моей жизни, и ты, и я недостаточно сознавали, до какой глубины ты жена моя и как много это значит* [5, с. 225].

Благодарность, относящуюся к эмоциональному аспекту отношений, автор выражает также по отношению к О. Фрейденберг (*Я тебе задолжал письмо с того самого дня, как ты меня пожалела в моем горе. Спасибо тебе* [5, с. 163]) и М. Цветаевой (*За одно благодарю страшно. За позволение думать, что обращаясь к Вам, Вам же и отвечаю. Это – подарок*² [4, с. 451]).

В процессе исследования было установлено, что для выражения всех видов благодарности, выделенных в зависимости от причины возникновения данной ситуации, в письмах Б. Пастернака используются следующие лексико-грамматические средства: глагольная лексема *благодарить* в сочетании с наречиями меры и степени (*горячо благодарю, благодарю страшно*), качественные имена прилагательные (*совершенно же особенное спасибо; большое спасибо; вечное, непомерное спасибо*), обращения (*Милый друг, Оля, спасибо за открытку и телеграмму* [5, с. 255]; *...спасибо тебе, Женюшок мой* [4, с. 771]), повторы междометной лексики *спасибо* в одном высказывании (*Спасибо, спасибо, спасибо* [4, с. 584]) либо в одном контексте (*Спасибо за гравюры Холлара. <...> Большое спасибо* [4, с. 640]), сложноподчиненные предложения, которые автор вводит в контекст для объяснения причины благодарности и в которых довольно часто присутствует развернутая характеристика адресата (*спасибо тебе, что...; спасибо тебе за все, что...*).

Извинение Дж. Серль рассматривает как стандартный пример экспрессивных речевых актов, иллюкативная цель которых заключается в том, чтобы выразить названное в условиях искренности состояние, связанное с обозначенным в пропозициональном содержании положением вещей [7]. В письмах Б. Пастернака извинение передается обычно прямо с помощью императивных форм глагола *простить* – *прости, простите*. Случай употребления формы глагола *извинить* в повелительном наклонении встречается единожды в письме, адресованном М. Цветаевой: *Темы «первый поэт за жизнь», «Пастернак» и пр. я навсегда хотел бы устранить из нашей переписки. Извините за неучтивость* [4, с. 450]. Интенция является ответом на высказывание из письма адресата: *Вы, Пастернак, в полной чистоте сердца – мой первый поэт за жизнь* [4, с. 451].

Многие ситуации извинения в эпистолярных текстах Б. Пастернака имеют непосредственное отношение к письмам адресанта и представляют собой этикетные жанровые формулы. Так, автор изви-

¹Малый академический словарь [Электронный ресурс]. М. : Ин-т рус. яз. Акад. наук СССР, 1984. URL: <https://gufo.me/dict/mas/> удивительный (дата обращения: 12.02.2020).

²Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала. – Т. 3.

няется за отсутствие краткости в изложении мыслей: *Прости бесстрашие, с каким засылаю тебя таким многословьем* [4, с. 646] (М. Цветаевой); *Прости, дорогой друг, что я так много об этом говорю* [4, с. 510] (Е. Пастернак); *Прости и не смейся. Больше таких длинных писем писать не буду* [6, с. 505] (З. Пастернак); за неразборчивость почерка: *Прости, что пишу неразборчиво, – тороплюсь* [5, с. 318] (З. Пастернак); *Прости за небрежность* [4, с. 380]; *Я ничего не написал тебе. И ты видишь, как торопливо добывается это прощение, которое я хочу получить от тебя, безобразною спешкою теснящеюся в одну фразу через все письмо, да еще почерком, который может тебя обеспокоить мыслью, не заболел ли я снова. <...> Прости меня, я и тебе пишу как-то призрачно, не чувствуя, что пишу тебе* [5, с. 733–734] (О. Фрейденберг); за бессодержательность или, по мнению автора, бессмысленность письма: *Марина, простите за эту беспорядочную болтовню* [4, с. 572] (М. Цветаевой); *Прости, сам вижу: письмо бестолковое* [4, с. 478] (Е. Пастернак); *Прости ненужное глубокомыслие позавчерашнего письма* [6, с. 501] (З. Пастернак); *Прости, что опять не пишу ничего существенного* [5, с. 635] (О. Фрейденберг); за задержку писем и долгое отсутствие ответов на письма адресата (преобладающее количество данного типа извинений отмечено в письмах, адресованных О. Фрейденберг): *Прости еще раз и наверное не в последний. Но было много чего, а главное на прошлой неделе скончалась Женина мама* [6, с. 263]; *Прости, что я не писал тебе* [5, с. 470]; *Я знаю, что не ответил тебе на письмо. Прости* [6, с. 147].

Помимо ситуаций извинения, относящихся непосредственно к процессу обмена письмами, в исследуемом эпистолярном Б. Пастернака встречаются извинения, вызванные и другими причинами. Так, в первом письме, адресованном М. Цветаевой, за 14 июня 1922 г. автор просит прощения за несостоявшуюся встречу с адресатом по причине незнакомства с ним на тот момент: *Простите, простите, простите! Как могло случиться, что, плетясь вместе с Вами следом за гробом Татьяны Федоровны, я не знал, с кем рядом иду. Как могло случиться, что, слушав и слышав Вас неоднократно, я оплошал и разминутся с Вашей верстовой Суинбернидой. <...> Итак простите, простите* [4, с. 389]. В другом письме к М. Цветаевой автор извиняется за слишком эмоциональное признание в своих глубоких чувствах к личности и дарованию адресата: *Прости, что я так невозможно разлетелся тогда. Этого не следовало делать. Это должно было остаться моей возрождающей тайной до самого свиданья с тобой. Я мог и должен был скрыть от тебя до встречи, что никогда теперь не смогу уже разлюбить тебя, что ты мое единственное законное небо, и жена до того, до того законная, что в этом слове, от силы, в него нахлынувшей, начинает мне слышаться безумье, ранее никогда в нем не обитавшее* [4, с. 665].

В письмах, адресованных Е. Пастернак, автор извиняется за несправедливые упреки, высказанные ей по причине долгого отсутствия ответных писем: *Сейчас получил и прочел твое письмо. Спасибо. Теперь тороплюсь это написать, и буду писать, как ты говоришь, – что подвернется, потому что хочу его скорей на вокзал отвезти. Таким путем оно, может статься, обгонит целый поток тех несправедливых писем, что я успел наслать тебе в последние дни. <...> Теперь прости* [4, с. 502]. Кроме того, в данном контексте извинение сочетается с благодарностью за полученное долго ожидаемое письмо. Употребление двух данных речевых актов в одном контексте указывает на желание автора сгладить созданную им негативную коммуникативную ситуацию (упреки автора в отсутствии писем от адресата). Подобное коммуникативное поведение можно объяснить тем, что «перлокуция речевых актов извинения в случае их успеха состоит в получении прощения и восстановлении статуса адресата, при этом выбор перлокуции остается за адресатом» [3, с. 66]. Автор также просит прощения за случаи, относящиеся к бытовым делам. Так, в письме за 14 июля 1924 г. адресант извиняется за не присланные вовремя деньги для семьи: *Если ему (А. Л. Пастернаку – брату поэта. – Т. З.) дадут денег, я завтра же тебе пошлю по Петербургскому адресу. Прости, что так задержал, не моя вина* [4, с. 508–509]. Неизбежны извинения, касающиеся бытовой стороны жизни и в письмах ко второй жене поэта З. Пастернак. В одном из писем, созданных во время Второй мировой войны (20 сентября 1941 г.), автор извиняется за возможную непригодность отправленных для семьи посылок из-за устаревания их содержимого: *Прости, что среди посылок иногда такая ветошь, но что мне делать* [5, с. 254].

Для усиления воздействия извинения автор использует повтор формы императива глагола *простить* как в одном высказывании (интенсивное нагнетание одинаковых лексем в предложении: *Простите, простите, простите! <...> Итак простите, простите* [4, с. 389] (М. Цветаевой)), так и в полном тексте, повторяя лексему в различных частях его структуры. Так, в письме за 26 декабря 1930 г., адресованном З. Нейгауз (З. Пастернак на тот момент не состояла в супружеских отношениях с Б. Пастернаком, поэтому носила фамилию первого мужа – Нейгауз), лексема *простите* повторяется трижды в различных структурных частях письма: *Простите меня, вчера я в первый раз перед Вами провинился. <...> Простите ли Вы меня? <...> Простите меня, что еще до сих пор плохо и трудно Жене, Ирине Сергеевне и многим: что высокая и ровная нота, внушенная Вами и от которой всем должно было быть хорошо, не взята еще мной, не проведена в жизнь, не осуществлена* [6, с. 473–474]. Первые два высказывания

имеют отношение к ситуации, когда автор не выполнил обещание, данное адресату, поэтому в первом предложении просит у него прощения, а во втором, используя вопросительное высказывание, интересуется, возможно ли простить его. Третий контекст данного письма касается иного обстоятельства: Б. Пастернак извиняется перед адресатом за то, что не были приняты важные решения, которые позволили бы решить сложную ситуацию своего ухода из семьи и воссоединения с адресатом. Причем речевой акт «извинение» сочетается с речевыми актами «характеристика адресата» и «самохарактеристика». Автор осуществляет положительную характеристику адресата, описывая то позитивное эмоциональное состояние, которое возникло благодаря усилиям адресата (*высокая и ровная нота, внушенная Вами*) и должно было подтолкнуть к эффективному решению ситуации (*всем должно было быть хорошо*). Положительная характеристика адресата в данном контексте сочетается с отрицательной самохарактеристикой автора, создаваемой с помощью употребления однородных кратких форм причастий с отрицательной частицей *не*, подчеркивающих невозможность решения автором ситуации в данный момент: *...высокая и ровная нота* (состояние уверенности, которое позволит решить проблему. – Т. З.), *не взята еще мной, не проведена в жизнь, не осуществлена*.

Относительно композиции письма речевой акт «извинение» может занимать различные позиции: начальную, срединную и конечную. Наиболее частотными являются позиции в начале и в конце письма. В начале письма в большинстве случаев автор извиняется за содержание своих прошлых писем к адресатам: *Простите за предшествующее письмо* [4, с. 610] (М. Цветаевой); *Прости ненужное глубокомыслие позавчерашнего письма* [6, с. 501] (З. Пастернак). В конце эпистолярного текста автор нередко извиняется за неудавшееся в различных аспектах письмо: *Это не письмо, а позор, я его поскорее поспешу смыть. Пока простите* [4, с. 572] (М. Цветаевой); *Прости за эти вялые строки, я тебе ничего не собирался сообщить, а только хотел напомнить, что наступило лето* [5, с. 459]; *Прости меня за явную для тебя торопливость тона* [7, с. 58] (О. Фрейденберг).

Для выражения **пожелания** автор обычно использует глагол *желать* в форме 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения (*желаю*) в составе лексико-грамматической конструкции (*желать (кому? чего? / что (с)делать?)*) и глагол *быть* в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения (*будь*) – в сочетании с краткими и полными формами имен прилагательных или существительных. Редкими являются случаи выражения пожелания посредством формы глагола *жить* в повелительном наклонении: *Живите долго, живите вечно, я только на это надеюсь теперь* [4, с. 458] (М. Цветаевой).

Иллокутивная цель пожеланий, по мнению Н. А. Трофимовой, «состоит в реакции говорящего на какое-либо свойство или действие адресата или определенную ситуацию, требующую реализации пожелания в адрес собеседника в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе, с намерением дать понять адресату, что говорящий чувствует по отношению к нему. Это способствует установлению, поддержанию или, в случае с негативными пожеланиями, прерыванию контакта с другими членами данного общества» [3, с. 69].

Наиболее востребованным в эпистолярных текстах Б. Пастернака является пожелание здоровья, представленное в письмах ко всем четырём адресатам. Данная разновидность пожелания может быть выражена двумя способами: 1) глагол *быть* в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения (*будь*) + краткая форма имени прилагательного *здорова*; 2) глагол *желать* в форме 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения (*желаю*) + субстантивная лексема в форме родительного падежа единственного числа (*здоровья*): *Будь счастлива и здорова* [4, с. 778] (Е. Пастернак); *Горячо тебе желаю подходящего расположения, требующейся тишины и свободы, здоровья кругом, хорошей погоды и сосредоточенной силы, превращающей эти дни и недели в начальные, с новой мыслимой не-обозримостью сроков впереди* [6, с. 49] (М. Цветаевой); *Отдыхай, поправляйся, будь здорова, обнимаю тебя* [5, с. 12] (З. Пастернак); *Будь здорова* [5, с. 553] (О. Фрейденберг).

Второй по частотности вид пожелания – это пожелание счастья, выраженное глаголом *быть* в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения (*будь*) в сочетании с краткой формой имени прилагательного *счастлива*. Подобные примеры были выявлены в контекстах к трем адресатам: Е. Пастернак (*Будь счастлива и здорова* [4, с. 778]), М. Цветаевой (*Будь счастлива в Лондоне, как я счастлив сейчас с тобой, не жди никогда слов, побывавших в кислотах, ты все знаешь* [4, с. 617]), З. Пастернак (*Будь счастлива и спокойна* [6, с. 550]).

В эпистолярных текстах Б. Пастернака встречаются также различные виды пожеланий, ориентированных на конкретного адресата. Они выражаются с помощью субстантивных лексем с положительными коннотациями (*радость, ясность, удача, друг, помощница, человек, досуг, предчувствия, знаменья, поправка, успехи, освобождение*); атрибутивных лексем с позитивной семантикой (*новый, выросший, большой, счастливый, благоприятный, самый наилучший, полный, заслуженный*);

качественного наречия *горячо*, употребляемого (иногда многократно) для усиления воздействия пожелания, при соответствующей форме глагола *желать*: *Горячо желаю тебе радости, душевной ясности, удачи и здоровья* [4, с. 742]; *Будь новой, выросшей, другом и помощницей, большим человеком* [4, с. 788] (Е. Пастернак). Первое пожелание нацелено на эмоциональную сферу адресата, второе, с одной стороны, фиксирует те внутренние изменения, которые произошли в личности адресата, а с другой – свидетельствует о том, как автор оценивает и характеризует адресата в настоящем и каким хочет видеть его в будущем.

Рассмотрим еще несколько примеров: *Горячо желаю тебе досуга и удачи, горячо, горячо. Это не только сильнейшее мое пожелание тебе, но и сильнейшее вообще мое желание. Верю в тебя и в то, что что ни наметишь, исполнишь* [6, с. 49] (М. Цветаевой); *Желаю тебе начать год со счастливыми предчувствиями и благоприятными знаменьями, а в году желаю самого наилучшего: поправки Адику, успехов в занятиях Стасику, а Гарику освобожденья* [5, с. 261] (З. Пастернак). Последний контекст интересен тем, что, формулируя свои новогодние пожелания, автор расширяет круг адресатов и желает здоровья, успехов и свободы тем, кто входит в число близких и дорогих людей, благополучие которых далеко не безразлично непосредственному адресату: *Мне больше ничего прибавлять не хочется, желаю тебе от всей души полного и заслуженного успеха* [4, с. 532] (О. Фрейденберг).

Единственное пожелание автора себе самому было обнаружено в письме от 3 мая 1927 г., адресованном М. Цветаевой. Оно находилось в особой структурной части эпистолярного текста – постскрипту: *P. S. Пожелай мне успеха на этот год и будь со мною* [6, с. 24].

Поздравление – это этикетная жанровая формула, которая в эпистолярных текстах Б. Пастернака встречается довольно редко (всего 5 употреблений). Поздравление было зафиксировано лишь в письмах, адресованных М. Цветаевой (3 контекста) и Е. Пастернак (2 контекста). Все случаи поздравления в эпистолярных текстах Б. Пастернака выражены прямо с помощью глагола *поздравлять* в форме 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения (*поздравляю*), иногда с добавлением личного местоимения *ты* в форме винительного падежа единственного числа (*тебя*).

Н. А. Трофимова отмечает, что «цель речевого действия поздравления – сохранять контакт в нужной тональности, поддерживать теплые дружеские отношения с коммуникантом (иллокутивная цель) и создавать у него положительный эмоциональный настрой (перлокутивная цель) посредством выражения собственного эмоционального состояния» [3, с. 72].

Все поздравления, адресованные М. Цветаевой, имеют прямое отношение к ее творчеству. В письме от 29 июня 1928 г. Б. Пастернак поздравляет адресата с выходом новой книги. М. Цветаева послала рецензию В. Ф. Ходасевича на недавно появившуюся книгу «После России», опубликованную 19 июня 1928 г. в газете «Возрождение». Б. Пастернака взволновали приведенные в статье цитаты из стихов М. Цветаевой: *Горячо поздравляю тебя! Какие удивительные выдержки! <...> Я знаю, что она будет событием, вторым рождением, мукой, счастьем и не для меня одного. И это совсем излишнее признание* [6, с. 237].

В данном контексте Б. Пастернак для выражения поздравления использует эмоционально окрашенное восклицательное высказывание, в которое для усиления экспрессивной семантики глагола автор вводит наречие *горячо*, употребляя его в значении ‘отличающийся глубиной чувства; выражающий сильное чувство’³. Наряду с речевым актом «поздравление» автор прибегает к речевому акту «похвала», позволяющему передать поздравление еще более эмоционально ярко. Для этого адресант вводит в контекст второе восклицательное высказывание и однородные качественные имена существительные, характеризующие значимость книги адресата: *событие, второе рождение, мука, счастье*.

Два контекста, включающие речевой акт «поздравление», обнаружены в письме от 5 ноября 1930 г., где Б. Пастернак поздравляет М. Цветаеву с публикацией первой главы поэмы «Молодец» во французском переводе («Le gars») в журнале «France et monde» (1930, № 138), посланном ею 29 сентября 1930 г.: *Итак поздравляю, поздравляю, поздравляю. Ты молодчина из молодчин, под тобой земля, над тобой небо, кругом воздух, ты реальна, ты электрический неразменный заряд, не все обман, не все басня* [6, с. 461]; *Еще раз поздравляю тебя живую, новую, беспромахливую, гениальную* [6, с. 462].

Для выражения поздравления автор четыре раза повторяет глагольную форму *поздравляю*: трижды в одном высказывании срединной части письма и один раз в конце эпистолярного текста. Данные контексты также отличаются тем, что речевой акт «поздравление» плавно переходит в речевой акт «похвала». В первом контексте, помимо прямого выражения похвалы с использованием повтора имени существительного *молодчина* в конструкции *молодчина из молодчин*, подчеркивающей превосходство адресата над другими людьми, автор метафорически определяет место М. Цветаевой в мире как удивительного, гениального, почти невозможного, но произошедшего явления.

³Малый академический словарь [Электронный ресурс]. М., 1984. URL: <https://gufo.me/dict/mas/горячо> (дата обращения: 12.02.2020).

Во втором контексте автором применяются однородные атрибутивные лексемы, как общеупотребительные (*живая, новая, гениальная*), так и окказиональные (*беспромашливая*), характеризующие адресата с положительной стороны.

Поздравления, адресованные Е. Пастернак, в большей степени приземленны. Они связаны либо с праздниками, например с Пасхой (*Поздравляю тебя с праздником. У нас окна настежь, перед окнами толпы гуляющих, Москва очень нарядна* [6, с. 314]), либо с конкретными важными событиями, произошедшими в жизни адресата (сын Б. Пастернака и Е. Пастернак поступил в военную академию): *Дорогая Женя! Я получил все твои письма и телеграммы вплоть до последнего, с известием о поступлении Женюшки в Военную Академию. Я этому безмерно рад и вас обоих от души с этим поздравляю* [5, с. 268].

В первом контексте автор использует прямое поздравление, употребляя соответствующую форму глагола *поздравлять* (*поздравляю*) и предложно-падежную форму имени существительного *с праздником*, а кроме того, вводит в контекст описание праздничной Москвы.

Второй контекст содержит описание чувств автора по поводу поступления сына в военную академию (*безмерно рад*) и прямое поздравление двух адресатов (сына и жены), что выражается посредством клишированной предложно-падежной формы имени существительного *от души*.

Следует отметить, что ни один из приведенных контекстов, включающих речевой акт «поздравление», не употребляется в эпистолярных текстах Б. Пастернака в сочетании с речевым актом «пожелание».

Заключение

В ходе исследования были выявлены и охарактеризованы речевые жанровые формулы в четырех циклах писем Б. Пастернака к Е. Пастернак, М. Цветаевой, З. Пастернак, О. Фрейденберг. Представлены благодарность, извинение, пожелание и поздравление – клишированные речеактовые интенциональные проявления (приемы-клише), принадлежащие к иллокутивному классу экспрессивов. Р. Ратмайр отмечает, что данные речеактовые проявления служат «ритуалами статуса», «потому что они позволяют коммуниканту обратить внимание на символические импликации своих поступков» [9, с. 18].

В результате исследования было определено, что наиболее востребованной этикетной жанровой формулой в эпистолярных текстах Б. Пастернака является извинение (32 контекста), чаще всего встречающееся в письмах к М. Цветаевой и О. Фрейденберг (по 10 контекстов), редко – в письмах к Е. Пастернак (5 контекстов). Затем по частотности употребления в эпистолярных текстах Б. Пастернака следует речевая этикетная формула «благодарность» (29 контекстов). Наибольшее количество контекстов с речевым актом «благодарность» замечено в эпистолярных текстах, обращенных к О. Фрейденберг (10) и М. Цветаевой (9), меньше всего – в переписке с Е. Пастернак (4). Менее востребованным, чем извинение и благодарность, оказывается речевой акт «пожелание» (13 контекстов), который автор использует в письмах к М. Цветаевой (4 контекста). В письмах к остальным адресатам пожелание встречается с одинаковой частотностью (у каждого из адресатов обнаружено по 3 контекста). Речевой акт «поздравление» в эпистолярных текстах Б. Пастернака оказывается наименее востребованным (5 контекстов) и применяется по отношению только к двум адресатам – М. Цветаевой и Е. Пастернак (3 и 2 контекста соответственно). Все исследованные этикетные речевые акты особенно часто реализуются автором в письмах к М. Цветаевой, что вызвано чувством уважения и преклонения Б. Пастернака перед гениальностью адресата. Кроме того, М. Цветаева – это единственный адресат, с которым Б. Пастернак не находился в родственных отношениях, что тоже оправдывает активное введение этикетных формул в текст писем, адресованных ей.

Установлено, что все представленные речевые акты в эпистолярных текстах Б. Пастернака выражаются прямо: благодарность (формы лексемы *благодарить* и междометие *спасибо* в составе лексико-грамматических конструкций *благодарить (за что?)*, *спасибо (за что?)* в сочетании с другими языковыми средствами, такими как наречия меры и степени, качественные имена прилагательные, субстантивные и атрибутивные лексемы в функции обращения, сложноподчиненные предложения, которые автор вводит в контекст для объяснения причины благодарности); извинение (формы императива глагола *простить* – *прости, простите*; единичное употребление формы повелительного наклонения глагола *извинить*); пожелание (форма 1-го лица единственного числа глагола *желать* (*желаю*) в составе лексико-грамматической конструкции *желать (кому? чего? / что (с)делать?)*, формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения глагола *быть* (*будь*) в сочетании с краткими и полными формами имен прилагательных, существительных. Дополнительными компонентами, усиливающими положительную семантику пожелания, являются субстантивные лексемы с положительными коннотациями (*радость, ясность, удача*), атрибутивные лексемы с позитивной семантикой (*новый, выросший, большой, счастливый*), качественное наречие *горячо*, употребляемое при глагольной форме *желаю* для усиления воздействия пожелания), поздравление (форма 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения

глагола *поздравлять* (*поздравляю*), иногда с добавлением формы личного местоимения *ты* в форме винительного падежа единственного числа).

Причины для выражения речевых актов «благодарность», «извинение», «пожелание», «поздравление» могут быть различны, варьируются они в основном в зависимости от отношения к адресатам.

Наиболее востребованный вид благодарности, встречающийся в письмах, адресованных ко всем четырем адресатам, – это полученное автором письмо. Причиной для благодарности могут быть также творчество адресата (отмечено в эпистолярных текстах к М. Цветаевой), предметы и обстоятельства быта (этот вид благодарности находим в эпистолярных текстах к Е. Пастернак и М. Цветаевой), эмоциональный аспект отношений между автором и адресатом (письма к З. Пастернак).

Конкретны и индивидуальны причины выражения извинения. Большая часть из них имеет отношение к письмам автора: извинение за длину письма, неразборчивость почерка, бессодержательность или бессмысленность своего письма (встречаются по отношению ко всем адресатам), задержку писем и долгое отсутствие ответов на письма адресата (преобладающее количество данного типа извинений отмечено в посланиях, адресованных О. Фрейденберг). Кроме того, автор в своих эпистолярных текстах извиняется за несостоявшуюся встречу с адресатом по причине незнания с ним на тот момент, признание в своих глубоких чувствах к личности и дарованию адресата (в письмах, адресованных М. Цветаевой), несправедливые упреки, высказанные адресату по причине долгого отсутствия писем от него, не присланные вовремя деньги для семьи (Е. Пастернак), возможную непригодность отправленных для семьи посылок из-за устаревания их содержимого (З. Пастернак).

В ходе исследования было установлено, что такие этикетные речевые акты, как благодарность, извинение, поздравление, в эпистолярных текстах Б. Пастернака сочетаются с другими речевыми актами. Так, благодарность довольно часто сопровождается похвалой, развернутой эмоциональной характеристикой адресата, самохарактеристикой автора. Извинение, как и благодарность, может использоваться вместе с такими речевыми актами, как характеристика адресата и самохарактеристика, а также самоуничижение и благодарность. Поздравления, адресованные М. Цветаевой, могут употребляться вместе с похвалой. Использование речевой этикетной формулы «пожелание» в синтезе с другими речевыми актами не установлено.

Библиографические ссылки

1. Кузьменкова ЮБ. *Азы вежливого общения*. Москва: Титул; 2001. 112 с.
2. Формановская НИ. *Культура общения и речевой этикет*. 2-е издание. Москва: ИКАР; 2002. 234 с.
3. Ресенчук АА, Рябова МЮ. Формулы речевого этикета в эпистолярном романе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013;2(2):144–148.
4. Карасик ВИ. Этикет и английский язык. *Иностранные языки в школе*. 1993;2:3–57.
5. Трофимова НА. Штрихи к портретам социативных речевых актов. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2007;8:61–74.
6. Пастернак БЛ. *Полное собрание сочинений с приложениями в одиннадцати томах. Том 7. Письма. 1905–1926*. Москва: Слово; 2005. 824 с.
7. Пастернак БЛ. *Полное собрание сочинений с приложениями в одиннадцати томах. Том 9. Письма. 1935–1953*. Москва: Слово; 2005. 784 с.
8. Пастернак БЛ. *Полное собрание сочинений с приложениями в одиннадцати томах. Том 8. Письма. 1927–1934*. Москва: Слово; 2005. 768 с.
9. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986;17:170–195.
10. Пастернак БЛ. *Полное собрание сочинений с приложениями в одиннадцати томах. Том 10. Письма. 1954–1960*. Москва: Слово; 2005. 680 с.
11. Ратмайр Р. *Прагматика извинений. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*. Аралова Е, переводчик. Москва: Языки славянской культуры; 2003. 272 с.

References

1. Kuzmenkova JB. *Azy veshlivogo obshcheniya* [ABC's of effective communication]. Moscow: Titul; 2001. 112 p. Russian.
2. Formanovskaya NI. *Kul'tura obshcheniya i rechevoi etiket* [Communication culture and speech etiquette]. 2nd edition. Moscow: IKAR; 2002. 234 p. Russian.
3. Resenchuk AA, Ryabova MJ. Etiquette formulae in the epistolary novel. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;2(2):144–148. Russian.
4. Karasik VI. [Etiquette and English]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1993;2:3–57. Russian.
5. Trofimova NA. Shtrikhi k portretam sotsiativnykh rechevykh aktov. *Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. 2007;8:61–74. Russian.
6. Pasternak BL. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami v odinnadsati tomakh. Tom 7. Pis'ma. 1905–1926* [Complete works with applications in eleven volumes. Volume 7. Letters from 1905 to 1926]. Moscow: Slovo; 2005. 824 p.

7. Pasternak BL. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami v odinnadtsati tomakh. Tom 9. Pis'ma. 1935–1953* [Complete works with applications in eleven volumes. Volume 9. Letters from 1935 to 1953]. Moscow: Slovo; 2005. 784 p.
8. Pasternak BL. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami v odinnadtsati tomakh. Tom 8. Pis'ma. 1927–1934* [Complete Works with applications in eleven volumes. Volume 8. Letters from 1927 to 1934]. Moscow: Slovo; 2005. 768 p.
9. Searle JR. A classification of illocutionary acts. *New in Foreign Linguistics*. 1986;17:170–195.
10. Pasternak BL. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami v odinnadtsati tomakh. Tom 10. Pis'ma. 1954–1960* [Complete works with applications in eleven volumes. Volume 10. Letters from 1954 to 1960]. Moscow: Slovo; 2005. 680 p.
11. Ratmayr R. *Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur*. Köln: Bohlau Verlag; 1996. 243 S.
Russian edition: Ratmayr R. *Pragmatika izvinenii. Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoi kul'tury*. Aralova E, translator. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2003. 272 p.

Статья поступила в редколлегию 01.06.2020.
Received by editorial board 01.06.2020.

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Наталья Николаевна
НИЖНЕВА

Наталля Мікалаеўна
НІЖНЁВА

Natallia Nikolaevna
NIZHNEVA

В июне отметила юбилей Наталья Николаевна Нижнева, известный белорусский лингвист и педагог, доктор педагогических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета БГУ.

Н. Н. Нижнева родилась в Минске в семье военнослужащего. В 1972 г. Наталья Николаевна окончила Минский государственный педагогический институт иностранных языков по специальности «Преподаватель английского и французского языков». С 1972 по 1974 г. работала преподавателем в Белорусском политехническом институте, с 1974 г. – преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой иностранных языков Военной академии Республики Беларусь. В 1981 г. Н. Н. Нижнева защитила кандидатскую диссертацию «Обучение пониманию глагольных словосочетаний при чтении

иностранной технической литературы (на материале преподавания английского языка в неязыковых вузах)», а в 1993 г. – докторскую диссертацию «Дидактические основы обучения чтению иностранной специальной литературы».

Докторская диссертация, защищенная в Санкт-Петербургском государственном университете, была посвящена изучению дидактических основ обучения чтению иностранной специальной литературы. Авторская концепция базировалась на том, что чтение следует рассматривать как резерв формирования творческой личности, инициативы и самостоятельности, широких познавательных мотивов, средство обучения и подготовки специалистов, обладающих широким спектром креативных умений. В рамках представленной концепции разработана система творческих заданий, приве-

денная в учебнике и целом ряде учебных пособий для курсантов (слушателей военных учебных заведений) и студентов учреждений высшего образования (УВО). Данная концепция апробирована в 15 УВО Беларуси, а также в учреждениях стран ближнего и дальнего зарубежья. Новаторский подход автора обладает существенным потенциалом для современного иноязычного образования.

С 1998 г. научно-педагогическая деятельность Натальи Николаевны неразрывно связана с БГУ, где в период с 1998 по 2018 г. она возглавляла кафедру английского языкознания, одновременно являясь профессором кафедры иностранных языков Военной академии Республики Беларусь.

На филологическом факультете Н. Н. Нижнева читает теоретические и практические курсы на 1-й и 2-й ступенях обучения, в частности по стилистике английского языка, методике преподавания иностранных языков, прагматике, теории и практике перевода с использованием проблемных, креативных методов обучения, руководит специальным семинаром «Профессиональное мастерство переводчика: технологическая составляющая», а также дипломными работами и магистерскими диссертациями. Наталья Николаевна разработала научное направление «Современные информационные технологии в обучении иностранным языкам на основе креативных методик».

Н. Н. Нижнева – известный человек в научных кругах не только Беларуси, но и зарубежья. Является академиком Международной академии наук педагогического образования (Москва).

Научные интересы Натальи Николаевны многогранны. Она была ответственным руководителем пяти научно-исследовательских работ: «Содержание и специфика иноязычного образования в БГУ как компонента системы непрерывного образования», «Современные технологии обучения студентов иноязычной компетенции: теоретические основы и практика использования», «Научно-методическое обеспечение процесса обучения иностранным языкам как средству межкультурной коммуникации в классическом университете» (в рамках межвузовской программы «Теория и практика подготовки к межкультурной коммуникации в системе непрерывного обучения иностранным языкам в Республике Беларусь»), «Лингвистические и методические основы подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации», «Инновационный педагогический менеджмент: проблема формирования конкурентоспособного специалиста в системе иноязычного образования (специальность: германская филология)».

Важным аспектом научно-педагогической деятельности Натальи Николаевны является международное научное сотрудничество, в рамках которого она принимает участие во многих

международных конференциях. Неоднократно проходила языковые и научные стажировки за рубежом: в России, Великобритании, Голландии, Испании, Польше, США, Франции, Чехии, Швейцарии. Опыт, накопленный в процессе педагогической деятельности и стажировок, исследователь активно реализует в научной и профессиональной деятельности.

Результаты научных исследований Н. Н. Нижневой представлены в более чем 350 публикациях, изданных в том числе в России, Италии, Польше, США. Среди них учебник, вышедший в Польше и используемый в обучении в УВО Европы, 8 коллективных научных монографий, 10 учебных пособий и др. Наталья Николаевна ведет большую научно-организаторскую работу. Она председатель секции по специальностям «романо-германская филология» и «восточная филология» учебно-методического объединения УВО Республики Беларусь по гуманитарному образованию, председатель научных семинаров «Методика обучения и воспитания» на филологическом факультете БГУ.

Наталья Николаевна являлась членом советов по защите диссертаций в ряде УВО, в настоящее время она входит в совет в Минском государственном лингвистическом университете. Оппонирует диссертации и рецензирует научные работы, входит в состав редколлегии целого ряда журналов в нашей республике и за рубежом. Участвовала в работе комиссии Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по проведению экспертиз представленных на конкурс проектов, являлась членом экспертного совета по формированию государственной программы «Непрерывное образование», работала в составе авторского коллектива по разработке нормативного и учебно-методического обеспечения предмета «иностраный язык» в школе.

По инициативе Н. Н. Нижневой организовано проведение студенческих научных конференций «Языки мира – мир языков», «Общение на языках, языки общения». Кроме того, на протяжении 14 лет Наталья Николаевна ежегодно устраивает две международные конференции: «Мир языков: ракурс и перспектива», «Идеи. Поиски. Решения», которые зарекомендовали себя как авторитетные площадки, собирающие представителей учреждений высшего и среднего образования не только Беларуси, но и ближнего и дальнего зарубежья.

О признании заслуг педагога Н. Н. Нижневой свидетельствует тот факт, что о ее научных достижениях написано в издании «Универсальная Беларуская энцыклапедыя» и в энциклопедии «Республика Беларусь». Результаты научно-педагогической деятельности Натальи Николаевны отмечены Почетной грамотой Министерства об-

разования Республики Беларусь. Н. Н. Нижнева – почетный педагог Военной академии Республики Беларусь.

У Натальи Николаевны есть все, что характеризует настоящего педагога: талант, душевная теплота, ум, обаяние, чуткость, креативность, терпение и неугасающая энергия. Именно за эти качества ее любят, уважают и ценят студенты и коллеги.

Поздравляем Наталью Николаевну с юбилеем! Пусть ее жизнь, как яркая мозаика, складывается из светлых красок радости, незабываемых событий, а каждый новый день дарит удачу, вдохновение и прекрасное настроение!

*Коллектив кафедры английского языкознания
филологического факультета*

Светлана Яковлевна
ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ

Святлана Якаўлеўна
ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ

Svetlana Jakovlevna
GONCHAROVA-GRABOVSKAYA

В сентябре отметила свой юбилей Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская, известный ученый, один из ведущих филологов – русистов Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета БГУ.

Светлана Яковлевна – эрудированный, оригинально мыслящий ученый, научные интересы которого связаны с исследованием русской и белорусской драматургии XX–XXI вв., чему посвящены кандидатская («Комедия-памфлет в русской советской драматургии: проблемы развития») и докторская диссертации («Комедия в русской драматургии 1980–1990-х гг. (жанровая динамика и типология)»), 5 монографий, более 300 научных статей. Светлана Яковлевна – один из авторитетных литераторов, известных не только в Белару-

си, но и за рубежом (Россия, Украина, Польша, Словакия, Чехия, Германия, Литва и др.). Она не боится исследовать сложные научные проблемы и быть первой в их решении. Подтверждение этому – обоснование С. Я. Гончаровой-Грабовской теории и тенденций развития комедии-памфлета на материале русской, белорусской, украинской драматургии с выходом в зарубежную. Это первая и пока единственная работа на постсоветском пространстве, посвященная такому редкому и сложному жанру.

Новым шагом в разработке жанровой системы комедиографии являются труды С. Я. Гончаровой-Грабовской по современной драматургии, где комедия представлена автором как метажанр, обоснованы ее жанровые формы, принципы классификации, специфика развития в конце XX – XXI в.

Монография «Русская драматургия конца XX века (комедиография)» (2015) была издана в Германии, благодаря чему стала доступна мировому научному сообществу. Приоритетной в научной среде является и учебное пособие С. Я. Гончаровой-Грабовской «Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века», изданная в России (2006). В нем раскрыты актуальные проблемы новейшей русской драматургии, жанрово-стилевые тенденции в ней, специфика героя и аспекты поэтики драмы. В научный оборот введены новые имена драматургов, их художественные тексты, что не только расширило и углубило представление о современной драматургии, но и дало целостное, обобщенное представление о ее состоянии. Подтверждение сказанному – переиздание книги в 2008 г. Уровень ее содержания и научная новизна привлекли внимание литературоведов, занимающихся данной проблемой, о чем свидетельствуют ссылки на нее в работах известных ученых из России, Украины, Польши, Чехии и других стран. Практически во всех диссертациях по современной русской драматургии (Е. Шлейникова, Т. Малахова, Т. Денисова, Е. Тетерина, И. Колмыкова, Е. Бурлина, Е. Лазарева и др.) и научных статьях (О. Журчева, Л. Тютелова, И. Болотян, А. Маронь, Ю. Антонов, О. Павлова, Н. Агеева, О. Багдасарян, П. Руднев и др.) фигурирует имя С. Я. Гончаровой-Грабовской как авторитетного ученого. В этом плане ее научные труды заняли ключевое место в контексте российско-белорусского литературоведения.

Следующим научным достижением Светланы Яковлевны стала монография «Русскоязычная драматургия Беларуси на рубеже XX–XXI вв. (проблематика, жанровая стратегия)» (2015) – первая книга в литературоведении, в которой дан глубокий анализ современной отечественной драматургии. В этой работе впервые была предпринята попытка систематизации и концептуализации русскоязычной драматургии, определения ее статуса и места в литературном процессе. Этот пласт драматургии оставался фактически неизученным, и его исследование было актуальным и стратегически важным. Практическая и научная значимость данной книги отмечена в рецензиях авторитетных журналов «Литературоведение в России», «Acta Polono-Ruthenica», «Вестник МГУ. Серия 9, Филология» и др.

Светлана Яковлевна активно выступает с докладами на международных научных конференциях, форумах русистов, конгрессах Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, симпозиумах в России, Украине, Польше, Словакии, Германии, Литве, Латвии, Чехии, Австрии, Индии и др., публикуется в зарубежных журналах «Przegląd Rusycystyczny», «Acta Polo-

no-Ruthenica», «Polilog», «Филологические науки», «Південний архів (філологічні науки)» и др., является членом редколлегии ряда зарубежных журналов.

С. Я. Гончарова-Грабовская многие годы руководит научными темами, входящими в государственную программу («Русскоязычная литература Беларуси конца XX–XXI века» (2006–2010), «Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: герой и социум» (2010–2015), «Русская и белорусская драматургия на рубеже XX – XXI вв.: автор, жанр, стиль» (2016–2020)), являлась исполнителем международной научной программы «Славянские литературы после 1989 года» (Польша).

Много сил и энергии Светлана Яковлевна направляет на организацию и проведение международных научных конференций («Славянские литературы в контексте мировой» (2001), «Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI вв.» (2006, 2010, 2014)), объединивших ученых многих стран в исследовании важной проблемы. Благодаря этому кафедра русской литературы, возглавляемая С. Я. Гончаровой-Грабовской на протяжении 20 лет, стала известной далеко за пределами Беларуси. Этому также содействовало издание научных трудов кафедры русской литературы БГУ (2002–2005, 2007, 2009, 2010, 2014), в подготовке которых большая заслуга, конечно, принадлежит Светлане Яковлевне как их организатору и редактору. Впервые в Беларуси под научным руководством С. Я. Гончаровой-Грабовской был издан сборник научных статей «Русскоязычная литература Беларуси конца XX – начала XXI в.» (2010), что стало научным достижением в белорусском литературоведении.

С. Я. Гончарова-Грабовская – автор 10 учебных пособий как по истории русской литературы XX в., так и драматургии («Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI в.)», «Хрестоматия по современной русской драматургии (конец XX – начало XXI века)», «Современная русская драматургия (конец XX – начала XXI века» и др.). Подобных работ по современной русской драматургии нет ни в Беларуси, ни в России. В 2016 г. Светлана Яковлевна победила в университетском конкурсе и стала лауреатом премии имени В. И. Пичеты в области гуманитарного цикла за разработку учебно-методического комплекса по русской и белорусской драматургии рубежа XX–XXI вв., а в 2017 г. – победителем конкурса «Женщина года БГУ» за учебно-методическую работу.

Высокий рейтинг С. Я. Гончаровой-Грабовской и в студенческой аудитории. С профессиональным энтузиазмом она читает курсы по истории русской литературы XX в., спецкурсы по поэтике драмы, современной русской и белорусской драматургии, выступает с лекциями в Театре белорусской драматургии. Светлану Яковлевну хорошо знают

не только театральные критики, но и драматурги, встречи с которыми она организует на филологическом факультете.

С. Я. Гончарова-Грабовская – опытный руководитель. Она проводит плодотворную научную и учебно-методическую работу по подготовке учебников и учебных пособий. Под руководством и с участием ученого подготовлены и изданы типовые программы по всем курсам истории русской литературы, которыми пользуются филологические факультеты учреждений высшего образования Беларуси. Светлана Яковлевна является соавтором образовательных стандартов по таким филологическим специальностям, как «Русский язык и литература», «Славянские языки и литературы», принимает активное участие в создании учебных программ по русской литературе для учреждений среднего образования, возглавляя рабочую группу в Институте образования Республики Беларусь, входит в состав бюро государственной комиссии по подготовке учебников и учебных пособий в гуманитарно-общественной сфере. Профессор С. Я. Гончарова-Грабовская является заместителем председателя экспертной комиссии ВАК Республики Беларусь по литературоведению,

заместителем председателя совета по защите диссертаций (педагогика и методика преподавания), членом редколлегии журналов «Филология», «Русистика в Беларуси» и др. Можно долго еще перечислять заслуги Светланы Яковлевны, которые отмечены высокими наградами Российской Федерации (медаль «150-летие А. П. Чехова»), Министерства образования Республики Беларусь («Отличник образования»), Белорусского государственного университета (заслуженный работник БГУ) и др.

Вместе со всеми описанными достижениями и заслугами Светланы Яковлевны как прекрасного ученого, опытного руководителя, авторитетного профессора кафедры русской литературы следует отметить и то, что она является очень ответственным и отзывчивым человеком, всегда рада помочь своим коллегам и ученикам, всегда спокойна и доброжелательна.

Поздравляем Светлану Яковлевну с юбилеем и желаем ей крепкого здоровья, оптимизма, благополучия и дальнейших успехов в научной и педагогической деятельности.

*Л. Л. Авдейчик*¹

¹Людмила Леонидовна Авдейчик – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета.

Людмила Леонідаўна Аўдзейчык – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Lyudmila L. Avdeichik, PhD (philology), docent; head of the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: *mlar25@gmail.com*

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

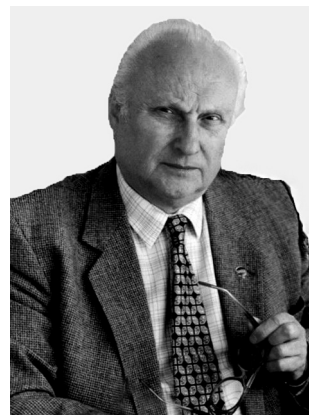
ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Арнольд Ефимович
МИХНЕВИЧ**

**Арнольд Яфімавіч
МІХНЕВІЧ**

**Arnold Jafimavich
MIKHNEVICH**

Беларуская навука і вышэйшая школа панеслі цяжкую страту: 23 мая 2020 г. у г. Кёльн (Германія) пасля працяглай хваробы пайшоў з жыцця Арнольд Яфімавіч Міхневіч, доктар філалагічных навук, прафесар, акадэмік Міжнароднай акадэміі навук Еўразіі, выдатнік народнай асветы, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь у галіне навукі і тэхнікі, аўтар больш за 600 навуковых прац.

Арнольд Яфімавіч прайшоў надзвычай плённы жыццёвы, навуковы і чалавечы шлях. Ён нарадзіўся 9 верасня 1936 г. у Мінску, у 1958 г. скончыў філалагічны факультэт Гомельскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута, з 1958 па 1960 г. працаваў настаўнікам у сярэдняй школе ў в. Бабічы Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці.

Ад самага пачатку ўваходжання ў навуку, будучы яшчэ толькі аспірантам акадэмічнага Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа, А. Я. Міхневіч абраў для свайго дысертацыйнага даследавання найноў-

шы граматычны метад – трансфармацыйны аналіз. Такі напрамак лінгвістыкі ў той час быў новым не толькі ў Беларусі, але і ў СССР. Так, яго паспяхова абароненая дысертацыя (1963), кіраўніком якой быў К. К. Атраховіч, а таксама манаграфія «Сінтаксічна непадзельныя словазлучэнні ў беларускай мове (трансфармацыйны аналіз)» (1965) сталі першымі навуковымі працамі ў лінгвістычным ландшафце Беларусі, заснаванымі на ідэях трансфармацыйнай граматыкі.

Не менш піянерскай для свайго часу па паста-ноўцы і вырашэнні сінтаксічных праблем стала фундаментальная манаграфія А. Я. Міхневіча «Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы» (1976), а таксама абароненая аднайменная доктарская дысертацыя, дзе ўпершыню ў беларускім мовазнаўстве былі разгледжаны так званыя скрытаграматычныя катэгорыі, рэферэнтная спалучальнасць слоў, сінтаксічная ама-

німія, змены ў семантыцы сінтаксічных адзінак пад уплывам пазамоўных і ўнутрымоўных фактараў.

На кожным этапе сваёй навуковай дзейнасці – ад аспіранта да рэктара і акадэміка – А. Я. Міхневіч здолеў пакінуць нешта адмысловае, эўрыстычнае, глыбокае, а спектр гэтай дзейнасці быў надзвычай шырокі: сінтаксіс, семантыка, рыторыка, этымалогія, русістыка, сацыялінгвістыка, тыпалагічнае мовазнаўства, супастаўляльная лінгвістыка, лексікаграфія, тэрміналогія, ідыяматыка, беларусістыка, лексічная стылістыка, семіётыка, культуралогія і інш. Яго навуковая цікавасць да ўсяго новага, кампетэнтнасць, энцыклапедычная дасведчанасць сталі падставай да ўключэння Арнольда Яфімавіча ў Міжнародную камісію па вывучэнні граматычнай структуры славянскіх моў пры Міжнародным камітэце славістаў, два саветы па абароне доктарскіх дысертацый у БДУ, навукова-выдавецкі савет «Беларускай энцыклапедыі», экспертны савет ВАК Рэспублікі Беларусь, які Арнольд Яфімавіч узначальваў з 1994 па 1998 г. За вялікі ўнёсак у развіццё беларускай навукі вучоны быў уганараваны знакам «Выдатнік народнай асветы» (1980), а неўзабаве ўзнагароджаны Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета БССР (1982).

Прафесар А. Я. Міхневіч выключную ўвагу надаваў праблемам культуры мовы і рыторыцы, а маючы надзвычайныя папулярызатарскія здольнасці, на працягу многіх гадоў актыўна выступаў у якасці лектара таварыства «Веды» ў Беларусі і за яе межамі па праблемах прамоўніцкага майстэрства. Прычым пільная ўвага да беларускага слова рэалізавалася ім і на практыцы: Арнольд Яфімавіч перакладаў на беларускую мову творы розных паэтаў, сам пісаў вершы і эпіграмы пад псеўданімам Януш Няміга.

Навуковы і педагагічны лёс А. Я. Міхневіча цесна звязаны з Інстытутам мовазнаўства імя Якуба Коласа акадэміі навук БССР (1963–1983), Мінскім інстытутам паліталогіі і сацыяльнага кіравання (1983–1991), Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэтам (1991–1995), Беларускай дзяржаўнай інстытутам праблем культуры (1995–2001), а таксама Беларускай дзяржаўнай універсітэтам (2001–2009).

Да асноўных навуковых і вучэбна-метадычных публікацый А. Я. Міхневіча адносяцца кнігі «Сінтаксічна непадзельныя словазлучэнні ў беларускай мове (трансфармацыйны аналіз)» (Мінск, 1965), «Белорусский язык для небелорусов» (Мінск, 1973; у суаўтарстве) (перавыдавалася ў 1978, 1990, 2008 гг.), «Проблемы семантика-синтаксического исследования белорусского языка» (Мінск, 1976), «Словарь славянской лингвистической терминологии» (т. 1–2, Прага, 1977–1979; у суаўтарстве), «Ораторское искусство лектора» (М., 1977); (перавыдавалася ў 1986 г.), «Русско-белорусский разговорник» (Мінск, 1991), «Англо-белорусский разговорник» (Мінск, 1992; у суаўтарстве), «Беларуская мова: энцыклапедыя» (Мінск, 1994; агульная рэдакцыя), арталагічны даведнік «Слоўка за слоўкам» (2006; у суаўтарстве) і многія іншыя.

Сваім самым значным поспехам у галіне этымалогіі А. Я. Міхневіч лічыў другі том «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы» і шэраг публікацый адпаведнай тэматыкі ў часопісе «Малодосць». Адною з апошніх важных друкаваных прац з’яўляецца раздзел «Беларуская мова» ў томе «Славянскія мовы» з энцыклапедыі «Языки мира» (М., 2005).

Пайшоў з жыцця таленавіты вучоны, сапраўдны настаўнік, высакародны чалавек. Балючая страта напаткала не толькі родных і сяброў А. Я. Міхневіча, але і яго шматлікіх вучняў, якім ён асабістым прыкладам, дарэчнымі парадамі і часам вельмі іранічнымі кансультацыямі даў правільны кірунак у жыцці – навуковае і чалавечае. А. Я. Міхневіч быў мудры і таленавіты педагог, які выхаваў некалькі пакаленняў прафесіяналаў-лінгвістаў, сярод якіх 15 кандыдатаў і 3 дактары навук.

Вучні і калегі прафесара А. Я. Міхневіча захапляліся і заўсёды будуць захапляцца ім як асобаю, у якой праявіліся найвышэйшыя чалавечыя каштоўнасці: годнасць, справядлівасць, дабрыня, павага да чалавека. Памяць пра яго будзе вечна жыць у сэрцах тых, хто меў шчасце яго ведаць, з ім працаваць і ў яго вучыцца.

Ю. В. Назаранка¹,
Т. Р. Рамза²

¹Юлія Віктаровна Назаранка – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Юлія Віктараўна Назаранка – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Julia V. Nazaranko, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: julijanazarenko@mail.ru

²Татьяна Ростиславовна Рамза – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Таццяна Расціславаўна Рамза – доктар філалагічных навук, дацэнт; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tatsiana R. Ramza, doctor of science (philology), docent; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: ramza@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННОТАЦІЇ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.111'276.6:327(075.8)

Иностранный язык профессиональной деятельности (второй) (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 01 «Международные отношения» / БГУ ; сост.: М. Н. Шудейко [и др.] ; [под ред. И. Н. Ивашкевич]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 183 с. : табл. Библиогр.: с. 175–178. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/243928>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.06.2020, № 006412062020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 1–4-х курсов специальности «международные отношения» и состоит из четырех разделов. Теоретический раздел представляет собой обзор основных учебно-методических пособий, используемых в ходе преподавания курса. В практическом разделе представлен глоссарий и вопросы по изучаемым темам. В разделе контроля знаний указаны формы и содержание итогового контроля, вопросы к зачету/экзамену, образцы тестов по видам контроля и экзаменационные задания. Вспомогательный раздел содержит фрагмент учебной программы по дисциплине «иностранный язык профессиональной деятельности (второй) (английский)» для специальности 1-23 01 01 «Международные отношения»; список литературы и информационно-аналитические материалы.

УДК 811.111'276.6:327(075.8)

Шудейко, М. Н. Иностранный язык (второй) (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 01 «Международные отношения» / М. Н. Шудейко, Н. А. Ладик ; [под ред. И. Н. Ивашкевич] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 66 с. : табл. Библиогр.: с. 57–59. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/243929>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.06.2020, № 006512062020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 1-го курса специальности «международные отношения». Данный комплекс состоит из четырех разделов: 1) теоретический раздел; 2) практический раздел; 3) контроль знаний; 4) вспомогательный раздел. Теоретический раздел представляет собой обзор основных учебно-методических пособий, используемых в ходе преподавания курса. В практическом разделе представлен глоссарий, вопросы и другой материал по изучаемым темам. В разделе контроля знаний указаны формы и содержание итогового контроля (письменные и устные формы контроля на экзамене), вопросы к экзамену, образцы тестов по видам контроля и экзаменационные задания. Вспомогательный раздел содержит фрагмент учебной программы по дисциплине «иностранный язык (второй) (английский)» для специальности 1-23 01 01 «Международные отношения»; список литературы (основная литература, дополнительная литература, интернет-ресурсы) и информационно-аналитические материалы. Особое внимание уделяется обогащению иноязычного словарного запаса студентов, усвоению клише, а также освоению студентами коммуникативных стратегий.

УДК 80(06)

Мова і літаратура [Электронны рэсурс] : матэрыялы 77-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ (Мінск, 22 красавіка 2020 г.) / БДУ ; [пад рэд. К. А. Тананушкі]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск :

БДУ, 2020. 280 с. : іл. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/244538>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 25.06.2020, № 007025062020.

У зборнік увайшлі матэрыялы дакладаў 77-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ па актуальных праблемах сучаснага мовазнаўства, літаратуразнаўства, педагогікі, методыкі выкладання, класічнай філалогіі, міфалогіі, культуралогіі і фальклору.

Прызначаецца студэнтам, аспірантам і шырокаму колу чытачоў.

УДК 82.09(075.8)

Рагойша В. П. Уводзіны ў літаратуразнаўства [Электронны ресурс] : электрон. вучэб.-метадыч. комплекс для спец.: 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)», 1-21 05 02 «Руская філалогія (па напрамках)», 1-21 05 04 «Славянская філалогія», 1-21 05 05 «Класічная філалогія», 1-21 05 06 «Рамана-германская філалогія», 1-21 05 07 «Усходняя філалогія» / В. П. Рагойша, Т. В. Лук'янава ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2020. 87 с. : табл. Бібліягр.: с. 85–87. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/244539>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 26.06.2020, № 007126062020.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) па вучэбнай дысцыпліне «Уводзіны ў літаратуразнаўства» разлічаны на студэнтаў спецыяльнасцей 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)», 1-21 05 02 «Руская філалогія (па напрамках)», 1-21 05 04 «Славянская філалогія», 1-21 05 05 «Класічная філалогія», 1-21 05 06 «Рамана-германская філалогія», 1-21 05 07 «Усходняя філалогія». Змест ЭВМК арыентаваны на вывучэнне асноўных пытанняў літаратуразнаўства як філалагічнай дысцыпліны.

УДК 821(100).09(06)

Juventus in litteratura [Электронны ресурс] : материалы 77-й науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов БГУ (Минск, 22 апр. 2020 г.) / БГУ ; [под ред. М. С. Коржевской]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 151 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245007>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.07.2020, № 007406072020.

В сборник вошли материалы лучших докладов 77-й научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов БГУ, представленные в ходе работы секций «Английская литература», «Немецкая литература», «Романские литературы», а также «Зарубежная литература (для магистрантов и аспирантов)».

Адресуется студентам, магистрантам и аспирантам.

УДК 811.112.2'25(075.8)

Специальный перевод (второй иностранный язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / БГУ ; сост. Н. Г. Зайченко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 40 с. : табл. Библиогр.: с. 39–40. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245179>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.07.2020, № 007707072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: характеристика и особенности официально-делового стиля, стиль делового письма, структура и содержание делового письма, запрос информации, организация встречи, бронирование, подтверждение брони, оферты и сметы, размещение заказа, ответ на заказ, условия поставки, условия оплаты, письмо-напоминание, дефекты и рекламации, ответ на рекламацию, телефонные переговоры и т. д.

УДК 811.112(075.8)

Практикум по межкультурной коммуникации (второй иностранный язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / БГУ ; сост.: А. В. Зеленовская, С. А. Трофименко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 55 с. : табл. Библиогр.: с. 54–55. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245186>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.07.2020, № 007807072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности «Современные иностранные языки (перевод)». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов по дисциплине: «Deutschland: Land und Leute», «Geschichte der BRD», «Das ist Berlin», «Die deutsche Sprache», «Typisch Deutsch», «Made in Germany», «Das politische System Deutschlands», «Belarus: Land und Leute», «Ausbildung für das Leben», «Medienwelten», «Die Europäische Union stellt sich vor», «Rund ums Geld», «Arbeitswelten», «Natur und Umwelt».

УДК 811.112.2(075.8)

Зеленовская А. В. Теория языка (второй иностранный язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / А. В. Зеленовская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 110 с. : табл. Библиогр.: с. 109–110. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245207>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.07.2020, № 007907072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности Современные иностранные языки (перевод). Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: роль современного немецкого языка среди мировых языков и география его распространения; формы существования современного немецкого языка; происхождение и этапы развития немецкого языка; артикуляционная база немецкого языка, основные модели словарного ударения и интонации немецкого предложения; морфологический строй немецкого языка и особенности немецкого предложения; словообразование в немецком языке, словарный состав современного немецкого языка.

УДК 811.112.2'36(075.8)

Практическая грамматика (второй иностранный язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / БГУ ; сост. И. Н. Козелецкая. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 101 с. : табл. Библиогр.: с. 85–86. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245296>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.07.2020, № 008007072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» факультета социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов по дисциплине «практическая грамматика второго иностранного языка (немецкий)»: «Имя существительное», «Артикль», «Имя прилагательное», «Местоимение», «Имя числительное», «Глагол», «Предлог», «Наречие», «Простое предложение и его структурные типы», «Отрицание и его место в предложении», «Сложное предложение», «Инфинитивные группы».

Цель данного ЭУМК заключается в формировании, развитии и совершенствовании у студентов грамматических знаний, умений и навыков, которые обеспечат в дальнейшем общение на иностранном языке.

УДК 811.112.2'276.6:53(075.8)

Иностранный язык (немецкий, модуль профессионального общения) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-31 04 02 «Радиофизика», 1-31 04 03 «Физическая электроника», направление спец.: 1-98 01 01-02 «Компьютерная безопасность (радиофизические методы и программно-технические средства)» / БГУ ; сост. В. П. Буко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 59 с. : табл. Библиогр.: с. 39–40. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245308>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.07.2020, № 008107072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по немецкому языку для студентов-физиков разработан с учетом когнитивно-коммуникативного подхода при обучении иноязычному общению и способствует формированию и совершенствованию лексико-грамматических навыков, развитию умений профессионально ориентированного общения на немецком языке. Включает в себя цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы, теоретический раздел, практический раздел с планами практических занятий, раздел контроля знаний, вспомогательный раздел с учебной программой и методическими рекомендациями, а также список учебной литературы.

УДК 811.112.2'276.6:33(075.8)

Иностранный язык (немецкий, модуль профессионального общения) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-25 01 01 «Экономическая теория», 1-25 01 02 «Экономика», 1-25 01 04 «Финансы и кредит», 1-25 01 12 «Экономическая информатика» / БГУ ; сост. А. Н. Воробьева. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 56 с. : табл. Библиогр.: с. 29–30. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245345>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.07.2020, № 008208072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 1-25 01 01 «Экономическая теория», 1-25 01 02 «Экономика», 1-25 01 04 «Финансы и кредит», 1-25 01 12 «Экономическая информатика», выпускаемых экономическим факультетом БГУ.

Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов профессионального и производственного общения: структура и характер профессиональной деятельности; требования к личностным

характеристикам при устройстве на работу; нормы делового общения; ведение рабочей документации; знакомство с межкультурными аспектами в деловых отношениях; реферирование и аннотирование экономических статей и др.

УДК 811.112.2'342(075.8)

Практическая фонетика второго иностранного языка (немецкий) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / БГУ ; сост. С. А. Трофименко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 57 с. : табл. Библиогр.: с. 57. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245356>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.07.2020, № 008308072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: фонетическая система немецкого языка; звукобуквенные соответствия в немецком языке; слоговое деление; гласные фонемы; согласные фонемы; словесное ударение; интонация; просодическая структура фразы; коммуникативные высказывания.

УДК 811.112.2(075.8)

Практика устной и письменной речи второго иностранного языка (немецкий) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / БГУ ; сост. О. П. Шабан. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 109 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 108–109. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245379>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.07.2020, № 008408072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности «Современные иностранные языки (перевод)». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов по дисциплине: «Einstieg in die Studienwelt», «Wohnen», «Einkaufen. Kleidung», «Reisen. Urlaub», «Feiern. Feste. Unterhaltung», «Alltagssituationen», «In der Bank», «Arztbesuch», «Einstieg in die Berufswelt».

УДК 811.112.2'276.6:9(430)(075.8)

Иностранный язык (немецкий, модуль профессионального общения) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 03 01 «История (по направлениям)», 1-23 01 13 «Историко-архивоведение», 1-26 02 04 «Документоведение (по направлениям)», 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)» / БГУ ; сост.: О. М. Галай, И. И. Ковган. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 68 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 66–67. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245396>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.07.2020, № 008508072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов-историков специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)». Пособие содержит аутентичные тексты по основным разделам истории Германии. К текстам прилагается система лексико-грамматических заданий и упражнений. Пособие снабжено соответствующим иллюстративным материалом. Цель пособия – способствовать развитию у студентов прочных навыков чтения литературы исторического профиля, умению различать основную и второстепенную содержательную информацию.

УДК 811.112.2'276.6:54(075.8)

Иностранный язык (немецкий, модуль профессионального общения) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-31 05 01-01 «Химия (научно-производственная деятельность)», 1-31 05 01-02 «Химия (научно-педагогическая деятельность)», 1-31 05 01-03 «Химия (фармацевтическая деятельность)», 1-31 05 01-04 «Химия (охрана окружающей среды)», 1-31 05 01-05 «Химия (радиационная, химическая и биологическая защита)», 1-31 05 02 «Химия лекарственных соединений», 1-31 05 03 «Химия высоких энергий», 1-31 05 04 «Фундаментальная химия» / БГУ ; сост. Е. А. Пригодич. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 61 с. : табл. Библиогр.: с. 59–60. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245691>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.07.2020, № 008610072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов-химиков специальностей: 1-31 05 01-01 «Химия (научно-производственная деятельность)», 1-31 05 01-02 «Химия (научно-педагогическая деятельность)», 1-31 05 01-03 «Химия (фармацевтическая деятельность)», 1-31 05 01-04 «Химия (охрана окружающей среды)», 1-31 05 01-05 «Химия (радиационная, химическая и биологическая защита)», 1-31 05 02 «Химия лекарственных соединений», 1-31 05 03 «Химия высоких энергий», 1-31 05 04 «Фундаментальная химия».

ЭУМК направлен на обучение студентов химических специальностей профессионально ориентированному общению на немецком языке, содержит оригинальные тексты для чтения, задания различного уровня сложности, предполагает развитие навыков чтения текстов по специальности, извлечение необходимой информации, формирование навыков и умений профессионального общения.

УДК 811.112.2'276.6:57(075.8)

Иностранный язык (немецкий, модуль профессионального общения) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-31 01 01-01 «Биология (научно-производственная деятельность)», 1-31 01 01-02 «Биология (научно-педагогическая деятельность)», 1-31 01 01-03 «Биология (биотехнология)», 1-33 01 01 «Биология (биоэкология)» / БГУ ; сост.: Н. М. Смирнова, Н. К. Зубовская. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 53 с. : табл. Библиогр.: с. 50–51. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245693>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.07.2020, № 008710072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов-биологов специальностей: 1-31 01 01-01 «Биология (научно-производственная деятельность)», 1-31 01 01-02 «Биология (научно-педагогическая деятельность)», 1-31 01 01-03 «Биология (биотехнология)», 1-33 01 01 «Биология (биоэкология)».

Содержание ЭУМК предполагает развитие навыков чтения текстов по специальности «Биология», извлечение необходимой информации, формирование навыков и умений профессионального общения.

УДК 811.112.2'276.6:51(075.8)+811.112.2'276.6:53(075.8)

Иностранный язык (немецкий, модуль профессионального общения) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-31 03 01-01 «Математика (научно-производственная деятельность)», 1-31 03 01-02 «Математика (научно-педагогическая деятельность)», 1-31 03 01-03 «Математика (экономическая деятельность)», 1-31 03 01-04 «Математика (научно-конструкторская деятельность)», 1-31 03 02 «Механика и математическое моделирование», 1-31 03 08 «Математика и информационные технологии, 1-31 03 08-01 «Математика и информационные технологии» / БГУ ; сост. Т. Г. Давидович. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 63 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 53–54. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245694>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.07.2020, № 008810072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов-биологов специальностей: 1-31 01 01-01 «Биология (научно-производственная деятельность)», 1-31 01 01-02 «Биология (научно-педагогическая деятельность)», 1-31 01 01-03 «Биология (биотехнология)», 1-33 01 01 «Биология (биоэкология)».

Содержание ЭУМК предполагает развитие навыков чтения текстов по специальности «Биология», извлечение необходимой информации, формирование навыков и умений профессионального общения.

УДК 811.112.2'276.6:34(075.8)

Иностранный язык (немецкий) [Электронный ресурс]: электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / БГУ ; сост. И. Е. Ковалева. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 118 с. : табл. Библиогр.: с. 102–104, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/245695>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 13.07.2020, № 008913072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право». ЭУМК представляет собой учебно-методическое обеспечение по немецкому языку для подготовки студентов 1–2-х курсов юридического факультета БГУ к осуществлению межкультурного профессионального и межличностного иноязычного общения. Рекомендуется для аудиторной и внеаудиторной работы студентов-юристов.

УДК 811.124(075.8)

Латинский язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия», 1-23 01 13 «Историко-архивоведение», 1-21 03 01 «История (по направлениям)» / БГУ ; сост.: А. В. Гарник, А. В. Кириченко, Ю. А. Сединина-Барковская. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 138 с. : табл. Библиогр.: с. 137–138. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/246426>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.07.2020, № 009317072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия», 1-23 01 13 «Историко-архивоведение» и 1-21 03 01 «История (по направлениям)». Содержание ЭУМК предполагает изучение сле-

дующих вопросов: история латинского языка; роль латинского языка в истории европейской культуры в разные исторические периоды; фонетика, морфология и синтаксис латинского языка; теоретические и практические основы перевода с латинского языка.

УДК 811.124(075.8)

Латинский язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-31 05 02 «Химия лекарственных соединений», 1-31 05 01 «Химия (по направлениям)», направление спец.: 1-31 05 01-03 «Химия (фармацевтическая деятельность)» / БГУ ; сост.: А. В. Кириченко, Н. В. Протасевич. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 108 с. : табл. Библиогр.: с. 107–108. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/246427>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.07.2020, № 009417072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 1-31 05 02 «Химия лекарственных соединений», 1-31 05 01 «Химия (по направлениям)», направление специальности 1-31 05 01-03 «Химия (фармацевтическая деятельность)». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: история латинского языка; фонетика, морфология (существительное, прилагательное, глагол в настоящем времени); фармацевтическая латиноязычная терминология, клиническая терминология; латинская часть рецепта.

УДК 398.221(=16)(075.8)

Казакова И. В. Славянская мифология [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 04 «Славянская филология» / И. В. Казакова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 76 с. Библиогр.: с. 73–76. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/246816>. Загл. с экрана. Деп. у БГУ 29.07.2020, № 010529072020.

Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов специальности 1-21 05 04 «Славянская филология». Он содержит тематический материал по основным разделам курса, практический материал, раздел контроля знаний, а также дополнительные разделы.

УДК 811.112.2:908(075.8)

Лингвострановедение [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / БГУ ; сост. Е. Г. Фоменок. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 122 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 121–122. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/246826>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.07.2020, № 010629072020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение основных теоретических вопросов лингвострановедения (предмет, цели и задачи лингвострановедения, языковые единицы, отражающие национальные особенности культуры народа) и страноведческих и лингвострановедческих реалий немецкоязычных стран – Федеративной Республики Германия, Австрийской Республики, Швейцарской конфедерации, Княжества Лихтенштейн, Великого Герцогства Люксембург.

УДК 811.124(075.8)

Латинский язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-31 01 01 «Биология» (по направлениям), 1-31 01 02 «Биохимия», 1-31 01 03 «Микробиология», 1-33 01 01 «Биоэкология» / БГУ ; сост.: Н. В. Протасевич, Е. В. Стриго. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 80 с. : табл. Библиогр.: с. 79–80. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248567>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.09.2020, № 011518092020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 1-31 01 01 «Биология» (по направлениям), 1-31 01 02 «Биохимия», 1-31 01 03 «Микробиология», 1-33 01 01 «Биоэкология». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: история формирования латинской биологической терминологии; фонетика латинского языка; образование униноминальных и биноминальных терминов в ботанической и зоологической номенклатурах; латинская химическая терминология; образование биологических терминов с помощью корневых и аффиксальных терминологических элементов греко-латинского происхождения.

УДК 811.124'276.6:57(075.8)

Биологическая латынь [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 05 05 «Классическая филология» / БГУ ; сост.: Е. В. Стриго, Н. В. Протасевич. Электрон. текстовые дан. Минск :

БГУ, 2020. 73 с. : табл. Библиогр.: с. 72–73. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248570>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.09.2020, № 011618092020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 05 05 «Классическая филология». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: история формирования латинской биологической терминологии; образование униномиальных и биномиальных терминов в ботанической и зоологической номенклатурах; образование биологических терминов с помощью корневых и аффиксальных терминоэлементов греко-латинского происхождения; методика преподавания биологической терминологии.

УДК 811.133.1(075.8)

Цыбульская Н. А. Основной иностранный язык (французский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология» / Н. А. Цыбульская, А. В. Квачек ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 93 с. : табл. Библиогр.: с. 85–86. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248876>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.10.2020, № 012405102020.

Электронный учебно-методический комплекс предлагает аутентичные тексты, практические и тестовые задания для проведения аудиторных и самостоятельных практических занятий по совершенствованию речевой деятельности (говорению, чтению, письму) с целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения.

Адресован студентам 5-го курса специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология».

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Зелезинская Н. С.</i> Мотив как формула образно-поэтического переживания действительности: методология А. Н. Веселовского в современном шекспироведении	5
<i>Данилевич Д. И.</i> Прецедентные тексты как индикаторы оппозиции <i>подлинное – поддельное</i> в романах Дж. Барнса и П. Акройда	20

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Горицкая О. С.</i> Морфологические особенности русского языка в Беларуси: факторы языковой динамики....	29
<i>Козлова В. В.</i> Разработка алгоритма определения мнений в медиадискурсе на английском и белорусском языках	40
<i>Кузнецова Е. Л.</i> Закономерности отражения колористической характеристики во внутренней форме русских диалектных номинаций лекарственных трав	50
<i>Солодкая О. И.</i> Вещественные существительные с суффиксом <i>-е-</i> и его алломорфами в русском языке: диахронический аспект	58
<i>Шекунова Н. С.</i> Соотношение пропозиции и ситуации в англоязычных пословицах с образованием вторичного значения	68
<i>Земляник Т. В.</i> Этикетные жанровые формулы в эпистолярных текстах Б. Пастернака	77

ЮБИЛЕИ

Наталья Николаевна Нижнева	87
Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская	89

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Арнольд Ефимович Михневич	92
Аннотации депонированных в БГУ работ	94

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Зелязінская Н. С.</i> Матыў як формула вобразна-паэтычнага перажывання рэчаіснасці: метадалогія А. М. Весялоўскага ў сучасным шэкспіразнаўстве	5
<i>Данілевіч Д. І.</i> Прэцэдэнтныя тэксты як індикатары апазіцыі <i>сапраўднае – падрабленае</i> ў творах Дж. Барнса і П. Акрайда.....	20

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Гарыцкая В. С.</i> Марфалагічныя асаблівасці рускай мовы ў Беларусі: фактары моўнай дынамікі	29
<i>Казлова В. В.</i> Распрацоўка алгарытму выяўлення меркаванняў у медыядыскурсе на англійскай і беларускай мовах.....	40
<i>Кузняцова А. Л.</i> Заканамернасці адлюстравання колеравай характарыстыкі ва ўнутранай форме рускіх дыялектных намінацый лекавых траў.....	50
<i>Салодкая А. І.</i> Рэчыўныя назоўнікі з суфіксам <i>-в-</i> і яго аламорфамі ў рускай мове: дыяхранічны аспект.....	58
<i>Шакунова Н. С.</i> Суадносіны прапазіцыі і сітуацыі ў англамоўных прыказках з другасным значэннем.....	68
<i>Зямлянiк Т. В.</i> Этыкетныя жанравыя формулы ў эпістальярных тэкстах Б. Пастэрнака	77

ЮБІЛЕІ

Наталля Мікалаеўна Ніжнёва.....	87
Святлана Якаўлеўна Ганчарова-Грабоўская	89

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Арнольд Яфімавіч Міхневiч	92
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	94

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Zelezinskaya N. S.</i> The motif as a formula of imaginative poetic experience of the reality: A. N. Veselovsky's methodology in contemporary Shakespeare studies	5
<i>Danilevich D. I.</i> Precedent texts as the indicators of the opposition <i>genuine – fake</i> in J. Barnes's and P. Ackroyd's novels	20

LINGUISTICS

<i>Goritskaya O. S.</i> Morphological features of Belarusian Russian: factors of language change.	29
<i>Kozlova V. V.</i> The design of the algorithm for opinion mining in the media discourse in English and Belarusian	40
<i>Kuznetsova E. L.</i> Regularities of reflecting color characteristic in a inner form of Russian dialectal nominations of medicinal herbs.....	50
<i>Solodkaya O. I.</i> The substance nouns with -v- suffix and its allomorphs in Russian language: the diachronic aspect	58
<i>Shakunova N. S.</i> Relationship between proposition and situation in the English proverbs with secondary meaning.....	68
<i>Zemlyanik T. V.</i> Etiquette genre formulas in epistolary texts by B. Pasternac	77

JUBILEES

Natallia Nikolaevna Nizhneva	87
Svetlana Jakovlevna Goncharova-Grabovskaya	89

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Arnold Jafimavich Mikhnevich 	92
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	94

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 3. 2020
Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 3. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редакторы *С. Е. Богуш, В. В. Казакевич*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректор *С. Е. Богуш*

Подписано в печать 30.10.2020.
Тираж 105 экз. Заказ 439.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 3. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika» (ISSN 2308-9180).

Editors *S. J. Bohush, V. V. Kazakevich*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreader *S. J. Bohush*

Signed print 30.10.2020.
Edition 105 copies. Order number 439.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020